

W $\frac{511}{305}$

ВОЕНЗДАТ
ВОЕНЗДАТ

WŁADYSŁAW SIKORSKI

Generał Dywizji

PRZYSZŁA WOJNA

**JEJ MOŻLIWOŚCI I CHARAKSER
ORAZ ZWIAZANE Z NIM
ZAGADNIENIA OBRONY KRAJU**

WARSZAWA — 1934

WIDAWNICTWO „BIBLIOTEKA PRAWNICZA“

W 511
305

ВЛАДИСЛАВ СИКОРСКИЙ

Дивизионный генерал

БУДУЩАЯ ВОЙНА

**ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ХАРАКТЕР И
СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРОБЛЕМЫ
ОБОРОНЫ СТРАНЫ**

Перевод с польского Я. А. Кротовской

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1936**

355
C35

36-62062

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Среди огромного количества литературы по вопросу о будущей войне и ее характере, издаваемой за последние годы в буржуазных странах и в подавляющем своем большинстве сугубо фантастической и малоценной, книга польского генерала Сикорского, вышедшая в 1934 г., заслуживает несомненного внимания нашего читателя. Генерал Сикорский является одним из видных политических деятелей буржуазной Польши. Он принадлежит к той группе руководящих ее кругов, которая выступает за укрепление франко-польского союза, учитывая и предвидя ту угрозу, которую представляют для дальнейшего существования независимой Польской буржуазной республики бешеные вооружения фашистской Германии.

Генерал Сикорский родился 20 мая 1881 г. в м. Тусзув Народовый (Tuszów Narodowy) близ г. Сандомира. По образованию и первоначальной профессии — инженер. Во время войны Сикорский был начальником военного департамента австро-фильского Главного национального комитета в Кракове, под руководством которого создавались в Галиции польские легионы Пилсудского. Тесно связанный с австрийскими военными властями, Сикорский уже тогда являлся соперником Пилсудского.

После образования Польской республики Сикорский поступил офицером в ряды вновь организованной польской армии. Зимой 1918/19 г. принимал участие в боевых действиях против украинцев в Галиции. Во время антисоветской войны 1920 г. он командовал Полесской группой, а затем V польской армией, действовавшей в районе Модлина (б. Новогеоргиевск). В 1921—1922 гг. Сикорский был начальником польского генерального штаба. Политический противник Пилсудского, он выдвинулся в 1922 г., став председателем совета министров и министром внутренних дел Польши. В 1924—1925 гг. Сикорский

был военным министром. Во время майского переворота Пилсудского в 1926 г. он командовал Львовским военным округом и занимал «нейтральную» позицию. После этого Сикорский вынужден был в 1928 г. уехать во Францию.

Его перу принадлежат следующие труды: «Организация высшего командования»; «Над Вислой и Вартой» («Польско-русская кампания 1920 г.», изд. 1928 г.), где он стремится подчеркнуть свою деятельность в противовес Пилсудскому; «Проблема мира» (изд. 1931 г.); «Польша и Франция в прошлом и настоящем» (изд. 1931 г.) и «Будущая война» (изд. 1934 г.).

В первой части своей книги Сикорский говорит об опасности новой мировой войны. Понятно, он не в состоянии вскрыть действительные корни этой опасности, показать силы, стремящиеся развязать войну, и силы, противостоящие поджигателям войны. Еще менее того он способен разоблачить агрессивные планы, которые лелеют некоторые круги фашистской Польши. И все же генерал Сикорский довольно ярко характеризует империалистические замыслы германского фашизма и приводит ряд убедительных фактов о том, как фашистская Германия открыто готовится к войне. Вместе с тем следует отметить явную нелепость и несостоятельность рассуждений генерала Сикорского о том, что фашизм создал единство германской нации. Фашизм, как открытая террористическая диктатура наиболее реакционной, наиболее шовинистической, наиболее империалистической кучки финансового капитала — не может создать это единство.

Во второй части книги генерал Сикорский освещает характер будущей войны и задачи обороны страны с точки зрения современной буржуазной Польши. Здесь генерал Сикорский, на основе учета опыта мировой и польско-советской войн и развития современной военной техники, дает довольно трезвую картину будущей войны и ее характера. Характеризуя до известной степени взгляды польских военных кругов о будущей войне, эта часть книги представляет несомненный интерес для нашего читателя.

Перевод книги генерала Сикорского «Будущая война» сделан с польского издания, вышедшего в Варшаве в 1934 г. (издательство «Правовая библиотека»), и дан с небольшими сокращениями (главным образом, в первой части книги).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга является плодом размышлений, основанных на моем долголетнем практическом опыте и изучении теории.

Указывая в этой книге на угрозу взрыва новой войны, я стремился ослабить эту возможность. Этой же цели служит также критический, но опирающийся на объективную оценку фактов, анализ предпринятых до сих пор усилий, направленных к укреплению всеобщего мира.

С войной следует бороться, безусловно, всеми доступными нам средствами, так как она является несчастьем человечества. Однако, в политике лучшее часто бывает соперником хорошего. Действительные гарантии международной безопасности, исключение или, по крайней мере, серьезные ограничения, возможности нападения извне, а также объявление войны вне закона были бы в жизни наций громадным прогрессом. Но этого можно достигнуть лишь постепенно и со временем. Было бы безумием думать, что человеческая природа, складывавшаяся тысячелетиями, изменится коренным образом в течение нескольких десятилетий. Непременным условием этого желанного прогресса является и будет еще долгое время являться должным образом организованная сила, стоящая на страже закона. Кто разрушает эту силу, позволяя вместе с тем неуклонно расти тем факторам, которые открыто готовятся к реваншу, тот сознательно или несознательно разрушает основы всеобщего мира и готовит почву для торжества беззакония, опирающегося на грубое насилие.

Поиски политической формулы, разрешающей проблему международной безопасности, не являются задачей данного труда. Однако, внимательный читатель найдет в нем, кроме его общей тенденции, более подробный ответ на связанные с этой проблемой вопросы в тех местах, где они были учтены с военно-технической точки зрения.

Здесь я хочу отметить лишь мимоходом, что умиротворение Европы, многие народы которой восстают против послевоенного порядка вещей, все еще зависит от перевеса сил, противостоящих этим тенденциям. Лишь при решительной, положительной и самостоятельной политике Франции можно также ослабить разлад, наметившийся уже несколько лет в работе над сплочением Европы, и уменьшить противоречия между прежними союзниками, ввиду поддержки некоторыми из них известного лозунга территориального пересмотра договоров. Лишь стоящая на высоте задач сильная, вооруженная Франция и крепость союзов, связывающих ее с другими государствами, в том числе, прежде всего, крепость польско-французского союза, в настоящих условиях являются действительным противовесом угрозе войны, возрастающей в Европе с каждым годом, в связи с лихорадочными вооружениями Третьей империи.

Таким образом, стоя на твердой почве существующих возможностей и вместе с тем целиком признавая ту великую цель, которая руководила до настоящего времени женевскими усилиями в стремлении к лучшему будущему, я хочу особенно подчеркнуть необходимость избрать другие пути, чем те, которыми до сих пор стремились осуществить столь благородные намерения. Я давно уже указывал на ошибочность избранных для этой цели средств, не избегая при этом щекотливых вопросов и тем. Теперь нетрудно констатировать, что, поддерживая женевские методы действия последних лет, мы достигли бы результатов, прямо противоположных запроектированным. Эти методы должны подвергнуться основательному пересмотру; к этому должны стремиться, в первую очередь, те нации, которым в будущем пришлось бы дорого заплатить за ошибки подобного рода.

Содержащиеся во второй части этой книги выводы по вопросу о характере будущей войны, которые я умышленно связал с основными проблемами современной национальной обороны, не являются плодом чистой фантазии. Они основаны на фактах и вытекающем из них предвидении на ближайшее будущее. Утопия, а также химера, являющаяся плодом разыгравшейся фантазии, и даже сравнительно реальный план, но рассчитанный на несколько десятилетий, не был бы полезен при организации обороны государства. Сила и польза армии заклю-

чаются в ее постоянной и полной боевой готовности, а также в постоянном прогрессе, учитывающем замыслы, рассчитанные, несомненно, на будущее, но уже проверенные на практике.

Поэтому мы в данной книге обходим молчанием те военно-технические возможности, которые со временем могут создаваться благодаря неслыханным завоеваниям современной физики. Разрушение атома, освобождающее его громадную внутреннюю энергию, наводит на мысль найти здесь новые и неисчерпаемые источники движущей силы. Однако, этот вопрос находится еще в стадии разработки, и в ближайшем будущем не предвидится способов использования для военных целей этой мало известной и непокоренной до сих пор силы.

Вопрос механического управления на расстоянии торпедами, танками, самолетами и т. д. значительно продвинул вперед. Несмотря на это, в настоящее время механическое управление возможно лишь на небольшом расстоянии и требует лабораторной точности, что пока исключает возможности практического применения этих идей в значительных масштабах, могущих быть принятыми во внимание. Получение точной и длительной синхронности движения в передаточных и приемных станциях, а также ограждение электромагнитных волн от действия противника, является проблемой, до сих пор не разрешенной.

К области ненаучной фантазии следует отнести возможность будто бы останавливать движения самолетов с помощью лучей, действующих на электрическое воспламенение. Точно так же плодом фантазии является идея использования для военных целей силы космических лучей, происхождение, свойство и признаки которых почти совершенно неизвестны. Эти и им подобные идеи, даже если они содержат некоторую ничтожную долю истины для далекого будущего, не могут быть сегодня предметом серьезного обсуждения и тем более служить основой организационных работ в области обороны страны.

Несмотря на эти оговорки, некоторые из приведенных здесь взглядов, безусловно, выходят из рамок современной эпохи. Однако, только таким образом можно дать должное направление военно-техническим изысканиям и успешно использовать полученные этим путем изобретения. Проявленное при этом чувство практицизма и реализма, не имеющее, однако, ничего общего с закостенелой рутинной, имеет гораздо большее значение, чем порывистое воображение.

Основы военного искусства остались непоколебленными и после мировой войны. Однако, в области существующих стратегических и тактических взглядов в последние годы происходит переворот по целому ряду принципиальных вопросов. Тем не менее, новые формы будущей войны не всегда могут быть осуществлены современными армиями и с помощью имеющихся в их распоряжении материальных средств.

Иногда вся совокупность современной системы национальной обороны зависит от дальнейшего прогресса техники и предназначенных для этой цели финансовых средств.

Бюджетные соображения почти всегда заставляют нас сохранять в армии устарелое, т. е. далеко не совершенное, вооружение, ограничивая модернизацию армии весьма узкими рамками.

От этого страдает подготовка армии, соответствующая характеру будущей войны. Однако,—это зло, которого трудно избежать. Чтобы свести его до минимума, надо подготовить военное производство и развернуть его в массовом масштабе в период обострения политической обстановки и вместе с тем так руководить подготовкой частей, чтобы они смогли быстро овладеть полученным ими в этот период новым вооружением и столь же быстрыми темпами усвоить новейшие тактические методы. Эта проблема имеет особое значение для более слабых в экономическом отношении наций. Богатые и располагающие мощной промышленностью государства уже теперь готовятся к современной войне, которая будет трудной и дорогостоящей и вместе с тем чрезвычайно опасной для тех наций, которые окажутся застигнутыми врасплох ее методами и средствами борьбы.

Точно так же было бы величайшей ошибкой рассчитывать в будущей войне на гуманность. Для мирно настроенных наций это означало бы сдачу на милость и немилость тех противников, которые, несмотря на международное запрещение, готовятся использовать в случае войны все возможные средства разрушения.

Вот те мотивы, в силу которых я хотел, чтобы эта книга послужила предостережением и стала частицей той силы, которая, искренно желая мира, служит также исключительно делу его укрепления.

Варшава, июнь 1934 г.

Ген. Сикорский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УГРОЗА НОВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ВОЙНЫ

Глава I

ВОЗМОЖНА ЛИ ВООБЩЕ НОВАЯ ВОЙНА?

Неудача попыток международной организации мира. — Устав Лиги наций и региональные договоры. — Закон и законность и проблема силы в международных отношениях. — Сталкивающиеся мировые течения как вероятный источник новой войны. — Современный мир как временное перемирие.

Казалось бы, последние тяжелые военные испытания восстановят против войны все народы мира. Однако, дело обстоит как раз наоборот. Прошло лишь два десятилетия со времени мировой войны, а уже некоторые государства, забыв о сделанных 20 лет тому назад ошибках, провозглашают войну как фатальную неизбежность в совместной жизни народов, а в некоторых условиях — даже как желательную необходимость.

В 1918 г. родился план международной организации мира. Эта мысль не была новой. Она не только отвечала требованиям исторического момента, но могла также подвести фундамент под решение столь важной проблемы. Эту роль должна была сыграть Лига наций, созданная в 1919 г. Ее существование и деятельность как трибунала наций должны были привести к тому, чтобы в будущем во взаимоотношениях народов царил законность.

Однако, Лига наций уже в момент своего создания утратила те элементы, которые определяли ее практическую

пригодность. Ей было отказано в праве действительных санкций, которое Вудро Вильсон правильно считал необходимой гарантией целесообразности и силы Лиги. Этот вопрос отпал тогда, когда Вильсон, покинутый в этот решительный для Лиги момент даже своими ближайшими сотрудниками по мирной конференции, отказался — под давлением встреченных в собственной стране затруднений — от своего первоначального проекта создания международной вооруженной силы и 14 февраля 1919 г. заявил во всеуслышание, что Лига наций вполне может удовлетворяться моральной силой. Он утверждал, что к материальной силе она может обращаться лишь «...в крайнем случае, так как Лига является орудием мира, а не войны...»¹. С этого момента все попытки исправить совершенную в 1919 г. ошибку не дают положительных результатов. До 1934 г. организация международной безопасности не подвинулась ни на шаг вперед.

Вновь поднятая Тардье в 1932 г. идея создания международной армии под покровительством Лиги наций провалилась через несколько месяцев. Германия решительно высказалась против этого проекта, включенного в тогдашний французский тезис о разоружении, рассматривая его как утопию. Германские специалисты считали, что если бы существовала армия подобного рода, то она была бы слишком слабой, чтобы померяться силами с серьезным

¹ Речь, произнесенная президентом Рузвельтом 29 октября 1933 г., характерным образом подчеркивает преемственность американской политики по этому вопросу. «Взаимное понимание должно быть той почвой, на которой произрастают плоды дружбы. Призыв Вильсона, провозглашающий порицание войне и направленный ко всему миру, разжег воображение масс. Политические выгоды, личный авторитет и мощный рост национальной экспансии — вот условия, в которых Лига наций появилась на свет; со времени своего детства она получила не один тяжелый удар. Однако, благодаря Лиге наций, все страны мира, прямо или косвенно, пытались найти лучшие способы регулирования возникающих между ними трений, чем те, которые применялись раньше. Лига наций стала ареной многочисленных дипломатических встреч и международных совещаний, способствуя неоднократно регламентации вопросов гигиены, торговли и просвещения; она также способствовала устранению многочисленных разногласий между большими и малыми государствами».

противником¹. Стремление монополизировать под эгидой Лиги наций военную авиацию всех стран тоже не нашло отклика. Та же судьба постигла идею передачи швейцарской армии в распоряжение Лиги. Хотя эта идея имела некоторые прецеденты в истории, но ее невозможно осуществить, так как Швейцария не имеет ни высшего командования, ни постоянной армии мирного времени. Она не обладает ни достаточным техническим оснащением, ни хорошо подготовленными бойцами, лишенными к тому же всякого наступательного духа. При таких условиях трудно представить себе швейцарцев, нападающих на чужую страну, даже от имени Лиги наций.

Стремление ко всеобщему разоружению наций также ни к чему не привело. На женеvской арене оно очень скоро приняло характер одностороннего разоружения союзников, победивших в 1918 г., и, в первую очередь, Франции. Усилия в этом направлении привели в настоящее время к столь опасным для всеобщего мира и ничем не ограниченным вооружениям Германии.

Оказались бесплодными и те стремления, скромной целью которых была регламентация будущей войны. Так называемый Женевский протокол, который был одной из попыток организовать мир, опираясь на обязательный арбитраж, взаимную помощь в случае нападения и постепенное разоружение наций, оказался незрелым шагом. Принятый пленумом Лиги наций в 1924 г. и подписанный десятью государствами, он вскоре провалился вследствие сопротивления Великобритании.

«Легальную войну» устав Лиги наций вполне допускает. Согласно ст. 15 этого устава, государства, между которыми возник конфликт, не приняв совета Лиги, получают по истечении трех месяцев полную свободу действий, и даже «члены Лиги оставляют за собой право действовать по собственному усмотрению, защищая законность и справедливость», в том случае, если бы указания Совета были

¹ С нашей точки зрения международная армия, если бы она и была создана, теоретически могла бы быть очень сильной в количественном отношении. Однако, организационные трудности, а также медлительность, которую она проявила бы при интервенции, свели бы на-нет ее значение и ценность.

приняты простым большинством голосов, а не единогласно. В будущих международных конфликтах такое единогласие будет недостижимым исключением.

Ст. 16, направленная против нелегальной войны, — т. е. такой, которая нарушает обязательства, заключенные в уставе Лиги наций, — составлена в такой общей форме, что предусмотренные в ней экономические санкции не могут дать серьезных результатов. Устав предоставляет членам Лиги свободу применения репрессий, предусмотренную этой статьей, вследствие чего эти репрессии могут и не быть применены.

Предусмотренная этой статьей экономическая блокада страны, нарушающей общую солидарность, могла бы принести действительные результаты, но она зависит от великих морских держав, из которых США и Япония в настоящее время не состоят в Лиге наций¹.

Последующие договоры не исправили этих ошибок. Не устранил их также подписанный в Париже 27 августа 1928 г. пакт Бриана—Келлога, хотя теоретически он представлял известный шаг по сравнению с уставом Лиги. Он осудил, правда, принципиально войну, но не установил принудительного и обязательного арбитража. Он не предусмотрел совершенно автоматических реальных санкций, а поэтому, если один из участников нарушит его, пакт этот будет столь же бессилён, как и прежние договоры.

Имея скорее моральное, чем политическое, значение, этот пакт не содержит положительных и достаточных гарантий для мирно настроенных народов. Он может, в конце концов, оказаться вредным для наций, которым угро-

¹ Не мешает вспомнить, что блокада стран Центральной Европы, провозглашенная в 1914 г. мощным союзом четверного согласия, дала определенные результаты лишь в 1917 г. Попытка же блокировать Великобританию, предпринятая германскими подводными лодками, окончилась неудачей в конце 1917 г., несмотря на почти трехлетние значительные усилия. Экономическая блокада — это единственное, и то лишь в лучшем случае, оружие Лиги — не оправдала во время мировой войны возлагаемых на нее надежд. И в будущем она может сыграть серьезную роль лишь в случае применения ее против стран, экономически слабых и находящихся в географически невыгодных условиях.

жает опасность, усыпляя их бдительность, ослабляя энергию, направленную на оборону страны, и тем самым способствуя подготовке к нападениям.

В таких условиях организация всеобщего мира попрежнему остается фикцией, облакаемой в ту или иную форму. Чрезмерно участвовавшие за последние годы международные договоры дают лишь отсрочку, но не исключают окончательно возможности нового вооруженного конфликта. К сожалению, они не являются достаточно твердой основой, на которой можно построить прочное будущее человечества¹.

В этом не позволяет сомневаться возникший осенью 1931 г. китайско-японский конфликт. Пленум Лиги наций единогласно (за исключением Японии и воздержавшегося от голосования представителя Сиама) осудил 24 февраля 1933 г. японские действия в Манчжурии. Но хотя Япония, выйдя из Лиги наций, и применила для обеспечения своих интересов в Азии силу, предусмотренные уставом угрозы на нее не посыпались. 16-я статья осталась мертвой буквой закона. Более того, японское правительство в своем ответе на отчет Литтона могло даже процитировать ноту Келлога от июня 1928 г. Оно указало, что нота провозглашает «право легальной обороны как основу суверенности всех существующих договоров», причем, по Келлогу же, «само собой разумеется, что применение этого права может распространяться и часто распространяется за пределы территориальной юрисдикции государства, которое его применяет». Таким образом, конфликт на Дальнем Востоке, — так же, как и южно-американские конфликты, — наглядно показал, что Лига наций не имеет достаточной силы, чтобы предотвратить новую войну. Она не имела бы ее даже при наличии столь трудно достижимого в нормальных условиях единогласия членов Лиги.

Должно ли это обозначать банкротство идеи, выражаемой Лигой наций? Это, безусловно, не так. Лига наций как выразительница общественного мнения и моральный

¹ Те же черты имел парафированный и рассчитанный на 10 лет «пакт четырех». В принципе ничем не отличается также и 10-летний пакт о ненападении, подписанный в Берлине Польшей и Германией 26 января 1934 г.

оплот всеобщего мира могла бы стать чрезвычайно полезной и необходимой.

Мы считаем, что идеология, на почве которой она возникла, имеет гораздо больше возможностей установить в мире новый порядок, чем все имевшие до сих пор место попытки в этом направлении. Однако, дальнейшее отсутствие в Женеве ряда великих держав и продолжающееся ложное толкование намерений создателей Лиги наций, — вопреки которым последняя стала органом политики правительств, а не независимым от них трибуналом общественного мнения наций, — приводит к тому, что трудно рассчитывать на возвращение Лиге ее авторитета и на превращение ее в столь желательный фактор политического равновесия мира. До тех пор, пока в международных отношениях не существует арбитража и пока он не может быть поддержан силой, Лига наций остается бессильной перед лицом реальной угрозы взрыва новой войны.

В настоящее время, как и тысячу лет тому назад, в основе международной жизни наряду с принципом законности лежит — в мало измененном виде — проблема силы. Ее могущественное значение в отношениях между нациями, — как в положительном смысле, когда она поддерживает законность, так и в отрицательном, когда она ее нарушает, — обычно после каждой большой войны подвергается сомнению; тем не менее она попрежнему господствует в международной жизни в такой форме, которую могут отрицать лишь слепые. Сила гарантирует, в конечном счете, политический и экономический суверенитет государства, оставаясь попрежнему „ultima ratio regum“.

С другой стороны, нет такого юридического положения, навязанного или добровольно взятого на себя согласно международным договорам — идет ли дело о внутреннем устройстве государства или же о статус-кво, принятом на основе международных договоров, — которое могло бы быть прочным, не опираясь на организованную силу.

Таким образом, не подвергая сомнению значение усилий, направленных к прекращению или хотя бы ограничению насилия в международной жизни, и целиком поддерживая попытки ограничения роли силы в вопросах регулирования конфликтов между нациями, мы вынуждены, тем не менее,

констатировать, что никакая законность в случае ее нарушения не может быть сохранена без применения насилия. Ввиду отсутствия международного законодательного органа и общего обязательного для всех наций права, от чего мы, к сожалению, еще далеки, только сила решает вопросы мира и войны.

Правда, в настоящее время существует и действует гораздо сильнее, чем в прежние времена, мировое общественное мнение. В некоторых странах оно решительно направлено против агрессивной войны и даже пытается в значительной степени ограничить применение силы при обороне. В других странах, открыто готовящихся к реваншу, дело обстоит как раз наоборот. Не были ли мы в последнее время свидетелями систематической кампании, проводимой в течение ряда лет этими государствами, пытающимися ввести в заблуждение мировое общественное мнение, что привело бы к притуплению международной совести?

Всякая деятельность такого рода, положительный результат которой имеет большое значение для будущей войны, ставит себе целью не что иное, как привлечение общественного мнения на сторону агрессора, как узаконение подготавливаемого им насилия и санкционирование силы, главенство которой в международных отношениях достаточно очевидно.

Можно считать вполне логичным и вытекающим из опыта прошлого, что послевоенная Германия является представительницей наиболее экзальтированного национального империализма.

Для германского народа протест против подписанного им в 1919 г. Версальского мира является с момента окончания мировой войны и до настоящего дня постоянным и неизменным политическим мотивом, символизирующим волю нации. Этот протест лежал в основе германской политики последних двух десятилетий, безразлично — возглавлялась ли она Штреземаном или Брюнингом. Пересмотр договоров был для Германии догмой, вытекавшей из воли всех общественных слоев и придававшей политике Германии резко национальную окраску.

В Германии не было ни одной партии, для которой декларация министра Бауэра не являлась бы постоянным и

неизменным требованием германской политики¹. С тех пор не было ни одного договора или соглашения как политического, так и экономического характера, который ни содержал бы прямо или косвенно требования этой декларации. Единственным новшеством, введенным Гитлером, является тот факт, что, грубо порвав 14 октября 1933 г. с Женевской системой международного сотрудничества, он выявил действительные намерения Германии, которые так ловко маскировались республиканскими правительствами.

Если между политикой Гретъей империи и политикой прежних правительств и имеется какая-либо разница, то она сводится лишь к тактическим приемам. Ее цели никогда не подвергались принципиальным изменениям. Даже наиболее радикальные партии Германии никогда не отказывались от ревизионистских требований, они лишь верили, что их можно осуществить мирными средствами².

На страже последовательности этой политики послевоенной Германии всегда стояла закулисная военная клика, влияние которой в Германии имеет старые традиции.

Следует констатировать, что со времен Вильгельма II и мировой войны, когда Людендорф был фактическим диктатором, не произошло почти никаких изменений в этом отношении. В первые времена Веймарской республики, провозглашенной Шейдеманом, по его собственным словам, «вместо павшей монархии только потому, что нужно было бы что-то поставить на ее место» и «существующей лишь благодаря некоторого рода недоразумениям»³, во-

¹ «Правительство германской республики согласно подписать мирный договор, не признавая, однако, тем самым, что германский народ был инициатором войны, и отказывается принять обязательства, вытекающие из разделов 227—230 договора».

² В ноте от 20 июля 1925 г. германское правительство констатировало «возможность применения существующих договоров к изменившейся международной ситуации с помощью мирных конвенций». Двамя месяцами позднее то же правительство уточнило, что «предполагаемое вступление Германии в Лигу наций не должно рассматриваться как признание пунктов, сформулированных с целью создать основу для международных обязательств Германии и возлагающих ответственность на германский народ».

³ По интервью Шейдемана, опубликованному в Париже в «Капиталь» 17 ноября 1932 г.

енное влияние ловко осуществлялось генералами Гренером и Сектом. Президент Эберт и министр Носке опирались, в первую очередь, на них. Поэтому неудивительно, что Сект мог успешно осуществить свою известную военную программу, заключающуюся во всемерном укреплении рейхсвера и в организации максимума сил в рамках Версальского договора даже при социалистическом правительстве, наиболее благоприятствовавшем делу мира¹. Ген. Шлейхер провел с большой ловкостью эту программу в известном плане довооружения, основанном на женевском соглашении от 11 декабря 1932 г., признавшем за Германией «теоретическое» равноправие в области вооружения².

Легкость, с которой генералы Шлейхер и Гаммерштейн провели перед самым взрывом «народной революции» (т. е. фашистского переворота. — Ред.) свой знаменитый переворот, тоже свидетельствовала о влиянии военной клики, сотрудничавшей пока с правительством Третьей империи.

Честь, отданная в Потсдаме маршалом Гинденбургом и канцлером Гитлером создателям военного могущества Пруссии Фридриху I и Фридриху II в момент торжественного начала «новой эры», была символическим подтверждением этого факта. Германский генеральный штаб, в видоизмененной форме, существует попрежнему, — в особенности после ухода ген. Гаммерштейна, решительного сторонника тесного сотрудничества с Советской Россией, — и является одним из решающих факторов внешней политики Германии.

Другим несомненным признаком германской психики является то значение, которое придается силе во всех без исключения проявлениях национальной жизни. Неудивительно поэтому, что книга Гитлера «Mein Kampf» («Моя

¹ Если принять во внимание, что в этот период Франция заняла Майнц и Кобленц и даже временно оккупировала Франкфурт-на-Майне, Дармштадт и Рурский бассейн, дело ген. Секта следует считать «фактом веры», чреватым большими последствиями.

² Весьма характерно для идеологии и политики нашего времени, что в основе переговоров лежало убеждение, будто бы это столь важное с международной точки зрения соглашение будет иметь лишь моральное значение, и Германия не использует его практически.

борьба») стала для Германии настоящим евангелием. В этой книге сила выставляется как единственный источник права и как главный фактор в международных отношениях, который разрешит вопрос о коренном пересмотре Версальского договора.

Насилие, примененное в выгодных условиях с целью захвата отторгнутой территории, по всей вероятности, встретило бы в Германии почти единогласное одобрение народных масс. Это существующее уже давно единомыслие германского народа недооценивалось в достаточной степени на Западе, что облегчило в значительной мере игру, которую Германия вела в Женеве, борясь за пересмотр договора. Так было прежде всего в эпоху Локарно¹. Точно так же стоял вопрос в то время, когда Макдональд был солидарен с Муссолини относительно общего пересмотра договоров под совместным руководством четырех великих держав.

Локарнские переговоры открыли широкий путь для германского нажима и положили начало политике односторонних уступок. С этого времени нет на международной арене ни одного политического или экономического договора, который не рассматривался бы в Германии исключительно под этим углом зрения.

Уступки, постепенно получаемые Германией в этом направлении, вызвали мощный рост пангерманизма. В настоящее время, по мнению официального органа «Фелькишер беобахтер», «...Германия является жизненным центром и страной, которая руководит Европой. Англия, Франция, Польша, Малая Антанта — это второстепенные страны». Так же, как и в 1914 г. или даже еще более открыто, в

¹ Для подтверждения этого тезиса интересно процитировать статью, опубликованную в «Нейер Форвертс» в феврале 1934 г.: «6 мая 1925 г. Штресман пригласил нескольких журналистов, чтобы изложить им свою политику относительно Франции. Это был период созревания Локарно. Министр заявил, что территориальные потери на западе были временно неизбежны, но пересмотр договоров на востоке был не только возможен, но и необходим. Пересмотреть восточные границы, вернуть Данцигский коридор и Верхнюю Силезию — вот главное содержание его тогдашних переговоров с Францией. Рассчитывали, что этой цели удастся достигнуть не позднее 4—5 лет».

Германии постоянно провозглашается необходимость радикальных изменений карты Европы. Говорят при этом о необходимости заменить Версальский мир германским миром. Каким был бы этот мир, показывают, как говорит ген. Гарибальди, договоры, заключенные Германией в Бресте и Бухаресте:

«Захват Италии до Генуи; малая и слабая Бельгия, превращенная в германский путь к Северному морю; Голландия, Швейцария, Скандинавские государства, Польша — в полной зависимости от Берлина; Англия, лишенная колоний, и Франция без своих богатых горно-промышленных районов; Балканы и Турция, подчиненные Германии, чтобы можно было следить за их деятельностью в Азии»¹.

Программа, приведенная генералом Гарибальди, который считает германское поражение в октябре и ноябре 1918 г. «спасением всего континента», правильно отражает разрушительные намерения Третьей империи, хотя и не исчерпывает их целиком.

Самый факт наличия подобного рода планов у столь мощного государства, как Германия, должен неизбежно привести основы сожителства наций к одному знаменателю, которым является физическая сила.

* * *

В согласии с многочисленными декларациями руководителей Италии политика этого государства заключается в энергичном стремлении к пересмотру территориального размежевания, установленного Версальским договором. Эта политика основана на убеждении, что Версальский договор не признал той роли, которую итальянская нация играет, или чувствует себя призванной сыграть на земном шаре.

Не вдаваясь здесь в подробности политики территориальной экспансии, характерной для итальянского фашизма, мы ограничимся лишь тем, что приведем взгляды на вопрос войны и мира, официально изложенные Муссолини:

¹ Речь ген. Эцио Гарибальди, произнесенная в итальянском парламенте 22 мая 1933 г.

«Фашизм, — пишет итальянский диктатор, — поскольку дело принципиально касается будущего и развития человечества, если не принимать во внимание взглядов на текущую политику, не верит в возможность и полезность вечного мира. Он не признает пацифизма, который является бегством от борьбы и боязнью жертвы. Только война ведет к наибольшему напряжению человеческой энергии и придает благородные черты нациям, которые имеют мужество ее начать. Все другие испытания имеют второстепенный характер и никогда не оставляют человека с глазу на глаз с самим собой, создавая альтернативу жизни и смерти»¹.

Эти слова имеют тем большее значение, что о значении силы почти в таком же реалистическом духе, но проникнутом своеобразной расовой мистикой, говорит Гитлер:

«Никто не может сомневаться, — таков его тезис, — что с этого времени мир будет подвергаться самым жесточайшим боям, предпринятым в интересах сохранения цивилизации. В конечном итоге инстинкт самосохранения всегда побеждает. Под его влиянием то, что называется гуманностью, тает, как снег под мартовским солнцем. Впрочем, гуманность представляет собой смесь глупости, трусости и преувеличенных претензий. Человеческий род достиг своего величия в непрерывной борьбе; вечный мир привел бы его к гибели»².

Нельзя сомневаться в том, что подобного рода заявления призывают к прямому применению силы...

Мы можем довольствоваться констатированием того факта, что при современном состоянии политических и экономических международных отношений, подобно тому как это имело место перед 1914 г., возможность возникновения вооруженного конфликта большего или меньшего значения продолжает существовать.

В то же время нельзя отрицать, что английская и французская нации в трудные моменты всегда подтверждали,

¹ B. Mussolini, *Le Fascisme. Doctrines et institutions*. Paris 1933.

² A. Hitler, *Mein Kampf* (Гитлер, *Моя борьба*, немецкое издание 1933 г.).

что национальное единство не является для них пустым звуком. Их патриотический инстинкт основан на стойкости и положительных чертах характера. Этого, однако, недостаточно, чтобы избежать опасности новой войны. Политический дальтонизм государственных деятелей этих стран, ставивший до недавнего времени вопрос мира в двусмысленное положение, привел к тому, что у других народов разгорелись непримиримые стремления к реваншу. Это зашло так далеко, что в настоящее время общеевропейское соглашение не представляется возможным. Оно могло бы произойти лишь под влиянием опасности, ставящей общие интересы старого континента выше противоречий, которые его разделяют.

Территориальному пересмотру действующих договоров энергично противопоставляются государства, воссозданные на основе Версальского договора 1919 г. Действительно, если «единственным смыслом существования каждого немца является протест против договора»¹, то смысл существования каждого поляка, чеха, серба или румына заключается в решительном сопротивлении каким бы то ни было попыткам пересмотра существующих границ их стран.

Не подлежит, например, сомнению, что в случае необходимости все поляки возьмутся за оружие, чтобы оказать противодействие попыткам изменения границ их государства.

Таким образом, известный лозунг территориальной ревизии является ясно выраженным лозунгом войны. Это не было оценено инициаторами «пакта четырех», которые, ограничив столь желательное сближение Франции с Италией рамками навязанного ревизионизма, тем самым заранее вычеркнули положительные результаты этого сближения и могли подвергнуть Европу самым грозным потрясениям. В самом деле, этот пакт был тайно инспирирован Германией в ревизионистских целях и был обращен своим острием, с одной стороны, против Лиги наций, а с другой — против соглашений, связывающих Францию с теми государствами Центральной и Восточной Европы, против которых направлена эта ревизия. Арбитражное применение этого пакта под видом спасения мира окончательно

¹ Ср. «Frankfurter Zeitung», январь 1933 г.

разрушило бы его. Основной ревизионистской концепции пакта был противопоставлен в Европе естественный блок, состоящий, примерно, из 100 миллионов населения, который не может допустить, чтобы проектированный директорат — будет ли он в рамках Лиги наций или вне ее — навязывал другим свои убийственные для них решения.

* * *

Из всех союзнических стран только Франция всегда решительно высказывалась во всех международных актах за сохранение мирных договоров, заключенных в 1919—1922 гг. Локарнское соглашение, а также чересчур соглашательский по своему существу и заслуживающий критического отношения план разоружения Эррио-Поль Бонкура еще укладывались в рамки вышеозначенных договоров. Даже теоретическое признание «равенства прав Германии в области вооружений» не нарушило последовательности французской политики в этом принципиальном вопросе. В течение последнего десятилетия она нашла свое выражение в постоянном стремлении Франции сохранить в силе Версальский договор ценою некоторых компромиссов и уступок. Первую брешь пробил вышеуказанный пакт «соглашения и сотрудничества», начало которому положил Муссолини 18 марта 1933 г.

Однако, последовательность современной французской политики не должна питать в нас слишком далеко идущих иллюзий. В основу этой политики положен компромисс столь многих политических направлений, что национальное единство в этом вопросе становится почти невозможным для Франции. Единство в области внешней политики нашло свое выражение не столько в стремлении к достижению положительных целей, сколько в чисто пассивном лозунге: «ни войны, ни вооружений», добровольно ограничиваясь сохранением и защитой существующего положения вещей. Ни французский народ, ни его армия не питают ни малейших агрессивных замыслов относительно какой бы то ни было страны. Наоборот, они являются гарантией прочного мира в Европе. Поэтому тот, кто стремится в настоящее время к разоружению Франции, сознательно или несознательно провоцирует новую войну.

* * *

Поскольку мы не можем ликвидировать прошлое, которое вовсе не ограничивается вчерашним днем, сохранение мира, а также стабилизация существующего порядка вещей, купленного дорогой ценой четырехлетней войны, не могут быть осуществлены с помощью одних дипломатических переговоров или односторонних договоров.

При наличии агрессивных тенденций и при отсутствии силы, дающей нам возможность успешно защищать в случае необходимости права народов, апеллирование к праву народов решать свою собственную судьбу и ссыла на исторические, этнические и экономические права недостаточны. Даже слабость противника, которая может быть временной, не является достаточной гарантией безопасности. Арбитраж после совершения фактов, легальной основой которых являются права одной из сторон, не может быть принят другой стороной, так как он нарушил бы те права, о которых здесь идет речь. Одним словом, не может быть законности там, где нет законной субстанции, где спорные вопросы разрешаются самими спорящими и где нет ни всеми признанных законов, ни судей.

Поэтому до тех пор, пока человеческое общество и даже отдельный человек не в состоянии приносить постоянные жертвы, которых безусловно требует действительный мир, применение силы в спорных случаях всегда может иметь место. Война будет казаться несравненно меньшим несчастьем, нежели отречение от духовных, моральных и материальных интересов. Действительно, для нации, сознающей свою индивидуальность, угроза потерять право на независимое существование является во сто раз хуже угрозы войны.

История Польши может служить примером того, что каждая оформившаяся национальность, каковы бы ни были ее традиции, с момента лишения ее независимости обрекается на вечный бунт и ограничения, стесняющие полностью ее развития и угнетающие самым нестерпимым образом каждого гражданина.

В настоящее время, как и в прошлом, нет какой-либо другой действительной гарантии независимости государств.

ва, основанного на национальном единстве, кроме силы. Выдвинутая в свое время на международной арене французская формула «арбитраж — безопасность — разоружение» не решает в настоящее время проблемы мира в Европе, находящейся в осадном положении. Этот тезис не соответствует новой обстановке, возникающей под давлением ревизионистских факторов, для носителей которых применение указанной формулы должно было обозначать признание права на сохранение того порядка вещей, который они постоянно оспаривали.

Впрочем, если слова не являются пустым звуком и должны сохранить свое действительное значение, разоружение, рассматриваемое как специальная проблема, связанная с безопасностью каждой нации в отдельности и не приводимая к общему знаменателю, т. е. действительным международным гарантиям, может быть осуществлено лишь в очень ограниченных и незначительных размерах. Поскольку же каждая нация должна заботиться о собственной безопасности, мир должен быть разделен на противостоящие друг другу лагеря.

Можно даже утверждать без преувеличения, что в истории человечества редко проявлялся такой решительный антагонизм между интересами отдельных наций и групп государств, как в настоящее время. Быть может, никогда еще существующие между ними разногласия не проявлялись при наличии столь могущественных средств воздействия и не возбуждали столь глубокой национальной и классовой вражды. В этом факте, пожалуй, и заключается важнейшая угроза всеобщему миру. В результате этого новая война, безусловно, вспыхнула бы чрезвычайно скоро, если бы не связанный с нею неизмеримо огромный экономический и социальный риск.

В этих условиях мир является не чем иным, как перемирием, которое будет продолжаться до тех пор, пока его искренние сторонники будут в состоянии защищать его в случае необходимости силой. Действительно, можно желать мира, можно к нему прийти путем переговоров или навязать его, но никогда нельзя его купить, в особенности — ценою односторонних уступок.

Глава II

ЕВРОПА НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ. КОНФЛИКТ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ. ВОЗМОЖНОСТИ НОВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ВОЙНЫ

1. Вооружения послевоенной Германии

1. Единство государства, нации и армии как основа военной мощи Третьей империи.—2. Рейхсвер и Шуцполией.—3. Нация под ружьем.—4. Германская промышленность как потенциал военной мощи Германии.—5. Авиация.—6. Противовоздушная оборона страны.—7. Морской флот.—Выводы.

1. Оформление германского единства происходило в послевоенное время, как это уже было отмечено, под знаком протеста против Версальского договора и стремления к возвращению отнятого этим договором. В настоящее время лишь очень немногие немцы не питают в глубине души убеждения, что германский народ не ответствен за войну 1914—1918 гг., или не верят, что навязанные в 1919 г. границы Германии «горят и истекают кровью», связывая нестерпимым образом творческую энергию нации. Послевоенные условия полностью оправдывают в глазах немцев принципы Фридриха II, Бисмарка, Клаузевица, Людендорфа и Фрича, которые прославляют войну как единственный действительный рычаг национальной мощи. Эта нация сильнее, чем когда бы то ни было, верит, что в настоящее время война даст ей возможность восстановить новую великую Германию. Быть может, она даже согласна с

формулой проф. Банзе, по которому «от нашей теперешней нищеты к нашему будущему счастью ведет лишь война», которая в Третьей империи возведена в национальную идею. Моральное вооружение нации привело там уже к столь значительным результатам, что если бы даже настоящее германское единство оказалось в некоторых отношениях фикцией, все же в случае новой войны Германия продемонстрирует свое единодушие с меньшей силой, чем в 1914 г.

Заявление Годфрида Бема (январь 1934 г.), опубликованное в «Берлинер берзенцейтунг», в общем правильно характеризует то состояние умов, которое преобладает в Третьей империи:

«В настоящее время мы стоим на пороге эпохи великих боев. Мы уже находимся в периоде полного истребления; тогда молнии соединятся с морем, а огонь с водой; с той же неестественной силой последние поколения белой расы бросятся друг на друга. Остается сделать лишь одно: воспитать умы, и притом великие умы, которые сумели бы успешно защищать Германию. Жесткие умы и сокрушительные челюсти. Преступником является тот, кто мечтает о новом человечестве и кто охватывает будущее богатой фантазией, вместо того, чтобы ковать его, потому что новый человек должен будет бороться... В Европе уже никогда не будет мира...»

Мотивы, которыми руководствовался Гитлер, создавая единство германской нации, также не оставляют никаких сомнений, если объяснить их теми принципами, которые он постоянно провозглашает:

«Если бы германская нация в течение своего исторического развития обладала единством такой взрывчатой силы, которой пользовались другие народы, то германская империя сегодня, безусловно, господствовала бы на всем земном шаре. История не может решить вопроса, была ли бы таким путем достигнута цель, которой пытаются достигнуть многие слепые пацифисты, плача и стеля, а именно — мир, осуществленный не с помощью палм, которыми пользуются, рыдая, плаксивые пацифи-

сты, но созданный победным мечом властвующей нации, которая завоевала бы мир во имя интересов высшей культуры»¹.

Эти принципиальные заявления имели бы сами по себе ограниченное значение, и во всяком случае мы не приписывали бы им особого веса, если бы эти откровения были абстрактны и не подтверждались столь характерным образом слишком многочисленными фактами. Конечно, сам Гитлер и многие германские государственные деятели неоднократно уверяют о своих мирных намерениях; некоторые договоры, заключенные с соседними странами, якобы подтверждают их добрые намерения в этом направлении. Следует ли, однако, из этого, что при данном положении Германии руководители Третьей империи пожелают осуществить свои империалистические планы расового, политического и даже экономического характера мирными средствами и не станут провоцировать новую войну? Подобная формулировка проблемы делает ее неразрешимой. Между тем вполне естественно, что Третья империя охотно согласится выполнить свою знаменитую программу экспансии без расходов и тем более без кровопролития; поэтому она стремится достигнуть своих целей политическим путем. Это, однако, вовсе не значит, что в случае необходимости она откажется от применения насилия. А так как планы современной Германии не укладываются в рамки филантропических предприятий, соседи же Третьей империи не собираются капитулировать перед ее агрессивными тенденциями, то Германия наряду с политической деятельностью методически подготавливает ту силу, которая в будущем станет орудием ее стремления к могуществу.

Единственным новшеством в этой области является факт, что в настоящий момент уже не существует той двойственной Германии, в которую верили или, по крайней мере, хотели верить еще до недавнего времени многие западные политики. Германия является единой и монолитной страной. В конце концов, это изменение несколько не нару-

¹ А. Гитлер, *Моя борьба*, немецкое издание 1933 г., стр. 437—438.

шает последовательности германской послевоенной политики, а лишь ускоряет темп осуществления ее основных замыслов.

При таком положении вещей даже самый доверчивый наблюдатель международной жизни за последнее десятилетие не может допустить мысли, что военные ограничения Версальского договора смогут сковать стремление Германии к реваншу на протяжении нескольких десятков лет, что, собственно говоря, и было целью этого договора. Впрочем, в настоящее время от этого пункта ничего не осталось. Кроме того, внутренняя консолидация Третьей империи возводит гораздо более прочные основы для будущей военной мощи, чем это смогла сделать кайзеровская Германия.

Таким образом, консолидация почти 70-миллионной германской нации, занимающей столь важную стратегическую позицию в центре Европы, происходит почти на наших глазах молниеносными темпами. Уже Веймарская конституция (11 августа 1919 г.) была решительным сдвигом в сторону объединения Германии. Вместо 26 союзных государств¹, входивших в состав германской империи, провозглашенной Бисмарком в 1871 г. в Версале, Веймарская конституция разделила Германию на 17 «областей». Кроме того, военные дела, финансы, почта и железные дороги были изъяты из ведения союзных областей, что имело особенно важное значение с точки зрения обороны государства.

Победа коалиции в 1918 г. навязала Германии демократический строй. Однако, факт свержения всех королевских и княжеских престолов в Германии подвел базу под полное ее объединение. Это объединение, начало которому было положено декретом национал-социалистов от 7 апреля 1933 г., стало фактом после утверждения закона 30 января 1934 г.²

¹ В том числе 4 королевства, 7 великих княжеств, 12 княжеств и 3 вольных города. Это уже был значительный прогресс, так как во время Венского конгресса 1815 г. в состав германского государства входило 39 независимых государств.

² Приведем текст этого закона, имеющего историческое значение:

Веймарская конституция — и прежде всего закон об обороне государства от 23 марта 1921 г. — консолидировала также германские вооруженные силы, вводя, между прочим, поправку в организацию ее высшего командования.

До мировой войны германский кайзер, несмотря на широкие права, присвоенные ему конституцией 1871 г. в военных вопросах, в мирное время не стоял во главе германской армии. Кроме того, в отношении баварской армии он не имел основных правомочий. Вопросы личного состава армии и военно-судебная власть так же, как и приведение к присяге, входили в компетенцию суверенных королей и князей отдельных союзных государств.

Наряду с Большим генеральным штабом Пруссии существовал баварский генеральный штаб, а наряду с прусской армией существовали отдельные армии: баварская, вюртембергская и саксонская.

Наряду с прусским военным министерством действовали аналогичные министерства других государств.

Несмотря на то, что объявление мобилизации во всей империи в принципе входило в компетенцию кайзера, баварский король назначал первый день мобилизации подчиненных ему войск.

Эта сложная организация была причиной известной громоздкости и сравнительно слабой согласованности действий германской главной квартиры в 1914 г.

В настоящее время, в согласии с § 79 Веймарской конституции, президенту присвоены функции верховного

§ 1. Народное представительство отдельных областей отменяется.

§ 2. а) Суверенные права областей передаются государству.
б) Областные правительства с этого момента подчиняются центральному правительству государства.

§ 3. Наместники (областные) подчиняются министру внутренних дел государства.

§ 4. Правительство государства имеет право вводить новую конституцию.

§ 5. Все необходимые для введения в жизнь этого закона распоряжения и декреты будут изданы министерством внутренних дел.

§ 6. Закон вводится в жизнь с момента его опубликования. Во исполнение этого закона гражданство союзных областей было уже в Германии отменено.

главнокомандующего всеми германскими вооруженными силами. В § 8 закона 1921 г. об обороне государства это еще резче подчеркнуто. Согласно этому параграфу, президент является верховным главнокомандующим (Oberster Befehlshaber). Министр рейхсвера выполняет эти обязанности лишь по полномочию президента и в качестве его заместителя (Kraft-Delegation an Stelle des Reichspräsidentes). Фактическое же командование армией и флотом находится в руках командующего сухопутной армией (Chef der Heeresleitung) и командующего морским флотом (Chef der Marineleitung). Они подчиняются министру рейхсвера, являясь, однако, непосредственными начальниками всех сухопутных и морских сил. Во время войны они могут автоматически осуществлять главное командование вооруженными силами государства. Все это вместе взятое дает нам картину четкой организации, имеющей ясную и определенную компетенцию.

Военные полномочия президента послевоенной Германии всегда распространялись на все области. Попытки ограничения этих полномочий со стороны баварского законодательства никогда не имели существенного значения. Законодательство же Третьей империи окончательно ликвидировало те незначительные остатки сепаратизма и местного суверенитета, представительницей которых до 1933 г. была расположенная в Баварии дивизия рейхсвера.

Одновременно с этим в послевоенной Германии был реорганизован и создан единый генеральный штаб. Он существует, несмотря на определенные указания Версальского договора, под видом так называемого *Truppenamt* при министерстве рейхсвера. Подготовка офицеров генерального штаба так же, как и формирование с их помощью отдельного офицерского корпуса, в послевоенной Германии никогда не прекращались¹.

¹ Первый тезис неопровержимо подтверждается приведенными таблицами. Из сравнения организации германского главного командования в 1914 г. вытекает, что центральное бюро представлено в настоящий момент отделом T2 (организация). Отделы оперативный и путей сообщения, а также фортификации, заменены отделом T1 (операции и перевозки, фортификация, топография) (см. продолжение сноски).

* * *

2. Провозглашаемое Германией равенство в правах имеет в настоящее время лишь формально юридическое значение в вопросе о вооружениях. Оно имеет целью, в первую очередь, узаконить фактически существующий порядок вещей.

Изучение «иностранных армий» входит в обязанности отдела ТЗ (статистика).

Отдел Т4 организует боевую подготовку войск.

Наконец, так как географическая служба и исторический отдел перешли в ведение министерства внутренних дел, при министерстве рейхсвера был создан и подчинен военному командованию отдел Лиги наций.

Truppenamt, являющийся главным штабом армии вместо прежнего большого штаба, находится под руководством ген.-майора, которому непосредственно приданы 3 офицера; он состоит из отделов:

1. Отдел Т1 (оперативный и топографический) в составе 14 офицеров.

Этот отдел состоит из 3 подотделов:

а) Heeresabteilung (войсковой подотдел), в его ведение входят следующие вопросы:

- руководство и использование войск;
- охрана границ, национальная оборона, укрепления;
- снабжение;
- проблемы военной политики;
- политическая информация.

б) Heeresvermessungsstelle (топографический подотдел), орган связи с географической службой бывшего Большого штаба, целиком перешедшей в ведение министерства внутренних дел.

в) Transportgruppe, (транспортный подотдел), созданная вместо ликвидированного бюро перевозок.

II. Отдел Т2 (организация) в составе 14 офицеров. В его ведении:

- бюджет;
- организация рейхсвера;
- законодательные и административные вопросы;
- штатный состав армии;
- продвижение по службе, перемещения и отпуска личного состава.

III. Отдел ТЗ (иностранные армии) в составе 15 офицеров:

- Франция;
- Великобритания;
- Бельгия, Голландия, Швейцария;
- США, Китай, Япония;
- Россия;
- Польша и прибалтийские государства (см. оборот);

Действительно, с момента ухода Германии из Женевы военные пункты договора превратились в мертвую букву в полном смысле этого слова. Численный состав германской сухопутной армии уже в конце 1933 г. доходил до 180 000

— Шифровальный подотдел (германский шифр и иностранные шифры).

IV. Отдел T4 (боевая подготовка армии) в составе 12 офицеров.

V. Отдел VN (Völkersbund Abteilung) — отдел Лиги наций в составе 7 офицеров.

С уходом Германии с конференции по разоружению в Женеве отдел Лиги наций ликвидирован.

В согласии с требованиями Версальского договора была ликвидирована военная академия, готовившая офицеров генерального штаба. Тем не менее, главное командование производит отбор и обучение офицеров, готовя их к штабной службе. Отбор производится на основе конкурса, программа которого напоминает конкурсный экзамен в прежнюю военную академию; он происходит раз в год в каждом военном округе (Wehrkreis) вследствие чего ему присвоено название окружного экзамена Wehrkreisprüfung

Темы экзаменационных работ одинаковы для всех округов; их присылает бюро войскового подотдела, являющееся органом командования армии и соответствующее Большому штабу довоенного времени.

Офицеры, сдавшие экзамен, готовятся к занятию должностей в генеральном штабе.

До 1928 г. их обучение производилось на местах в штабах дивизии или корпусов. Начиная с 1928 г., они обучаются один год в штабах, входящих в состав корпуса Восточной армии, второй год — в штабах корпуса Западной армии.

Обучение в штабах продолжается, повидимому, 2 года, с перерывом на стажировку в частях.

Во время занятий производится отбор учащихся, как это имело место и в прежней военной академии.

Лучшие ученики поступают в Heeresleitung в Берлине, где проходят общий курс обучения, напоминающий обязательный курс прежней военной академии.

Кроме того, существует еще категория довоенных офицеров, так называемых офицеров Большого генерального штаба или в просторечии Stäbler (генштабисты), но под замаскированным названием Führergehilfe (помощники командиров).

Германская пресса намекает на то, что правительство Третьей империи решило в ближайшее время официально возобновить существование военной академии. В военном бюджете на текущий год уже предусмотрены суммы, необходимые для организации и устройства этой академии (Военная академия уже организована. — Ред.).

чел. (вместо 100 000), что нашло свое выражение в создании новых рот, эскадронов и батарей, а также в численном увеличении прежних тактических единиц. С апреля 1934 г. численность армии превысила 200 000 чел., что привело в текущем году к увеличению расходов на содержание германской сухопутной армии на 26% по сравнению с прошлым бюджетным годом.

В 1935 г. Третья империя будет располагать 300-тысячной отличной постоянной армией¹. Указанные в таблицах цифры, по которым в 1919 г. было точно установлено количество и качество вооружения рейхсвера, на самом деле были вдвое больше, не считая секретных складов армии и складов «Гренцшутца» (пограничной охраны). Несмотря на определенные указания Версальского договора, в каждом пехотном батальоне было введено противотанковое отделение. Каждый пехотный полк получил роту легких минометов (M. IV. 18). Каждый эскадрон уже имеет 9 легких пулеметов (M. G. 13). В каждом кавалерийском полку один эскадрон превращен в «тяжелый эскадрон». В его состав входит отделение станковых пулеметов, отделение минометов, отделение противотанковых орудий и отделение связи. Кавалерийские дивизии снабжены броневедомолами. Артиллерия модернизирована и реорганизована, создан целый ряд новых батарей. Зенитная артиллерия, вооруженная частично старой материальной частью, частично орудиями нового типа, находится в стадии полной реорганизации.

Германская профессиональная армия является первоклассной армией. Она располагает прекрасным офицерским и унтерофицерским составом, а также солдатами, отбор которых, производимый на основе особых инструкций командования, дает самые лучшие результаты вследствие большого наплыва желающих поступить в армию. Безусловно, сплоченный офицерский состав рейхсвера имеет профессиональную подготовку, вполне соответствующую задачам и потребностям современной войны.

Сведения обо всех этих изменениях, введенных явочным порядком в организацию вооруженных сил Германии, лишь

¹ Сикорский освещает состояние вооружений Германии по состоянию к середине 1934 г. и эти данные сейчас явно устарели. — Р е д.

частично просачиваются за границу. Поэтому необходимо считаться с тем фактом, что действительная сила и приспособленный к современным условиям характер сегодняшней германской армии проявятся во всей своей полноте лишь в момент вспышки новой войны.

«Шупо». Как известно, в Германии наряду с профессиональной армией существуют вспомогательные военные кадры в виде «государственной полиции», так называемой «Шупо» (Шуцполицей). Численность находящихся в казармах хорошо вооруженных и обученных частей «Шупо» составляет около 100 000. После прихода Гитлера к власти организация государственной полиции стала сходной с организацией рейхсвера; одновременно с этим было создано вместо двух семь высших штабов «Шупо» («полицейских инспекторов»). Два таких штаба, явно запрещенных Версальским договором, находятся в демилитаризованной зоне на западной границе (Дюссельдорф и Франкфурт-на-Майне). Это противоречит также Рейнскому пакту, принятому Германией в Локарно в 1925 г. Создание же вдоль всей французской границы высших полицейских соединений, что находится в противоречии с обоими договорами, вполне определяет ту роль, которую германская государственная полиция (в демилитаризованной зоне — областная полиция, «Landes Polizei») сыграла во время войны в период прикрытия¹.

* * *

3. Одной из наиболее слабых сторон германской военной системы до недавнего времени было отсутствие достаточно многочисленных и хорошо обученных резервов. Этим можно частично объяснить германскую теорию будущей войны времен ген. Секта — теорию, которая предусматривала быстрое окончание войны с помощью немногочисленной, но отборной армии. В случае возникновения конфликта эта армия должна была предпринять стремительное наступление с целью молниеносного разгрома про-

¹ Высшие соединения областной полиции, вооруженной и обученной по-военному, находятся во всех более крупных городах Западной Германии, как то: Трир, Майнц, Кобленц, Кельн, Аахен, Дюссельдорф.

тивника. Однако, германское военное искусство всегда охотно прибегало к мощным человеческим массам, что убедительно подтверждают войны 1870 и 1914 гг. Поэтому правительство Третьей империи частично отступило от тех принципов, которые провозглашались лишь поневоле, и решительно приступило к реализации формулы Вильгельма I, по которой «прусская армия и в будущем будет вооруженным прусским народом». Обучая массы военному делу, Германия сможет в будущем базировать, главным образом, на эти массы усовершенствованную Третьей империей теорию войны, стремящуюся к сокрушительному и молниеносному разгрому противника.

После «приведения в порядок» возрастных контингентов, принимавших участие в мировой войне, численность которых равняется 1 500 000 чел.¹; после перехода в ведение государства спортивных союзов, не произнесших ни единого слова протеста против этого; после введения обязательной для всей молодежи вневоинской подготовки — Третья империя приступила к организации территориальной армии. В ее состав входили отборные охранные отряды S. S. (Schutzstaffel), насчитывавшие около 120 000 солдат, стажировавшихся в рядах регулярной армии, и еще более многочисленные части S. A. (Sturmabteilungen — штурмовые отряды), в ряды которых были включены младшие призывные возрасты «Стального шлема». Численность их в случае мобилизации начальник штаба коричневой армии кап. Рем определял к началу 1934 г. в 2 500 000 чел.².

До момента провозглашения Третьей империи военная организация страны была приноровлена к организации рейхсвера. Мобилизационные районы совпадали с дивизионными участками. Руководство мобилизацией в военном округе (Wehrkreis) целиком находилось в руках командира дивизии.

¹ В 1918 г. этот запас состоял из 21 возраста, от 1881 до 1901 г. Самым младшим из этих бывших солдат в 1935 г. исполняется 34 года. Таким образом, в настоящий момент Германия может рассчитывать на 7 возрастов участников мировой войны.

² Ср. речь Рема, произнесенную им 7 декабря 1933 г. в Берлине.

Каждая мобилизация заключается в официальном призыве запасных, обязанных немедленно явиться. В Германии мобилизация ограничивалась до недавнего времени призывом добровольцев из рядов военизированных организаций, отдающих себя в распоряжение главного командования. Состояние этих организаций до объединения, проведенного Ремом, было хаотично.

Точно так же, ввиду отсутствия соответствующего закона, вопрос о всеобщей и обязательной реквизиции животных и некоторых материалов считался в Германии почти неосуществимым. Формально правительство было ограничено в праве производить индивидуальные закупки, количество которых значительно увеличивается во время войны. Эти ограничения, навязанные Германии Версальским договором, хотя и облегчали ей сохранение в тайне подготовительных работ в этой области, однако, замедляли темпы германской мобилизации, серьезно ограничивая ее окончательные результаты.

С момента прихода к власти Гитлера эта система была коренным образом изменена. Имеется много данных, указывающих на то, что гитлеровские формирования несут вспомогательные функции во всеобщей мобилизации нации. Можно констатировать, что территориальная организация коричневой армии целиком согласована с организацией рейхсвера. Высшие соединения этих формирований — так называемые «Obergruppen» — в числе семи расположены внутри страны и соответствуют семи военным округам, причем пятая и шестая группы охватывают также и демилитаризованные зоны на западной границе государства. Восьмая же группа, созданная в предвидении «аншлюса», охватывает гитлеровские организации в Австрии.

В состав группы высшего разряда, соответствующей армейскому корпусу, обычно входят три группы, из которых каждая имеет собственный мобилизационный район¹. Весьма характерно и важно для нашей гипотезы, что полки («Standarten») S. A. имеют нумерацию полков прежней германской армии, а также полков, созданных во время

¹ Gruppe — дивизия, Intergruppe — бригада, Standarte — полк, Sturmabteilung — батальон, Sturm — рота.

мировой войны. Благодаря этой организации, Третья империя имеет наряду с регулярными дивизиями 21 полную коричневую дивизию и, кроме того, 3 австрийских дивизии того же типа в кадровом составе. Командование корпусов этой второй армии («Obergruppen») находится в местах расположения командования регулярных дивизий (Берлин, Дрезден, Мюнхен, Мюнстер, Штутгарт, Штеттин, Кенигсберг).

Некоторого рода унификация частей коричневой армии с рейхсвером в отношении обмундирования, обучения и вооружения при сохранении, по понятным соображениям, их организационной структуры, отвечающей политическим целям, подходила в 1934 г. к концу. Тесное же взаимодействие этих двух армий обеспечивает рейхсверу ту мобилизационную готовность, которая необходима в условиях современной войны.

Все эти составные элементы германских вооруженных сил таковы, что в будущем потребуются немного усилий и еще меньше времени, чтобы связать их в органическое целое и создать одно из лучших на старом континенте орудий войны.

Трудно признать, что организация коричневой армии, официально невоенная, предназначена исключительно для нужд внутренней политики, особенно если отметить, что ей сопутствует чрезвычайно интенсивное на протяжении ряда лет строительство сети шоссейных и железных дорог, экономическое значение которых весьма относительно, а стратегический характер сразу бросается в глаза.

Согласно программе, принятой правительством Третьей империи в 1933 г., в ближайшее время в Германии будут построены две мощные автострады, которые пересекут страну с севера на юг: одна из них пройдет из Любека через Гамбург, Ганновер, Франкфурт-на-Майне, Карлсруэ до Базеля; вторая — из Тильзита через Кенигсберг, Данциг, Штеттин, Берлин, Лейпциг, Нюрнберг, Мюнхен к южной границе.

Эти автострады будут связаны с четырьмя поперечными, а именно: Гамбург — Берлин; Ганновер — Берлин; Франкфурт-на-Майне — Лейпциг и Карлсруэ — Мюнхен, а также дополнены автострадами, идущими перпенди-

кулярно западному и восточному фронтам. Эта сеть сыграет в будущей войне громадную роль. Если бы даже эти новые дороги, протяжением в 12 000 км, не имели исключительно стратегической цели, все равно они свяжут центр государства и его важнейшие промышленно-административные пункты с границами государства и увеличат во много раз маневренную способность германской армии¹.

В ближайший период германская мобилизация использует также школьную молодежь в так называемых трудовых лагерях². Если правительство Третьей империи введет обязательную 6-месячную военную службу, что можно считать вполне достаточным ввиду наличия многочисленных в Германии курсов усовершенствования, то это мероприятие сможет обеспечить в недалеком будущем подготовку около 400 000 новобранцев в год³.

Уже теперь (в 1934 г.) Германия может мобилизовать 600-тысячную, втрое превышающую рейхсвер, ютборную действующую армию, а применив тот же метод к территориальным войскам — свыше 21 дивизии 2-й очереди. Эти дивизии вместе с формированиями пограничной охраны и совместно с военной полицией смогут выполнять роль армии прикрытия уже с первого дня войны.

¹ Вышеупомянутый бюджет предусматривал в 1933 г. сумму в 35,7 млн. марок, с поступлением ее в распоряжение созданного недавно генерального дорожного инспектората.

² Опубликование закона о всеобщей и обязательной трудовой повинности было отсрочено. Вместо этого был введен закон об обязательной 4-месячной трудовой повинности и 6-недельной дополнительной службе в учебных лагерях S. A. для молодежи мужского пола, оканчивающей школы. С одной стороны, это соответствует избытку добровольцев, желающих поступить в трудовые лагеря, а с другой стороны — недостатку соответственно обученных инструкторских кадров, формирование которых проводится в настоящее время самым энергичным образом.

³ Вся совокупность этой системы изложена в германском меморандуме, представленном министром Нейратом 29 августа 1933 г. французскому послу в Берлине. Эта программа включает в себя как численное увеличение рейхсвера до 300 000 чел., так и сокращение срока обязательной службы в его рядах до 6 лет, чего добивались ген. Сект, Гренер, Шлейхер, а, кроме того, как введение обязательной всеобщей краткосрочной военной службы, так и содержание территориальной милиционной армии,

Таким образом, Третья империя уже в настоящий момент может выставить значительную и способную к наступательным действиям вооруженную силу большого масштаба. Существующие в Германии столь многочисленные специальные организации (Motorstaffel, Motorsturm, Fliegelsturm, Reitersturm и др.), а также так называемая Technische Nothilfe обеспечили бы эту армию необходимыми техническими формированиями.

Руководство рейхсвера располагало в начале 1934 г. современным вооружением для этих военных организаций, кроме тяжелой артиллерии, танков и бронемашин. Однако, с этого момента вся военная промышленность работает в две смены (свыше 50 заводов). Орудия — даже наиболее тяжелого калибра — и боеприпасы к ним в настоящее время производятся на месте. Производство тяжелых орудий сосредоточено в Эссене, Аугсбурге и Дюссельдорфе. Танки производятся в Эйзенахе и Лейпциге. Производство боеприпасов сконцентрировано на крупновских заводах.

В 1934 г. германское правительство выделило 80 млн. марок на создание материальных запасов для снабжения армий, увеличив тем самым расходы на ту же цель на 192%. Если прибавить к этой сумме по крайней мере 50 млн. марок из графы, включающей содержание оружия, то получим фантастическую цифру в 135,7 млн. марок. Таким образом, мы можем утверждать без всякого преувеличения, что недостатки германской материальной мобилизации будут ликвидированы в ближайшее время, а так как старое вооружение Германии уничтожено, то в случае войны Германия будет обладать лишь новым современным вооружением.

Размер военного бюджета послевоенной Германии внушал на протяжении ряда лет серьезные опасения. За 10-летие (1923—1933 гг.) он колебался вокруг цифры 700 млн. марок и в 1933/34 г. составил 666 млн. марок. Громадные суммы, которые германская нация приносит в жертву своей армии, ясно выражают стремление Германии к реваншу. В 1934 г. германское правительство официально увеличило военные расходы на 33%, доведя их до суммы 894,3 млн. марок. Принимая во внимание 250 млн. марок, предусмот-

ренные на содержание коричневой армии и трудовых лагерей, и 210 млн. марок, предназначенные на развитие авиации, а также суммы, включенные в бюджет министерства внутренних дел и предназначенные на содержание государственной полиции (190 млн.), «техническую помощь» и т. п., и, наконец, расходы по генеральному дорожному инспекторату, получим колоссальную сумму в 1600 млн. марок, прямо или косвенно предназначенную на организацию вооруженных сил государства. Эта цифра столь велика, что вызывает в последнее время всеобщие и далеко идущие подозрения.

* * *

4. Чрезвычайно трудно определить как в качественном, так и в количественном отношении те материальные запасы, которые могут быть накоплены в германских мобилизационных складах. Германское правительство составляет свой государственный бюджет, не считаясь ни с общественным мнением, ни с парламентом. Поэтому Германии гораздо легче сохранить тайну новых вооружений. Несмотря на это, имеется много серьезных признаков, указывающих на неуклонное развитие военного производства в Германии. Не следует забывать, что еще междусоюзническая контрольная комиссия сигнализировала в свое время о возможности для Германии в течение 12 месяцев достигнуть довоенного уровня промышленной продукции.

В послевоенное время в Германии были использованы все способы и средства, чтобы приспособить целиком гражданскую промышленность к выполнению тех заданий, которые ожидают ее в случае войны. Все министры рейхсвера заботились об этом. Один из министров, Геслер, удержался при 8 правительствах, обеспечив тем самым ген. Секту непрерывность его работы. Эти функции входили в обязанность специального учреждения, так называемого *Waffenamt* (Управление оружия), включенного в состав военного министерства. В том же духе работали и работают центральные технические комиссии, состоящие из лучших специалистов. Они облечены большими полномочиями и непрерывно стремятся настолько улучшить работу промыш-

ленности, чтобы можно было проводить ее мобилизацию автоматически и без опозданий.

С другой стороны, Германия с момента окончания мировой войны неуклонно стремится стать независимой от внешних рынков в отношении сырья, необходимого для военной промышленности, что тоже заслуживает серьезного внимания. Она достигла почти полной независимости в области сырья для химической промышленности, за исключением мышьяка и иода. Она испытывает недостаток в никеле, марганцевом железе, цинке, свинце и коже. Поэтому с начала 1933 г. Германия начала их ввозить в невероятных количествах. К концу августа 1933 г., т. е. в течение 8 месяцев, Германия импортировала на 70% больше железа, чем за весь 1932 г. В течение первых 8 месяцев своего существования правительство Третьей империи купило в других странах почти столько же железа, сколько было ввезено в Германию в течение 1931 и 1932 гг. Импорт никеля увеличился за последнее время на 94%.

Германская промышленность больше не испытывает зависимости от заграницы в отношении серы и серной кислоты, соды, соляной кислоты и камфары. В Германии производится из местных глин путем электролиза алюминий. Синтетический бензин и смазочные вещества, добываемые из бурого угля, обеспечивают Германии независимость в той области, в которой центральные государства ощущали большой недостаток во время мировой войны. В области производства синтетического азота Германия достигла небывалых успехов, причем добилась полной независимости от Чили. Азот, который во время войны будет одной из главных составных частей в производстве боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, и в настоящее время занимает в германском экспорте первое место. Более того, германская азотная промышленность занимает сейчас первое место в мире, так как ее продукция достигает почти 50% мировой продукции. По производству целлюлозы, возросшему на 330%, Германия занимает второе место. Химическая промышленность Германии, охватывающая свыше полмиллиона рабочих, является наиболее сильной в Европе.

Самым мощным в Германии и во всем мире является химический концерн «Interessen Gesellschaft der Deutschen

Farben-Industrie A. G.» с номинальным основным капиталом в 1 200 000 000 марок, фактически вдвое большей ценности. Он объединяет сотни крупнейших заводов и рудников, работающих с полной нагрузкой. Если завод, пригодный для производства отравляющих или взрывчатых веществ, обанкротится, правительство оказывает ему материальную поддержку.

Германская химическая промышленность занимала издавна первое место в мире. Особое развитие она получила в 1914—1918 гг.

Версальский договор не разрушил германской химической промышленности; в руках правителей Третьей империи она может стать мощным орудием войны. Не следует забывать, что современная Германия рассматривает химическую войну как «германскую войну». Имеются вполне обоснованные указания на то, что германские сельскохозяйственные технические лаборатории, а также научные институты в Берлине, Марбурге, Саксонии и Гамбурге серьезно работают над вопросами новых ОВ и возбудителей болезней в целях достижения мобилизационной готовности также и в области бактериологической войны¹.

* * *

5. В 1918 г. в Германии действовало 35 авиазаводов, которые в течение войны произвели свыше 50 000 самолетов, и 25 заводов, на которых в то же время было собрано около 48 000 моторов. В настоящее время в Германии действует 11 авиазаводов и 7 заводов, производящих моторы. Все крупные авиационные фирмы Германии — как Юнкерс, Дорнье, Рорбах, Хейнкель и Арадо — до недавнего времени имели заграничные филиалы, созданные, прежде всего, для военных целей. Они частично существуют и до сих пор.

Подобная организация авиационной промышленности дала Германии возможность сохранить непрерывность работы по усовершенствованию и развитию военной авиации, не-

¹ Если верить проф. Е. Банзе («Deutsche Wehrwissenschaft» 1933), бактериологическое оружие явится в будущем «оружием германской нации» как нации, якобы разоруженной и лишенной других действительных средств обороны.

смотря на существующие ограничения и междусоюзнический контроль. С 1926 г. Германия фактически отказалась от ограничений в этой области. В настоящее время мы являемся свидетелями того необыкновенного факта, что нация, лишенная права иметь собственную военную авиацию, обладает наиболее современными и лучшими типами военных самолетов и снабжает своими образцами, — если не в виде готовых самолетов, то в виде лицензий, — большинство государств, как то: Японию, Турцию, Швейцарию, Данию, Голландию, Италию и даже Англию и Америку.

Таким образом, трудно предполагать, что Германии нехватит самолетов, когда начнется война, тем более, что мощная, хотя и живущая выше своих средств, германская авиационная промышленность может существовать лишь благодаря получаемым субсидиям. Вследствие этого германское правительство имеет полную возможность продиктовать гражданской авиационной промышленности свои требования. Поэтому необходимо считаться с тем фактом, что германские торговые и гражданские самолеты требуют лишь небольших и заранее предусмотренных изменений, чтобы превратиться в военные. Благодаря этому методу Германия уже в первом квартале 1934 г. могла в случае войны располагать воздушным флотом, состоящим приблизительно из 800 средних и тяжелых бомбардировщиков, а также 600 самолетов, пригодных для второстепенных задач, связанных с наблюдением, разведкой и воздушным боем.

Однако, в настоящее время, когда развитие науки и техники имеет решающее значение для обороны государства, сила боевой авиации будет определяться не только ее количеством, но также и качеством. Германская послевоенная авиация стремится достигнуть наилучшего качества; она добилась ряда мировых рекордов, особенно в области конструкции мощных металлических самолетов (дуралюминий). В этой области Германия занимает первое место.

В будущей войне самолеты-гиганты — как Суперваль, G. 31, Роланд, Ромар, а также транспортные самолеты K-45 (он же G-38), Юнкерс-52, составят мощную боевую авиацию; их пригодность для военных целей увеличивается тем

обстоятельством, что они могут быть использованы в одинаковой мере как днем, так и ночью.

Можно было бы предположить, что современная Германия не имеет истребителей вследствие их относительно малой пригодности для гражданских целей. На самом деле это вовсе не так. Германия располагает одним из лучших типов двухместных истребителей, которым является Юнкерс К. 47, скрытый в гражданской авиации под № А. 48. В то же время завод Хейнкель располагает прототипами одноместных истребителей, как Н. D. 43 и Н. E. 70, скорость которых доходит до 360 км в час¹.

Ни для кого не тайна, что план развития военной авиации, составленный министром Герингом, генеральным комиссаром германской авиации, предусматривает на 1934 г. мощные сдвиги в этой области. В бюджете этого года он располагает суммой в 210 млн. марок (по сравнению с 1933 г. увеличенной на 131,8 млн. марок, т. е. на 168,3%), что дает полную возможность осуществить ту программу, которая заключается в реализации столь популярного в Третьей империи лозунга: «...будущее Германии в воздухе».

* * *

6. Противовоздушная оборона Германии после реорганизации, произведенной Герингом, сделала безусловно значительный шаг вперед. Недавно созданный «Рейхслюфтшцунд», заменивший собой все до сих пор существовавшие «лиги противовоздушной обороны», централизовал и привел в порядок всю подготовку к этой обороне, которая ведется под руководством и непосредственным контролем правительства. Многочисленные и организованные в таком масштабе, который не встречается в других странах, противовоздушные маневры, происходившие во всей Германии в ноябре 1932 г. и в 1933 г., доказали действительную пригодность этой организации. Она располагает образцовой сетью разведки и тревоги во всей стране (включая так называемые Flugwache, Flugwach-Kommando и Wachwarnzentrale), организован-

¹ Все эти соображения автора базируются на устарелых данных.—Р е д.

ною рейхсвером. Наблюдательные посты и посты противовоздушной обороны получают в настоящее время образцовые звукоулавливатели, аппараты зрительного наблюдения и прожекторы, которые производятся в массовом количестве на заводах Цейсса. ПВО опирается на отличную сеть связи, которая в последнее время была значительно усовершенствована. Важнейшие телефонные станции, а также посты тревоги помещаются в бетонированных убежищах, предохраняющих от воздушных и химических нападений.

Организация пассивной обороны тоже сделала в Германии значительный шаг вперед. В Берлине, Потсдаме, Штутгарте, Бреславле, Кельне, Дрездене, Лейпциге, Карлсруэ, Мангейме и Варнемюнде построены коллективные убежища. В подготовке ПВО принимает активное участие почти все население под руководством правительства, вследствие чего Германия выходит на одно из первых мест в этой области.

* * *

7. Германский военный морской флот содержался по нормам, предусмотренным Версальским договором, в составе: 6 линкоров типа «Шлезвиг-Голштейн» (12 000 т), построенных в 1902—1908 гг. и переделанных в 1919—1926 гг.;

5 современных крейсеров типа «Лейпциг» и «Эмден» (6.000 т), построенных в 1925—1929 гг.¹

12 восьмисоттонных торпедоносцев типа «Ильтис-Альбатрос», построенных в 1926—1928 гг.²

Кроме того, германский морской военный флот располагает значительным количеством кораблей с малым тоннажем, — тральщиков, учебных, артиллерийских, измерительных, — а также линкоров старого типа, дополнительно

¹ Еще до недавнего времени Германия не имела шестого крейсера этого типа и сохраняла вместо него 3 старых крейсера типа «Берлин», среднего качества.

² Германия отказалась от постройки остальных 12 торпедоносцев водоизмещением 200 т каждый, разрешенных ей Версальским договором, так как считает, что они не имеют большого значения для войны. Она заменила их торпедоносцами типа 1907—1918 гг., модернизировав их в течение последних лет, на что было получено согласие конференции послов.

признанных конференцией послов. В течение ближайших нескольких лет Германия будет располагать 8 броненосцами новейшего типа, 8 крейсерами, 16 торпедоносцами до 800 т¹. На 15 000 матросов, из которых только 10 000 можно рассматривать как боевую силу, германский военный флот имеет свыше 10 адмиралов и около 1 000 офицеров различных рангов. Он располагает персоналом, состоящим почти из 2 000 чиновников и около 1 500 заурядчиновников, а кроме того, свыше 10 000 постоянных рабочих.

Что значат эти ненормальные цифры, напоминающие аналогичный численный состав 1912 г.? Они определенно подтверждают явное стремление послевоенной Германии к сохранению сильных кадров, совершенно необходимых для проектируемой реставрации германского морского могущества. Эти намерения подчеркиваются ростом германского торгового флота, предшествующим, как и в 1900 г. (программа адм. Тирпица), развитию германского военного морского флота.

Навстречу этим тенденциям идет бюджет германского морского военного флота, который в 1934 г. составлял 236,2 млн. марок. Из этой суммы на строительство новых морских единиц предназначено 108 млн. марок, т. е. по сравнению с предыдущим годом на 81,4% больше.

* * *

Авторы Версальского договора, поставленные перед фактом столь быстрого довооружения Германии, противоречащего не только духу, но и букве обязательств, подписанных ими в Версале и затем в Локарно, могли автоматически применить к ней санкции, предусмотренные догово-

¹ Новый германский крейсер «Эрзац Прейсен» позволяет нам ориентироваться в качестве германских крейсеров, так как является их прототипом. Этот корабль имеет водоизмещение 10 000 т, скорость 26 морских миль и мощное вооружение, состоящее из шести 28-см пушек, помещенных в двух бронированных башнях; восьми 15-см пушек; четырех зенитных 8-см пушек. Боевая ценность этого совершенно исключительного корабля заключается в сравнительно небольшом водоизмещении, необыкновенной скорости, мощном вооружении и большом радиусе действия (10 000 морских миль).

ром 1919 г. Это привело бы к активной защите всеобщего мира, вполне обоснованной серьезностью момента. Однако, залогом быстрого и полного успеха действий подобного рода должна служить солидарность не только соседей Германии, но также стран-победительниц в 1918 г. Подобная солидарность придала бы действительную силу защите Версальского договора и, несомненно, привела бы к приостановлению вооружений Третьей империи и, таким образом, укрепила бы на значительное время мир в Европе.

Но великие западные державы не решились на выступление подобного рода. Наоборот, в Женеве вплоть до 1934 г. даже не допускалось дискуссии о довооружении Германии. Более того, меморандумы Англии и Италии по вопросу о разоружении наций, опубликованные в феврале 1934 г., включали косвенное одобрение уже произведенного и лихорадочно производимого правительством Третьей империи вооружения. Дальнейшее вооружение Германии такими же темпами неизбежно должно привести к взрыву новой войны.

2. Готовит ли Третья империя новую войну?

1. Политика мира и войны руководителей Третьей империи. — 2. Период «пустых лет», опасный для мира в Европе.

1. На первый взгляд кажется очень трудным согласовать мотивы, которыми руководствуется в своей иностранной политике канцлер Гитлер; иногда он пользуется маской Беллоны¹, иногда — маской мира. Но ведь посол Надольный сказал в свое время в Женеве, что Адольф Гитлер, подобно умершему Штреземану и даже лучше него, умеет в случае надобности говорить языком Иммануила Канта, автора трактата о вечном мире. Впрочем, Гитлер достаточно опытный политик, чтобы понимать, что в данной обстановке — по причинам как внутреннего, так и внешнего порядка — Германия еще не в состоянии проводить свою программу внешней политики с помощью силы. Национал-со-

¹ Богиня войны у древних римлян. — Ред.

циалистический хозяйственный план, рассчитанный на 4 года, находится лишь в стадии осуществления. Одной из главных целей этого плана является материальная подготовка Германии к будущей войне. Экономическое положение Германии, которое и раньше было очень трудным, в последнее время значительно ухудшилось. Сложные проблемы экономического положения нельзя решать ни путем пропаганды, ни даже путем мощного развития военной промышленности. Кроме того, в современной Германии проявляются открыто религиозные трения и существуют тайные революционные центры, которые в случае взрыва вооруженного конфликта выявили бы свою разрушительную силу. Кроме того, не подлежит сомнению, что в современных условиях внешняя изоляция Третьей империи стала бы неизбежной в случае спровоцирования ею новой войны.

И теперь, как в эпоху графа Шлиффена, Германия должна считаться с невыгодной для нее гипотезой войны на два фронта: с одной стороны — Франция и Бельгия, к которым может присоединиться Англия, с другой стороны — Польша и Чехо-Словакия, которые в этом отношении займут на востоке то место, которое раньше занимала Россия. Та позиция, которую в настоящее время занимает правительство Третьей империи относительно коммунистической России, привела к франко-советскому и польско-советскому сближению, которое на практике аннулирует гибельные для мира последствия договора, заключенного в 1922 г. в Раппало. Одновременное улучшение советско-румынских отношений и лондонское соглашение¹ являются новыми элементами относительной стабилизации и мира,

¹ 3 июля 1933 г. представители России, Польши, Румынии, Турции, Латвии, Эстонии, Ирана и Афганистана подписали в Лондоне соглашение, к которому затем присоединилась и Финляндия и которое возможно наиболее точным образом определило агрессора. Это соглашение считает агрессором то государство, регулярные или иррегулярные военные отряды которого нападают на чужую территорию, — безразлично, была ли объявлена война или нет. Это определение, в общем, согласуется с известной формулой Политиса, не принятой комитетом безопасности в Женеве в 1933 г. Оно выражает максимум доброй воли, достигнутой до сих пор на международной арене по этому столь важному для всеобщего мира вопросу.

намечающегося в последнее время в Европе на некоторый период.

Договор с Россией значительно улучшает стратегическую позицию Польши, позволяя ей усилить в случае необходимости оборону западных границ.

Для Франции изменение границ, проведенное в 1918 г., — что нашло свое выражение в возвращении районов Меца и Страсбурга в северо-восточную систему французских укреплений, — автоматически укрепило безопасность этой страны.

Если Германия спровоцирует новую агрессивную войну, то ей необходимо будет располагать мощной сухопутной и воздушной армиями, так как ей придется воевать одновременно и на востоке и на западе. Противовоздушная оборона германской территории должна быть достаточно сильной, чтобы успешно защищать, с одной стороны, Рурский бассейн и промышленность, расположенную в Рейнской области, а с другой стороны — Верхнюю Силезию и военную промышленность Саксонии. Совместные воздушные действия французских, бельгийских, польских и чехо-словацких эскадр, направленные против вышеперечисленных промышленных центров, могут стать серьезной угрозой германской военной промышленности. Поэтому неудивительно, что руководители Третьей империи пытаются применить на деле известный германский принцип: «только сильный устанавливает момент, когда он захочет поднять меч». Не забывая о политических моментах, они продолжают лихорадочно вооружаться.

В настоящее время Гитлер применяет к Австрии лозунг сплочения германской нации или так наз. «Глейхсшальтунг». Тот же метод он применит в Саарском бассейне и вообще всюду, где есть германское меньшинство, поддающееся национал-социалистической пропаганде. Понятно, что если бы он мог реализовать свои намерения мирным путем, не встречая при этом серьезных препятствий, создание новой германской империи, простирающейся от Северного моря до Адриатического, было бы лишь вопросом времени. Если бы ему удалось направить итальянскую экспансию на Балканы, что в настоящий момент является нереальной мечтой, войти в соглашение с Венгрией и целиком погло-

тить Австрию, — если бы он мог одновременно с этим довести вооруженную силу Третьей империи до намеченной мощи, — тогда он, безусловно, мог бы диктовать свои законы Европе.

Вожди Третьей империи пытались использовать косность и отсутствие солидарности среди западных держав — в особенности последние польско-французские расхождения — и верили в возможность привлечения на свою сторону ближайшего соседа Германии — Польши. Заботясь о благоклонном нейтралитете Польши по отношению к «аншлюсу», они питали иллюзию, что взамен миража далеко идущей польской экспансии на север и на восток они могли бы добиться от поляков согласия на пересмотр польско-германской границы. Ведь руководители Третьей империи, несмотря на новый курс политики, не отказались от возможности поднять в известный момент этот вопрос, сущность которого сводится к овладению Германией польским Поморьем и Верхней Силезией.

Этот новейший план Третьей империи отличается некоторой смелостью. Однако, поляки были бы чрезвычайно наивны, если бы они не рассматривали попыток осуществления этого плана как величайшую угрозу своему будущему. Пока речь идет лишь о нейтрализации Польши, затем — о вовлечении ее под германское влияние в той или иной форме. Ведь каждый поляк инстинктивно понимает, что проведенное установление западных границ Польши и удержание за собой районов, угрожаемых со стороны Третьей империи, является необходимым условием полной независимости и безопасности государства, а также его державного положения как одного из первоклассных европейских государств.

Пожалуй, нет надобности напоминать польским сторонникам соглашения с Третьей империей — этим неисправимым мечтателям, впрочем, довольно немногочисленным, — наш опыт в 1790 г., завершившийся окончательным падением и разделом Польши. И теперь, так же как и 150 лет тому назад, Германия придерживается той же тактики. Теперь речь идет об аннулировании польских соглашений и, во всяком случае, об уничтожении военных конвенций, опасных в случае войны для Германии, а также об агита-

ции, которая может привести к изоляции и моральному разоружению Польши в отношении опасности, угрожающей ей с запада.

Польская нация жаждет мира и нуждается в нем, стремясь со всей последовательностью к его сохранению. Поэтому она дает единодушную оценку фактам, происходившим в последнее время и имевшим целью установление нормальных отношений Польши с Германией, расценивая их так, как они этого заслуживают. Это изменение отношений желательно, даже если оно будет временным, как с точки зрения общих интересов Европы, так и с точки зрения всех наших действительных друзей. Однако, теперешнее международное положение Польши ничем не напоминает положения Польши во второй половине XVIII в. Польская нация, преисполненная молодой и упругой энергией, уверена в своем великом будущем, несмотря на временную бедность. Наученные тяжелым опытом, поляки отлично понимают, что хотя их сближение с Германией и желательно, но если бы оно было ложно понято и использовано в духе тайных и коварных германских замыслов для морального и политического ослабления польской оборонспособности на западе, а также для разрушения польско-французского союза, опирающегося на общие прочные обоюдные материальные и моральные интересы обеих наций, то это сближение было бы более чем политической ошибкой — оно было бы самоубийством...

* * *

2. С чисто военной точки зрения опасность, заключающаяся в стремлении Германии к реваншу, становится серьезной в период так называемых «пустых лет», которые отвечают периоду сокращения рождаемости во время мировой войны. По расчету доктора Бюгдерфера, в 1915—1919 гг. уменьшилась рождаемость по сравнению с четырехлетием до войны на 44% во Франции, 39% в Германии, 37% в Бельгии, 27% в Италии и 17% в Великобритании¹.

¹ «Revue de l'Alliance Nationale», 1933 г.

Количество мужчин в возрасте от 20 до 25 лет, по германским (не особенно внушающим доверие) статистическим дан-

Отрицательные последствия этого факта особенно чувствительно отражаются на тех государствах, где преобладают мужчины старшего возраста, т. е. свыше 40 лет. В настоящее же время, при равном их количестве в Германии и Франции, Германия имеет 22 218 000 мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, в то время как во Франции их число доходит до 12 719 000¹. Не следует забывать, что хотя рождаемость в Германии за последнее десятилетие значительно уменьшилась, она все же превышает рождаемость во Франции.

Однако, эти цифры никого не приводят в отчаяние; ведь, Франция имеет колонии с 60-миллионным резервом населения. Тем не менее, из этой таблицы следует, что, начиная с 1935 г., когда экономические неудачи гитлеризма доведут его до поисков спасения путем внешних авантюр, страны, граничащие с Германией, будут вынуждены укрепить свою безопасность чрезвычайными мерами. Этой цели можно достигнуть как продлением срока обязательной военной службы с одновременным увеличением основных кадров армии, так и усилением частей прикрытия с помощью сверхштатных запасных. Эти мероприятия только на первый взгляд кажутся простыми; они целиком зависят от внутренней сплоченности и полного понимания грозящей опасности, которые должны быть проявлены заинтересованными нациями. Не подлежит сомнению, что от успеха предупредительных мер подобного рода будет в значительной степени зависеть вопрос мира в Европе в столь критический для нее период, каким является промежуток времени от 1935 до 1940 г.

ним, представляется в ближайшем будущем следующим образом:

	1930 г.	1940 г.	1950 г.
Германия	3 211 000	1 898 000	2 559 000
Франция	1 647 000	889 000	1 554 000
Италия	1 948 000	1 474 000	2 023 000
Польша	1 641 000	1 089 000	1 789 000

¹ «L'Ordre Nouveau», Париж, июнь 1933 г.

3. Политическая и военная обстановка на Дальнем Востоке

В основе длительного конфликта на Дальнем Востоке, где сталкиваются столь сложные и даже неразрешимые японские, китайские, советские, европейские и американские противоречия, лежит факт существования 70-миллионной нации и страны, густота населения которой часто доходит до 800 чел. на 1 км². Нация эта—японцы. Военно-экономический прогресс, которого Япония достигла за последние полвека, дает ей, по мнению ее руководителей, право сыграть в известный момент роль арбитра на азиатском континенте.

Японские государственные деятели считают территориальную экспансию в Азии единственным средством разрядить густоту населения в собственной стране. В этом источник своего рода национального мистицизма. Этот традиционный мистицизм находит свое выражение в столь характерном рассуждении: «Экспансия Японии на материк является необходимым условием спасения Японии и Востока»¹.

«В этом вопросе японское правительство должно окончательно решиться» на занятие Восточной Сибири, находящейся в сфере японского влияния. Ген. Сато, со своей стороны, полагает, что «Манчжурия, Монголия и Сибирь, как святые места их пророков», естественно, являются областью деятельности японцев и их потомков. Вообще вопрос о необходимости взять в руки японской нации кормило правления в Восточной Азии является, по его мнению, «вопросом жизни и смерти» для его родины.

С материальной точки зрения эта обстановка создает ряд экономических моментов, вынуждающих Японию, как страну островную, лишенную естественных богатств, импортировать почти все сырье, в том числе железную и медную руду, а также шерсть, хлопок, больше всего из Индии и Китая, от которых Япония в случае войны легко может быть отрезана. Это сырье находится в значительном количестве в Манчжурии и Монголии. С другой стороны, японская торговля находит для себя рынки сбыта

¹ Ген. Араки, Задачи Японии в эпоху Сиова, 1933 г.

лишь при условии очень низких цен; впрочем, эти цены достигаются благодаря наличию в «стране восходящего солнца» многочисленного, трудолюбивого и довольствующегося незначительным заработком рабочего класса. Между тем Китай с его 400-миллионным населением и слабо развитой промышленностью является громадным рынком сбыта. Этим рынком до сих пор пользовались преимущественно другие державы, а Япония лишь в незначительной степени.

Кроме этих экономических причин, существуют также и военные.

По мнению ген. Хата, «в настоящий момент охрана корейской границы не обеспечивает господства Японии на этой территории»¹. Даже занятие Южной Манчжурии, что было главной целью последней русско-японской войны, во все не решает этого вопроса, имеющего первостепенное стратегическое значение. Вследствие этого:

«...по мере увеличения японского населения и роста японского могущества необходимо постепенно стремиться к развитию японского государства также и на азиатском материке, что является незыблемой доктриной японского государства; что бы ни произошло, чтобы ни изменилось в соседних странах, эта доктрина ни в коем случае не будет изменена».

Эта программа политической экспансии, направленная против владений Советской России, существует уже давно. Она проводится в жизнь с необыкновенной энергией и последовательностью, с большой ловкостью и умеренной предусмотрительностью в течение почти 50 лет.

Начиная с конца XIX в., — а именно с того времени, когда Япония под видом защиты независимости Кореи вступила на азиатский материк, и вплоть до занятия Манчжурии и провинции Жэхэ, — действия Японии ведутся по вполне продуманному плану. Выиграв в 1894 г. первую войну с Китаем, Япония, заняв ряд островов, временно обосновалась на Ляодунском полуострове. Вынужденная

¹ Ген. Хата, Оборона Японии; статья была напечатана в «Пшеглонд войсковы», Варшава, 1933, № 35.

затем Германией, Россией и Францией покинуть этот полуостров и будучи не в силах столкнуться с таким серьезным противником, каким была Россия того времени, Япония пассивно относилась к завоеванию Россией Дальнего Востока. Венцом этого завоевания было овладение Манчжурией и занятие в 1897 г. Ляодунского полуострова, Порт-Артура и Дайрена. Япония в это время была вынуждена довольствоваться протекторатом над Кореей.

Однако, она отплатила России в 1905 г. Портсмутский договор (25 августа 1905 г.), затем занятие Кореи в 1910 г., постепенное проникновение Японии в Манчжурию и Монголию, последовательно проводимое во время мировой войны, и, наконец, договор с США, заключенный в 1917 г., отмечают этапы японской экспансии на материке и укрепляют ее позиции в Азии. Со времени окончания мировой войны соперничество японских и американских интересов на Тихом океане и в Китае привело в 1922 г. к созыву Вашингтонской конференции, заставившей японцев ограничить свой морской флот, а также завоеванные ими права в Манчжурии и Монголии. Япония вновь была вынуждена признать принцип «открытых дверей» и принцип территориальной неделимости Китая¹.

Последний китайско-японский конфликт, а также создание независимого государства Манчжуго значительно изменили положение. Несмотря на это, японцы до весны 1934 г. готовы были в случае необходимости начать вооруженные действия с целью ускорения решений, связанных с дальнейшим выполнением паназиатской программы.

Японский солдат является одним из лучших солдат в мире. Что же касается общей боевой готовности и модернизации японской армии, то до недавнего времени ее техническое оборудование не вполне соответствовало требованиям современной интегральной войны. Численность японской армии была недостаточна; ее бюджет не соответствовал требованиям технического совершенствования армии. Японско-китайский конфликт в 1932—1933 гг. выявил ряд недостатков японской армии. Однако, после этого

¹ В настоящее время этот договор уже аннулирован известной декларацией японского военного министра от 19 апреля 1934 г.

японское правительство проявило серьезные усилия в целях устранения неполадок.

В результате этих усилий Япония может в будущей войне выставить миллионную действующую армию, которая будет серьезным противником для Советской России. С начала 1934 г. Япония имеет на азиатском материке 8 дивизий: 4 в Манчжурии, 2 в Корее и 2 в областях, расположенных к северу от Пекина. В случае японско-советского конфликта эти дивизии будут играть роль передового охранения, которое, с одной стороны, будет держать в повиновении Китай, а с другой — прикрывать Манчжурию от занятия ее красными войсками. Японские военные действия в Манчжурии должны встретить ряд трудностей в вопросе перевозок, так как манчжурские железные дороги еще до недавнего времени имели серьезные недостатки; их пропускная способность составляла 12—24 поезда в сутки¹.

Однако, японцы интенсивно работают над устранением этих недостатков и строят в Манчжурии новые железные и шоссейные дороги стратегического значения. Их задачей является облегчение сосредоточения японских войск в этой стране, а также обеспечение снабжения продовольствием и боеприпасами в случае войны.

Японская авиация насчитывает в настоящий момент не менее 2 000 самолетов. Она располагает недавно построенными ускоренным порядком аэродромами в Манчжурии и соответствующими материальными складами. Японский морской флот является одним из наиболее сильных и организованных в мире.

В таких условиях не исключена возможность, что Япония действительно пожелает расширить и укрепить свои азиатские владения, пользуясь продолжающимся мировым кризисом, чтобы возобновить попытку усилить свое непосредственное исключительное влияние на внешнюю Монголию, Китай и Восточную Сибирь².

¹ Пропускная способность железнодорожной линии Париж — Страсбург в случае мобилизации может дойти до 92—120 поездов в сутки.

² Эта экспансия должна была бы сопровождаться попыткой создания новой доктрины Монроэ и применением ее Японией в Северо-восточной Азии.

Позиция России на Дальнем Востоке значительно укрепилась в результате американо-советского сближения. Экономическая мощь США, мощный морской флот которых сконцентрирован на Тихом океане с момента взрыва последнего японо-китайского конфликта, дает им возможность организовать такую силу, которая в случае продолжительной войны станет для Японии весьма опасной.

Политика Японии в Тихом океане и стремление Японии к овладению китайским рынком сбыта обеспокоили также Великобританию. Поэтому, несмотря на то, что английские и японские политические интересы в Азии, в основном, сходятся, не исключена возможность соглашения между Великобританией и Соединенными штатами, имеющего целью воспрепятствовать стремлению «страны восходящего солнца» к гегемонии на Дальнем Востоке и защитить принцип «открытых дверей» в Китае. Возможность такого соглашения вынуждает Японию вести осторожную и предусмотрительную тактику. Это нашло свое выражение в отставке военного министра ген. Араки, а также в том разъяснении, которое токийское правительство дало правительству Великобритании. По этим же мотивам Япония ищет сближения с Нанкином и пытается создать в Азии общий антикоммунистический фронт. Все это вместе взятое показывает, что и Япония до некоторой степени оттягивает вооруженное столкновение с Советской Россией, хотя оно представляется неизбежным.

Не следует скрывать, что 1935 г. явится и на Дальнем Востоке началом опасного периода в мировом политическом кризисе. В этом году истекает срок, после которого выход Японии из Лиги наций вступает в силу, вследствие чего Япония получает гораздо большую свободу действий. Она, вероятно, не откажется от полученного ею от Лиги наций мандата на Каролинские и Маршалльские острова, которые она укрепила, расширив, таким образом, свои морские базы на Тихом океане. Это в значительной степени углубит напряжение политической ситуации на Дальнем Востоке. К этому времени соберется Международная морская конференция, которая может еще больше обострить и так уже весьма натянутые отношения между

государствами, соперничающими на Дальнем Востоке, в особенности, если токийское правительство воспользуется тем, что в 1936 г. кончается срок морской конвенции, и потребует равноправия в области морских вооружений. Ввиду приближения срока объявления независимости Филиппин, американская морская база на этих островах будет, возможно, ликвидирована. На практике это равносильно ограничению азиатских морских эскадр США и укреплению японской позиции в западной части Тихого океана. Это, в свою очередь, даст возможность «стране восходящего солнца» действовать более решительно на Дальнем Востоке.

4. Всеобщий характер будущей войны

На другой день после кровавого конфликта, каким была мировая война, трудно было представить себе возможность новой всеобщей войны. Исходя из этого, некоторые германские военные теоретики и политические деятели в период, предшествовавший Третьей империи, развивали теорию вооруженных конфликтов местного, ограниченного значения. В настоящее время положение в корне изменилось. Ведь, если программа, изложенная Гитлером в его книге «Моя борьба», не является лишь избирательной программой и если Третья империя действительно готовится «раздавить и уничтожить Францию», а затем «расширить Третью империю на Восток...», если первым этапом осуществления этого плана должен быть «аншлюс», после которого должно произойти создание «Срединной Европы» и возвращение германских колоний, а затем возврат к старым германским традициям и воссоздание Первой империи, то всех этих намерений вполне достаточно, чтобы не только держать Европу в состоянии постоянной осады, но также и для того, чтобы неизбежно привести ее к новой всеобщей войне, как это имело место в 1914 г.

Многочисленные международные договоры и соглашения тоже говорят за то, что будущая война будет всеобщей; лишь тенденциозные пацифисты, закрывающие глаза на вполне явное вооруженное нападение, готовы пожертво-

вать более слабым, лишь бы конфликт не вышел из местных рамок. Однако, следует констатировать, что до сих пор эти договоры и соглашения способствовали в известной мере оттяжке столкновения между нациями, несмотря на то, что общие условия политического равновесия во всей своей совокупности отнюдь не благоприятствуют сохранению и окончательному укреплению мира в Европе и Азии.

В том же духе должен действовать устав Лиги наций, по которому (ст. XII, XIII, XV, XVI) каждое государство, начавшее войну, автоматически вступает в конфликт со всеми остальными членами Лиги. Подобный же характер имеют региональные пакты, вроде рейнского пакта, парафированного в 1925 г. в Локарно. Однако, едва ли эти пакты выдержат испытания войны или сыграют ту роль, которую им в данный момент приписывают: интересы отдельных групп государств противопоставляются друг другу в настоящее время и сталкиваются друг с другом с такой силой, что ни о каком ограничении будущего конфликта не может быть и речи.

К тем же результатам приводит технический прогресс новейших родов войск. Вследствие этого в настоящее время Великобритания гораздо более, чем в 1914 г., заинтересована в сохранении независимости Бельгии и Голландии. При современном развитии авиации Лондон и английские промышленные районы могут подвергнуться бомбардировке германскими воздушными силами, если великобританские вооруженные силы не будут иметь опору на материке. Также и оборона английских коммуникационных линий, идущих через Средиземное море в Индию, на Дальний Восток и в Австралию, невозможна без активного взаимодействия Англии с одной из континентальных средиземноморских держав.

Кроме того, в отличие от 1914 г., появились новые факторы, способствующие увеличению размаха новой войны. Этими факторами являются большевизм и его антитезис — фашизм. Вследствие этого основы будущего столкновения наций могут неожиданно расширяться и придать войне политико-социальный характер.

Поэтому тот, кто, проводя войну в современных условиях национального, политического, экономического и социального антагонизма, питает надежду удержать ее в заранее предусмотренных рамках, тот совершает безумную ошибку. Будущая война наций, в особенности в Европе, быстро превратится, вероятно, в новый, еще более грозный, чем 20 лет тому назад, всемирный катаклизм.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННАЯ ОБОРОНА СТРАНЫ

Глава I

ГРАЖДАНСКАЯ И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

1. Общие замечания. Организация национальной обороны в связи с продолжительностью будущей войны. — 2. Расчет Германии на непродолжительную войну и неудача вследствие этого ее удара в 1914 г.

1. В 1914 г. организация национальной обороны была сравнительно несложной задачей. Везде рассчитывали на возможность локализации войны, не предполагая, что она может продлиться больше чем несколько недель или, в крайнем случае, несколько месяцев. Поэтому все стремились создать в мирное время достаточно многочисленные армии, не предполагая их мобилизационного роста больше чем на 30%. А так как, с другой стороны, вооружение того времени, в противоположность современному, было несложным¹ (в основном оно состояло из магазинной винтовки, пулемета и орудий нескольких образцов), снабжение же боеприпасами было довольно ограничено, то военная система этого времени хотя теоретически и базировалась на вооружении нации, на практике поглощала лишь некоторую часть национальных сил.

¹ В подлиннике «pojedynczy» (с нем. einfach). Так на испорченном польском языке автор передает понятие «простой», «несложный» — Ред.

Война 1914—1918 гг. опрокинула эти взгляды, приняв характер всеобщей, интегральной и длительной войны. Были вовлечены в игру все источники человеческих и материальных средств нации; технические средства боя усилились во много раз и были сильно усовершенствованы. А так как не удалось достигнуть решительного сражения, то войну пришлось неожиданно растянуть на несколько лет.

В результате опыта мировой войны современная система обороны государства принимает в расчет все без исключения факторы силы. Планы войны, выработанные после 1918 г., значительно полнее и сложнее и не опираются, как в 1914 г., на простые и легко осуществимые схемы.

Современное военное предвидение должно отличаться гораздо большей гибкостью. Целеустремленность такого предвидения требует прежде всего определения вероятных и возможных характерных черт будущего вооруженного конфликта, избегая, однако, опасности замкнуться в рамки одной гипотезы, как бы она ни была близка к действительности. В первую очередь, необходимо решить вопрос, будем ли мы рассматривать будущую войну как всеобщую и продолжительную или же как войну более или менее локализованную, протекающую стремительно и быстро приводящую к концу.

Первому предположению соответствует система национальной обороны, опирающаяся на всеобщую обязательную военную службу и на принцип вооруженной нации, применение которого делает нацию способной к продолжительному сопротивлению.

Во втором случае, в предвидении войны резко динамического характера, нужна прежде всего профессиональная армия, по необходимости менее многочисленная, но сплоченная и отлично обученная военному делу. Которая из этих двух концепций одержит победу и удержится в будущем? Слишком резкая и упрощенная априорная постановка этого сложного и чреватого тяжелыми последствиями вопроса весьма нежелательна.

Примеры непродолжительных войн, которые велись с помощью внезапных и сокрушительных ударов, безусловно имеются в истории. В прежние времена было возможно внезапно напасть на главные силы противника и разбить

их в одном «генеральном сражении». После этого обычно происходили оккупация неприятельской страны и победный мир. История XIX в. дает нам много примеров подобного рода. Например, Наполеон завоевал в течение 3 недель (с 7 по 28 октября 1806 г.) почти всю Пруссию. Это было классически подтверждено войной 1870 г., являющейся примером интенсивной, но короткой кампании, быстро ведущей к решительному концу. Этот сравнительно недавний опыт привел к тому, что в Германии, в разрез со взглядами победителя в войне 1870 г., фельдмаршала Мольтке, считали, что ближайшая война тоже будет недолговременной.

Под влиянием этих взглядов Германия в 1914 г. пошла «ва-банк», ошибочно рассчитывая на быстрое окончание войны со столь серьезным, как Франция, противником посредством одного, хотя и сокрушительного, удара, который ограничит войну всего лишь несколькими неделями и обеспечит ей решающую победу. Одновременно потерпели неудачу и лихорадочные французские наступательные действия, имевшие целью достижение столь же быстрых решающих успехов. Французы были неожиданно застигнуты мощью современного огня, а мобилизованная ими армия не имела достаточно времени, чтобы приспособиться к этому факту до начала главных операций.

Из этого опыта ясно вытекает, что промадные армии 1914 г., имеющие в своем составе большое количество запасных, не были уже тогда достаточно сплоченными и хорошо обученными, чтобы быть надежным оружием наступления большого масштаба. Мощная масса этих армий с трудом поддавалась управлению и не была способна к быстрому передвижению; при тогдашнем состоянии путей сообщения и связи она не облегчала ни маневра, ни быстроты операции, ни тем более их тайны. В этих условиях было чрезвычайно трудно организовать необходимый для обеспечения победы на поле боя сокрушительный и внезапный удар.

С этой точки зрения нужно считать ошибкой использование лучших сил на лихорадочные, торопливые и вследствие этого ненадежные действия, которые имели место в начале войны 1914 г. со стороны обоих противников.

Разбитые и расстроженные войска быстро стабилизировались и, несмотря на первоначальные намерения своего ко-

мандования, окопались. Тогда выяснилось, что оба стоящие друг против друга противника вовсе не предвидели возможности продолжительной войны, а также и всего, что с ней связано.

Запасы боеприпасов и военного снаряжения, с которыми армии выступили в поход, вскоре оказались недостаточными не только для решения войны, но даже и для поддержания борьбы. На западе тотчас после первого сражения на Марне и окончания так называемого «бега к морю» энергично взялись за организацию военной промышленности в таких огромных размерах, которые не предполагались ни в одном мобилизационном плане, одновременно прикрываясь посредством вновь возводимых полевых укреплений.

Потребовалось два года, чтобы эти усилия дали серьезные результаты, которые наглядно проявились лишь в 1916 г. В дальнейшем эти усилия развернулись до таких мощных размеров, что, поглощая для своих целей все внутренние ресурсы страны, привели, наконец, к окончанию войны. То, что эта война продолжалась целых четыре года, приняв под конец форму неслыханного в истории катаклизма, объясняется не столько ошибками, сделанными в начале войны, сколько неправильным расчетом ее продолжительности. Эту ошибку не удалось быстро исправить во время военных действий, хотя на ее исправление было потрачено много энергии.

Несмотря на этот чрезвычайно поучительный и не особенно давний опыт, еще находятся специалисты, которые с убеждением твердят, что если наступит новая война, то она не будет долго продолжаться. В Германии безусловно имеются стратегические взгляды в духе этой теории. Другие тоже склонны согласиться с этим мнением, и в этом нет ничего удивительного, так как каждый хочет любой ценой избежать войны, рассчитанной на полное истощение, тем более что в современных условиях эта война может превратиться в смертельную схватку за существование, схватку, которая может привести к гибели участвующие в ней нации. В особенности экономически слабые страны, с мало развитой промышленностью, находящиеся в зависимости от заграницы в отношении военного снабжения, или страны, не имеющие достаточного количества продовольст-

вия, должны стремиться к возможно быстрому окончанию навязанной им войны, так как истощение повлечет для них тяжелые последствия.

Совершенно неоспоримо, что боевые средства, которые могут быть предоставлены для наступления современной техникой и наукой, значительно возросли по сравнению с 1918 г. Быстрота воинских перевозок, применение для этой цели автомобилей и моторизованных частей, подвижность и мощь новейших танков, участие воздушных сил, усовершенствование радиотелеграфии — все эти факторы определенно указывают на то, что в наши дни внезапное нападение гораздо опаснее, чем во время войны 1914—1918 гг.

Однако, с другой стороны, оборона облегчается долговременными укреплениями, которые достигают столь значительной степени сопротивляемости, что в будущей войне части, прикрывающие границу, смогут отразить первые атаки противника или во всяком случае задержать его наступление. Таким образом, судьба и направление будущей войны попрежнему остаются неизвестными, как это было и в 1914 г.; поэтому нельзя рисковать, втягивая все действующие силы в преждевременную авантюру, затеянную в расчете на всеобщую мобилизацию нации в дальнейшем. И теперь так же, как и раньше, неизвестно, примет ли будущая война форму внезапных, сокрушительно быстрых действий и будет ли она кратковременной. Не подлежит сомнению, что теперь больше, чем в прошлом, продолжительность войны зависит от всей совокупности оборонительной системы, которая будет противопоставлена противнику, тем более, что в ближайшей войне каждый будет стремиться разбить не только военную силу противника, но и парализовать важнейшие центры его энергии в глубине страны. Таким образом, теории молниеносного хода и быстрого решения войны можно считать правильными лишь в случае значительного сокрушительного перевеса одной из сторон или же в случае полной внезапности.

Например, для того, чтобы могли осуществиться германские намерения на Востоке, нужно было бы вернуться к обстановке тех древних времен, когда славяне, беспорядочно воюя с германцами, значительно отставали от них в своей подготовке к войне, а их неорганизованные много-

численные, но слабо вооруженные толпы не могли сопротивляться хорошо организованному и лучше вооруженным отрядам германцев.

При относительном же равновесии участвующих в поединке сил известная теория о достижении решения молниеносными темпами падет, как карточный домик, построенный неопытной рукой ребенка. Поэтому, хотя бы мы и находили войну, рассчитанную на истощение моральных, материальных и экономических сил, весьма опасным экспериментом, чреватых революционными взрывами, хотя бы мы и надеялись на прогресс военного искусства, которым мы можем пользоваться теперь с гораздо большим успехом, чем в 1918 г., — мы все же сделали бы чрезвычайно рискованный шаг, приняв за главную предпосылку в своих организационных выводах тот взгляд, что будущую войну можно окончить одним ударом в течение нескольких недель с момента ее начала¹.

Вывод таков, что в будущем необходимо быть готовым парировать удар противника, который может на нас обрушиться уже в первый день мобилизации его хорошо организованных и отлично снабженных армий. Однако, вся совокупность нашей военной готовности должна идти гораздо глубже, рассчитывая на всеобщую войну и на мобилизацию всех имеющихся в нашем распоряжении сил, что только и соответствует опасности продолжительного конфликта.

Из подобной постановки проблемы будущей войны логически вытекает, что она, вероятно, распадется на две фазы. Первая фаза, начальная, безусловно, будет отличаться большой напористостью и быстротой действий. Эти действия в значительной степени будут вестись соответственно подготовленными постоянными армиями, которые будут стремиться к решительному разгрому противника, прежде чем будут мобилизованы все силы, предназначенные к участию в войне. В случае, если эти усилия не дадут положительных результатов, наступит вторая фаза, которая втянет в водоворот войны громадные человеческие массы и чрезвычайно мощные средства борьбы.

¹ Стоит подчеркнуть, что советская военная организация строится на предвидении продолжительной войны.

Если эти предположения окажутся правильными, то они потребуют в будущем организации и координирования тем более тщательных оборонительных мероприятий, чем разнороднее и обильнее будет современное вооружение. Проблемы мобилизации и сосредоточения современных армий, сложные сами по себе, будут тем труднее разрешимы, чем слабее окажутся современные постоянные армии, чем больше будет вследствие этого их мобилизационный прирост и чем больших усилий потребует снабжение необходимыми средствами дивизий, находящихся на фронте. Не менее сложна проблема финансовых средств, необходимых для реализации этой цели. Где же найти в настоящее время столь богатое государство, которое может позволить себе заранее всеобщую подготовку продолжительной войны? Никакие финансы не могут выдержать расходов подобного рода. Таким образом, армии, с которыми отдельные государства выступают в будущей войне, будут в начальный период лишь незначительной частицей той силы, которую они развернут в случае, если конфликт окажется длительным.

Лишь с момента начала войны государства будут в состоянии развернуть все свои потенциальные возможности и бросить их на чашу весов развертывающихся событий. Лишь тогда создастся действительная мощь технических средств борьбы, запас которых, находящийся в мобилизационных складах, будет лишь незначительной их частицей. Эффективность этих средств значительно превысит то, что мы наблюдали в 1914 г. Это, пожалуй, одна из важнейших черт нашего времени. Поэтому вся полезность современной военной системы заключается в ее готовности к многократному увеличению военных сил страны в случае необходимости и полной способности к массовому производству ее военной промышленности уже с первого дня мобилизации. Совокупность этой громадной задачи не может быть делом одной лишь армии. Для выполнения этой задачи теперь более, чем когда бы то ни было, необходимо гармоническое взаимодействие административных, хозяйственных и военных кругов. Наряду с этим необходимо обратиться к моральным и материальным силам нации. Для этой цели в настоящее время необходимо иметь общий рабочий орган, мирная организация которого должна вполне

соответствовать военным требованиям. Он должен облегчить государству плановый, постепенный и лишенный всяких трений и потрясений переход из нормального мирного состояния в состояние войны. Весьма характерный и богатый опыт последней мировой войны дает достаточный материал для наших организационных выводов в этой области.

* * *

2. В 1914 г. столкнулись две величайшие военные силы того времени: с одной стороны Франция, которая с начала XVII в. и до 1870 г. удерживала за собой военную гегемонию в Европе; с другой стороны Германия, самая серьезная и самая организованная со времени победы под Садом и Седаном военная сила Европы.

Не впервые в истории столкнулись на полях сражений две различные, но для теории будущей войны весьма характерные военные системы. Одна из них сложилась в течение трех последних столетий, когда Франция вела ряд континентальных и колониальных войн, и еще в XVII в. была представлена таким выдающимся вождем, как Тюренн. Будучи модернизирована Великой революцией, она достигла вершины науки и искусства во времена Наполеона. Основы второй системы восходят к временам суровой школы Фридриха II. На построенном им фундаменте в дальнейшем строится прусская теория войны, методически разработанная в тот период, когда Клаузевиц выработал и приспособил к германскому характеру наполеоновские принципы стратегии и когда его великий ученик Мольтке проводил эти теории в жизнь и проверял их на практике.

В 1914 г. на завоевание Франции двинулось 85 германских пехотных и 10 кавалерийских дивизий, т. е. $\frac{4}{5}$ германской армии. Эта армия была отлично снабжена новейшим вооружением. Она располагала многочисленной артиллерией, в том числе орудиями тяжелого калибра, неизвестной ранее мощности. Все роды войск были отлично обучены. Армия являла собой первоклассную боевую силу; ее представлял, в первую очередь, отличный офицерский состав, великолепно теоретически и практически подготовленный и отличавшийся инициативой и полным сознанием своей ответственности. Мощь армии поддерживалась немец-

ким унтер-офицером, который считался лучшим, а также и солдатом, воодушевленным победным духом армии, тщательно взлелеянным со времени последних прусских войн. Эта армия была пропитана такими высокими качествами, как решительный наступательный дух, высоко развитое чувство солидарности и способность жертвовать собой. Поэтому неудивительно, что Германия чувствовала свое превосходство над противником и с уверенностью стремилась к быстрой победе.

Организованная подобным же образом, но хуже снабженная и менее обученная, прусская армия одержала за 44 года до этого значительную победу. А в 1914 г. молниеносный марш германских войск через территорию нейтральной Бельгии дал Мольтке второй наряду с техническими новинками фактор победы — стратегическую внезапность. Так почему бы в таком случае не закончить войны одним ударом этой мощной массы, сосредоточенной на правом фланге? Почему бы не обойти французскую армию и не нанести ей затем сокрушительный удар под Парижем, как это имело место под Седаном 2 сентября 1870 г.?.. Тем более, что французам в начале войны нехватало очень многого, даже тяжелой артиллерии. Их силы, выставленные против Германии, были численно слабее (72 пех. и 10 кав. дивизий), техническое оснащение этих войск было значительно хуже, чем в германской армии, а стратегическое развертывание армий опиралось на ложные предположения. Таким образом, и французский план войны был неверным.

Чем же объяснить тот факт, что из этого столкновения Франция вышла победительницей, несмотря на то, что первоначальное, решавшее дальнейшую судьбу войны столкновение произошло в столь невыгодных для нее условиях?

Секрет этого заключается в принципиальной разнице между французской и германской концепциями организации национальной обороны. Он находит свое объяснение в руководстве военными действиями; в нем противники Германии уже с самого начала проявили большее искусство, которое в дальнейшем возматало и окончательно решило вопрос о победе союзников.

Глава II

СОВРЕМЕННАЯ АРМИЯ

1. Общие выводы. Армия разоружения. Наступление и оборона. — 2. Мирные задачи действующей армии. — 3. Задачи действующей армии в момент взрыва войны. — 4. Отборные соединения и профессиональная армия. — 5. Милиция. — 6. Кадровая армия, основанная на всеобщей и обязательной военной службе. — 7. Вневойсковая подготовка молодежи и обучение резервов. — 8. Моторизация и механизация современной армии. — 9. Танки. — 10. Современная пехота. — 11. Современная конница. — 12. Современная артиллерия. — Выводы.

1. В настоящее время военная мощь государства зависит не только от количества его населения и решительного стремления нации непреклонно бороться за свои права; не только от величины территории и выгодного соотношения между числом жителей и длиной границ. Она зависит в гораздо большей степени от быстроты и мощности мобилизации промышленности во время войны. Причиной этого является выявившийся в XX в. громадный прогресс техники, придавший современной национальной обороне своеобразный характер.

Это обстоятельство является невыгодным для всех государств, расположенных к востоку от Германии и Италии. Наоборот, Третья империя может достигнуть естественного перевеса над другими государствами с момента ее полного освобождения от пунктов Версальского договора, стесняющих свободу ее действий в военной области.

Таким образом, лишь предусмотрительная в политическом и военном отношении организация страны сможет удержать или вернуть равновесие между европейскими государствами.

Появление новых родов оружия — подводных лодок и авиации — решительно изменило прежнее соотношение военных потенциалов на старом континенте. Прошли те времена, когда безопасность Британской империи опиралась почти исключительно на морской военный флот (с момента полного разгрома в 1588 г. «Непобедимой армады» Англия приобрела господство на море). Великобритания, как это показал ход событий войны 1914—1918 гг., уже не находит в своем островном положении естественных и достаточно сильных элементов защиты, которые позволили бы ей избежать в будущем опасности нападения мощных воздушных флотов.

Таким образом, реорганизация национальной обороны вытекает из требований момента; она должна учитывать новые факторы, неизвестные до 1914 г. и не достигшие полноты своего развития во время мировой войны. Первое место среди них в настоящее время занимает проблема рационального количественного и качественного соотношения между сухопутными, морскими и воздушными силами. Не вдаваясь здесь в подробности, приведу в качестве примера, что воздушный флот, сжатый до сих пор в тесных рамках авиации, органически связанной с другими главными родами войск, в настоящее время освобождается от тех пут, которые его до сих пор стесняли.

Главные роды войск сухопутной армии должны быть реорганизованы в зависимости от роли, которую им намечают в современной войне. Людские контингенты должны быть распределены в современной армии не так, как это было в 1914 г. Не уменьшая в принципе роли и участия человека в войне, мы в настоящее время должны стремиться к лучшему и более целесообразному использованию его сил. Разумное ограничение пехоты при одновременном развитии коллективного вооружения, рост артиллерии, сокращение конницы и постепенная моторизация тактических единиц — вот, между прочим, важнейшие основы перемен, происходящих в этой области.

Рост в сухопутной армии автобронесил и частей противовоздушной обороны тоже не прекращается. Авиация, а также пехота и конница, стремятся, в свою очередь, к усилению своей самостоятельности: авиация — путем создания самостоятельных воздушных армий, пехота и конница — путем придачи им других родов войск и создания смешанных соединений.

Наблюдаются также определенные тенденции оснащать возможно обильнее боевые единицы новейшим вооружением. К этим тенденциям необходимо отнестись с большой осторожностью. Вообще этим, распространенным в настоящее время, стремлениям должен быть положен целесообразный предел, чтобы отдельные роды войск, используя всевозможные приданные им технические средства боя, не теряли своих основных черт, т. е. таких, которые решают целесообразность их существования и пользу в бою.

В то же время, каково бы ни было решение этой важной проблемы, оно всегда натолкнется на серьезное затруднение, заключающееся в техническом оснащении современных войск. Не подлежит сомнению, что в будущей войне будут пользоваться разнообразными и более обильными техническими средствами, чем это было прежде. Поэтому желательно располагать максимальными возможностями в этой области. Между тем современное вооружение стоит очень дорого, а потому финансовые соображения не всегда позволят накопить в складах необходимое количество технических средств и равномерно оснастить ими всю армию. Вследствие этого придется, быть может, вернуться к прежним традициям и формировать отборные части, лучше оснащенные и, таким образом, располагающие большей, чем другие, силой огня, большей подвижностью и значительно большей силой удара. Это будут ударные войска, предназначенные для трудных и исключительно важных операций.

В некоторых странах, — а именно в тех, которые располагают значительными укреплениями, — необходима будет дальнейшая дифференциация типовых штатов, по которым в будущем должны быть организованы крупные войсковые соединения: они должны иметь организацию, спе-

циально предназначенную для обслуживания укрепленных районов, в то время как другие войска должны быть организованы прежде всего с точки зрения их способности к маневру и передвижениям. Кроме того, большое значение имеет правильное решение вопроса о том, в какой степени полезно в настоящее время применять моторизацию и механизацию главных родов войск, как осуществить взаимодействие моторизованных частей с немоторизованными, как добиться максимального напряжения сил и боевой мощи соединений подобного рода путем правильного использования различных средств.

Рассматривая возможности всех тех перемен, которые вносятся в настоящее время в организацию вооруженных сил, а в будущем, несомненно, будут внесены еще в большей степени, мы должны остерегаться нездоровой погони за модными новинками. Снобизм, стремящийся к модернизации во что бы то ни стало, обычно обходится очень дорого. Свободные от преувеличенного, часто свойственного старым армиям консерватизма, легко перерождающегося в окостенелую рутину, тормозящую необходимый в XX в. прогресс в этой области, мы наряду с этим будем избегать слишком быстрых и вследствие этого убийственных для армии проектов и организационных изменений.

По существу своему армия является сложным и очень чувствительным организмом, который легко испортить, но трудно исправить. Легко можно разрушить ценности, которыми располагает армия в настоящее время, и не создать новых. Впрочем, достаточно было бы подорвать путем незрелых экспериментов веру солдат в существующую военную систему, чтобы она в случае войны стала бесполезной.

В 1880—1914 гг. тоже было много технических изобретений, чрезвычайно важных для характера приближавшейся войны. Создание автоматического и скорострельного оружия, значительное развитие артиллерии, по сравнению с которым артиллерия 1870 г. была примитивным оружием, большое развитие баллистики, введение телефона, радиотелеграфа и развитие автомобилизма — все это могло привести к полному перевороту в установившихся в то время принципах стратегии и тактики.

Безусловно, в XIX в. они подверглись значительным изменениям, однако, их основные принципы попрежнему остались неизменными. Мировая война привела к дальнейшей эволюции наших взглядов на способы ведения войны. Тем не менее, как это было правильно констатировано маршалом Фошем, она не опровергла основных положений, господствовавших в этой области до 1914 г.¹

Так же будет и впредь, откуда, впрочем, вовсе не вытекает, что наши современные взгляды на характер войны, а значит, и на организационные формы современных войск, не должны подвергнуться основательному пересмотру под влиянием растущего прогресса техники.

Так, например, можно считать несомненным, что одним из решающих боевых средств в будущем могут стать отравляющие вещества. Технические средства борьбы и, в первую очередь, возможность их массового применения на войне обусловили ряд мероприятий организационного порядка. Это относится к области противохимической обороны, которая должна быть организована по всей стране, а также к области организации и снабжения современной армии.

Индивидуальная противохимическая оборона до сих пор заключалась в применении противогазов и других фильтрующих аппаратов. Это средство может быть полезным лишь частично, так как оно защищает только дыхательные пути человека. Оно окажется недействительным в случае применения ОВ, поражающего все тело. Введение же обмундирования, защищающего бойца с головы до ног, стеснит его движения и плохо отразится на боеспособности пехотинца, что небезразлично с точки зрения использования оснащения войск.

Единственными родами войск, относительно которых химическая атака мало действительна, являются самолеты и танки: первые защищаются от этой опасности, поднимаясь выше зоны действия химических средств боя; вторые достигают той же цели, применяя герметическое закрытие и пользуясь сжатым воздухом и кислородом, вырабатываемым внутри танка. В ответ на опасность химической войны сле-

¹ Маршал Фердинанд Фош, Принципы военного искусства.

довало бы, таким образом, в первую очередь, развернуть и применить эти два новых рода войск.

Организация современной армии зависит также в значительной степени от факторов политического порядка. Их внешним выражением являются попытки подразделить оружие на оружие специально оборонительного характера и так называемое наступательное оружие. Эта дифференциация в гораздо большей степени отвечает ничем не обоснованной и являющейся чистой теорией идеологии, чем действительному положению вещей. Армия является в одинаковой степени как орудием обороны, так и орудием нападения. Если даже цели военных действий могут быть различными, орудие, которым армия пользуется, остается неизменным. Однако, формирование войск может пойти по ложному пути, если мы согласимся с этими псевдотехническими взглядами.

Не подлежит никакому сомнению, что армии, систематически подготовляемые и организуемые для удара и нападения, как это делают некоторые государства, несмотря на существующие международные соглашения, обеспечили бы нападающему решительный перевес над государством, военная система которого заключается в пассивной обороне. Хотя между наступательной и оборонительной войнами существует большая моральная разница, но с технической точки зрения не должно быть никакой дифференциации между противостоящими друг другу армиями, если мы не желаем отдать в руки противника козырь первостепенной важности. В этом случае чисто оборонительная организация поставила бы применившую ее нацию в очень невыгодное положение, что сильно проявилось бы в первоначальный период конфликта и привело бы к весьма кровавым потерям.

Так называемое оборонительное военное устройство государства может стать действительным лишь в случае сокрушительного перевеса вооруженных сил атакующей страны. В подобном положении могла бы, например, очутиться Германия, если бы она, будучи проникнутой мирным духом и располагая мощными средствами обороны, подверглась нападению значительно более слабой и изолированной Австрии.

Военные приготовления исключительно оборонительно-го характера часто ведут к формализму, являющемуся маской, прикрывающей действительные мероприятия и намерения. Если же с технической точки зрения они действительно имеют такой характер, то они окажутся недостаточными, когда наступит война. Чисто оборонительная организация современной армии не соответствует реальным требованиям будущей войны, а отвечает лишь пацифистским стремлениям, породившим концепции подобного рода.

Несмотря на эти оговорки, нельзя не принять во внимание то влияние, которое оказывают подобные псевдотехнические тенденции. Они, безусловно, способствуют постепенному сокращению срока военной службы, уменьшению численности армии мирного времени, а также исключению так называемого наступательного оружия, что должно якобы лишить армию наступательного характера. Они гипнотизируют пацифистов, которые недооценивают технических нужд национальной обороны, а наивное, хотя и обоснованное, отвращение пацифистов к войне может быть трагически использовано путем лишения наций, находящихся под их влиянием, необходимых в случае опасности средств обороны.

Влияния подобного рода очень вредны. В политическом отношении следует стремиться к созданию единого фронта мирно настроенных наций, располагающих военной готовностью, организованной по одному и тому же плану. Это ограничивало бы разнообразие и количество военных средств каждого союзного государства и позволило бы союзу навязать мир всему миру. Союз в целом располагал бы силой, дающей ему несомненный перевес.

Система подобного рода, могущая вначале объединить все или большинство стран прежней коалиции, не исключая, впрочем, ничьих кандидатур, привела бы со временем к серьезному сокращению военных расходов, лишая каждого члена в отдельности возможности нападать на другого члена союза.

Этим путем можно было бы также безо всякого риска достигнуть постепенного ограничения вооружений. Однако, с какой бы точки зрения мы ни рассматривали этот проект, не подлежит сомнению, что он политически незрелый.

Отсюда несомненный вывод, что при современной международной обстановке армия чисто оборонительного характера, т. е., по женеvской терминологии, «армия разоружения», навязанная лишь некоторым нациям, не отвечала бы вовсе тем требованиям, которые перед ней поставит современная война.

* * *

2. Несмотря на большое значение, которое мы придаем вооружению, его наличия недостаточно, чтобы гарантировать современной обороне полную эффективность. Для достижения этой цели необходимо также осуществить глубокое моральное единство армии и нации, что является одной из главнейших задач постоянной армии в мирное время. В противном случае громадные опустошения, наносимые столь разрушительными средствами, как отравляющие вещества, вызвали бы среди недостаточно подготовленного гражданского населения панику, парализуя его оборонительную активность. С другой стороны, на настроение армии оказывает решающее влияние настроение нации. Еще Тэн заметил, что: «Все причины, вызывающие разложение нации, разлагают также и ее армию». Прошли бесспорно те времена, когда профессиональные армии могли существовать вне нации.

Военное воспитание гражданина страны является, таким образом, одной из главных задач постоянной армии. При современных тенденциях, направленных к сокращению срока военной службы и противопоставляющихся непрерывному развитию техники, которое все увеличивает область обучения солдат,— эта проблема столь же трудна, как и сложна.

Военная подготовка граждан специалистами-инструкторами достигнет лучших и более основательных результатов, если она станет задачей кадровых военных единиц, а не отдельных, независимых от постоянной армии школ и центров подготовки. Этого требуют технические, а также и моральные соображения, без которых не может обойтись ни одна армия. Рационально подготовить солдат и выработать в них чувство коллективной дисциплины, являющейся скорее производным, чем источником моральной военной силы, можно лишь в частях, имеющих свои традиции, бы-

стро ассимилирующих молодых рекрут и сплывающих их в одно целое путем воспитания в них поклонения общему знамени.

Не следует забывать, что именно Наполеон, умевший требовать от своих солдат максимума усилий, был автором формулы, которая не устарела и до сих пор: «На войне моральная сила так относится к физической, как 3 к 1».

Понятно, что войсковые части мирного времени тем лучше выполняют свою воспитательную задачу, а создаваемые резервы будут тем более многочисленны и лучше подготовлены, чем многочисленнее постоянная армия мирного времени и чем надежнее и опытнее будет состав профессиональных инструкторов.

Это относится и к выполнению другой задачи, возложенной в мирное время в ряде стран на постоянную армию, — к обеспечению внутреннего порядка в стране.

Задачей армии является оборона страны. Использование солдат для поддержания общественного порядка отнюдь нежелательно со всех точек зрения. Это отрывает их от непосредственных задач, вносит суматоху в жизнь частей, вызывает непродуктивную потерю времени, а при партийном правительстве, пользуясь армией для защиты захваченной власти, разлагает армию. Кроме того, это возбуждает среди населения отрицательное отношение к солдатскому мундиру и укрепляет среди него опасные для национальной обороны антимилицаристские течения.

Поэтому неудивительно, что все современные армии упорно отказываются от обязанностей подобного рода и не претендуют на роль, которая была за ними признана в прошлом. Эти обязанности, входящие в компетенцию министра внутренних дел, должна целиком взять на себя государственная полиция, организованная по военному образцу и оснащенная должным образом. Германская «Шуцполицией» является трудно достижимым образцом подобной организации. Во Франции эти обязанности выполняет областная жандармерия, усиленная в последнее время подвижными частями национальной гвардии. Однако, и при такой организации наступают моменты, когда полицейские формирования не могут овладеть положением. Призывание в подобных исключительных моментах на помощь мало

подготовленных солдат, стягивание к месту многолюдных демонстраций значительных единиц слабо подготовленной конницы, пехоты и артиллерии — является военной и политической глупостью. Для умирения массовых беспорядков более пригодны хотя и мелкие, но сплоченные отряды, состоящие из подготовленных и уравновешенных людей, не теряющихся по всякому поводу. Молодые и слабо обученные солдаты либо теряют голову и позволяют толпе разоружить себя, что имело место во время краковских беспорядков 1923 г., либо производят настоящую резню, как было в ноябре 1932 г. в Женеве при использовании швейцарской милиции для подавления беспорядков.

* * *

3. Как на фоне этой организации выглядят задачи, ожидающие армию в случае войны?

В первую очередь, к ним относятся: организация прикрытия границ государства, поглощение запасных и активное участие в переводе страны на военное положение.

Задача прикрытия заключается в сохранении неприкосновенности территории государства, обеспечении мобилизации и сосредоточении собственной армии. С военной точки зрения, переход через границу мелких частей противника не имеет большого значения, если подобные налеты могут быть немедленно ликвидированы. Однако, принимая во внимание настроение населения и опасность потери административными органами и правительством необходимого спокойствия, безусловно, следовало бы этого избегать. Допущение же на свою территорию более значительных частей противника должно быть совершенно преграждено, так как они могут угрожающим образом затормозить нормальный ход мобилизации и вызвать замешательство в стране.

Как правило, прикрытие группирует в угрожаемом месте в наиболее короткий срок боевые единицы в таком количестве, чтобы преградить путь войскам предполагаемого противника. Кроме того, прикрытие должно, по возможности, вынудить противника к развертыванию сил и обнаружению своих намерений, а также занять местность, необходимую для последующих операций. Воздушная оборона

территории страны в целом не входит в область специальных задач прикрытия. Тем не менее прикрывающие части должны располагать противовоздушными формированиями, активно взаимодействующими с ними в обороне угрожаемых районов. Организуя прикрытие страны, мы используем в будущем быстроту и гибкость маневра, которые нам даст моторизация современных войск, допускающая возможность продвижения частей на местности без дорог. Хорошо снабженные перевозочными средствами и средствами связи, эти войска должны быть хорошо подготовлены в техническом отношении. Сильные воздушные формирования и специальные автобронечасты, приданные прикрывающим единицам, значительно облегчат выполнение их важной роли.

Прикрытие, кроме исключительных случаев, не может рассматриваться как отдельное целое, вне зависимости от всей военной системы. Его задачи вытекают из гражданской и военной организации обороны страны и являются составной частью общего мобилизационного плана; они входят в состав оборонительной системы государства.

Задачи прикрытия могут быть возложены на части, которые будут пополняться до штатов военного времени запасными, призванными в армию по местной мобилизации (продолжающейся, по возможности, несколько часов). Кроме того, они будут иметь специальную подготовку. Некоторые из этих частей могут уже в мирное время находиться на своих местах и быть в состоянии боевой готовности, т. е. иметь усиленные штаты; примером этого являются корпуса красной конницы Советской России. Более логичным надо считать формирование для этой цели пограничных отрядов на месте при одновременном сохранении в своих руках отборных активных войск для маневренной войны. Это сделано в Германии, где существуют специальные части пограничной охраны (Grenzschutz). Однако, часто опасность внезапного нападения приводит к тому, что прикрывающие части заранее располагаются на определенных направлениях¹.

¹ Например, во Франции те из 20 военных округов, на долю которых выпадает задача прикрытия, располагают тактическими единицами, численный состав которых почти равен составу во-

В этом отношении идеальным современным прикрытием, при минимальном личном составе, является система долговременных укреплений. Располагая мощными средствами огня наряду со значительно укрепленным пространством и многочисленными убежищами, а также соответствующей сетью подземного сообщения и связи, эта система не допустит нарушения границ государства, если будет способна к их обороне по первому сигналу тревоги. В случае же прорыва этих укреплений в каком бы то ни было месте должны быстро прийти на помощь, чтобы восстановить нарушенную непрерывность фронта, подвижные резервы, в состав которых должны входить моторизованные тактические единицы, эшелонированные соответствующим образом в глубину.

Постройка укреплений подобного рода является трудной задачей. Во всяком случае государства, военный бюджет которых ограничен, будут вынуждены заменить их специальными войсками, — как, например, частями пограничной охраны в Германии или корпусами пограничной охраны, существующими в различных формах в Польше и в Советской России. Этим частям придется играть вспомогательную роль в прикрытии границ. Надо отметить, что формирования подобного рода не везде вытекают из одинаковых стремлений. Ясно, что в Германии этот метод не является лишь последствием бюджетных затруднений. Он, скорее, вытекает из решения держать наготове рейхсвер, организованный и обученный под углом зрения наступательной войны и стремящийся к молниеносному разгрому противника.

* * *

4. Каждая, даже наиболее целесообразно организованная и методически проведенная мобилизация увеличивает численность сокращенной в мирное время до минимальных размеров действующей армии путем включения в нее запасных, недостаточно подготовленных и физически гораздо менее крепких. Во избежание вытекающих отсюда от-

енного времени. На территории французской метрополии находятся, кроме того, войска, отличающиеся значительной подвижностью, постоянно готовые к действию и состоящие из североафриканских и колониальных контингентов.

рицательных последствий, заключающих в себе опасность серьезного немедленного уменьшения боеспособности армии, почти все государства имели до 1914 г. отборные корпуса, хотя определение отборных войск еще не было тогда официальным и их мобилизация в основном не отличалась от других частей. Они были предназначены для ведения более трудных операций. Части подобного рода существовали во Франции в виде войск прикрытия и африканских частей. В Германии к ним принадлежал 3-й бранденбургский корпус и гвардейские полки, в Англии — королевская гвардия, Highlanders (шотландские горцы) и регулярная армия вообще.

Правда, по мере того как продолжалась война, разница между отборными и обыкновенными частями постепенно уменьшалась, и со временем боеспособность их выравнивалась. Тем не менее, создание отборных частей оказалось необходимым на всех фронтах: сначала были созданы штурмовые батальоны, затем полки и даже дивизии. Это дает нам характерные и поучительные указания для будущего.

Действительно, при большом богатстве современного вооружения, сокращенном сроке службы в мирное время и незначительной пропорции частей постоянной армии в мобилизованных войсках следует опасаться, что средние по качеству боевые единицы, вполне пригодные для действий в нормальных условиях, не будут достаточно крепки, чтобы выдержать исключительно тяжелые испытания. Могут ли они, например, считаться вполне надежными в момент стремительных атак начального периода или в случае удара механизированных частей на укрепленные зоны, или же, наконец, во время наступления с маневрированием в открытом поле? В этом отнюдь нельзя быть уверенным, особенно в первый период военных действий.

Эти задачи будут должным образом выполняться лишь основательно подготовленными войсками, отличающимися испытанными внутренними качествами и высоким моральным уровнем. Современный бой будет требовать от солдата гораздо большего мужества и боевой готовности, чем когда-либо раньше, а также возложения командования на хорошо обученных и опытных командиров. Механизированные

роды войск, авиация и танки должны располагать для выполнения ожидающих их на войне задач обученным персоналом. С другой стороны, содержание сложного военного оборудования тоже требует соответственно подготовленных техников.

Отборные солдаты так же, как и профессиональные, и техники должны быть тщательно подобраны, чтобы затем пройти через отборные части. Их можно подбирать из числа обычных новобранцев при условии, что их подготовка будет продолжительнее и глубже. Короче — в будущем профессиональные солдаты составят как бы рамки для массы новобранцев и запасных. Таким образом, профессиональные солдаты начинают приобретать в новейшее время то значение, которое они начали было терять в конце XIX в. Их число, в общем, должно быть значительно; пропорционально численность их в мобилизационных единицах не всегда будет одинакова: в частях, предназначенных для выполнения первостепенных задач во время войны, их будет значительно больше, чем в обычных частях, хотя и там их должен быть достаточный процент.

Таким образом, базируя оборону государства на всеобщей мобилизации населения, поневоле недостаточно хорошо обученного во время обязательной военной службы и на повторных сборах запасных, мы должны наряду с этим предусмотреть необходимость создания отборных единиц. Подобного рода отборные войска будут созданы в будущем, с одной стороны, посредством увеличения вдвое и втрое некоторых кадровых частей путем включения в них молодых, хорошо обученных и отличающихся своим моральным духом элементов, а с другой стороны, путем усиления кадров некоторых родов войск, основывая их пополнения на долгосрочной добровольной службе¹.

¹ Например в Италии в 1926 г. были созданы специальные батальоны фашистской милиции. В 1928 г. Муссолини сказал: «Милиция будет бороться плечом к плечу с постоянной армией с помощью своих батальонов, включенных в крупные соединения. Я уверен, что эти батальоны вполне заслужат эту высшую честь, готовясь уже в настоящее время к роли ударных батальонов. Их целью будет продолжение воинственных традиций упорства и ожесточения — с ножом в зубах, с бомбами

Некоторые из теоретиков пошли даже дальше в своих взглядах на роль профессиональных военных и настаивали на необходимости возвращения к профессиональной армии. Это — англо-саксонская концепция. Однако, подобные образцы были созданы также и в Средней Европе. Были также попытки направить по этому пути разоружение наций.

Если бы все армии на континенте были организованы по одной и той же системе и существовали в сокращенном виде, тип профессиональной армии, состоящей из отборных единиц, получил бы, по всей вероятности, перевес над системой, опирающейся на принцип вооруженного народа. Для решения поставленной, таким образом, проблемы было бы даже достаточно, чтобы, как это было ранее указано, некоторая группа государств, достаточно сильная, чтобы навязать мир другим, договорилась между собой о качестве и количестве вооруженных сил отдельных государств, входящих в ее состав, что исключило бы возможность нападений внутри этой группы.

Впрочем, этот проект в гораздо большей степени относится к политике, чем к военной технике.

Независимо от решения рассмотренной выше проблемы в этом духе сторонники новых теорий утверждают, что в результате мощности современного вооружения система профессиональных войск, дополненная национальной армией, повидимому, уже доминирует в настоящее время над другими. Чрезвычайно тяжелая задача мобилизации и содержания огромных человеческих масс, столь же многочисленных, как и в конце войны 1914—1918 гг., когда на Западном фронте воевало около 16 млн. солдат, повидимому, оправдывает подобный взгляд¹.

в руке и с гордым презрением к опасности в сердце». В действительности фашистская милиция будет в первых рядах защищать существующий в Италии строй. Однако, моральные качества этих батальонов могут их выдвинуть во время войны на передовые места в действующей армии.

¹ Эти цифры станут нам понятными, если мы вспомним, что Наполеон в сражении под Аустерлицем располагал 90 000 солдат, что «великая армия» в 1812 г., перейдя Неман, имела численность 462 000 чел., что под Лейпцигом принимали участие в «битве народов» 772 000 солдат и что в 1870 г. Германия выставила громадную по тем временам полумиллионную армию.

Количество материала, использованного гигантскими армиями мировой войны, достигло астрономических чисел. Боевые фронты того времени были растянуты на сотни километров, свидетельствуя о том, до какой степени выросли со времен Наполеона массы, принимающие непосредственное участие в бою. Руководство операциями при столь многочисленных войсках, обильно снабженных военным снаряжением, становилось почти неразрешимой проблемой.

Поэтому ген. Сект, как бы под влиянием реакции, идя, впрочем, старым путем, искал решения загадки будущей войны во внезапном и сокрушительном наступлении, предпринятом немногочисленными, но прекрасно снабженными войсками специалистов¹. Англичане, армия которых всегда была немногочисленной профессиональной армией, повидимому, признали «механизированный бой» образцом будущих боев. В Италии вначале победила теория ген. Дуэ, заключающаяся в поисках решения войны при помощи отборной армии, которой должен быть воздушный флот, причем роль последнего в будущей войне будет решающей. Подобные теории подтверждаются чрезвычайно наглядными примерами прошлого. Под руководством Александра Великого, как это заметил Клаузевиц, немногочисленные, но хорошо обученные отряды, разбивали миллионные армии противника и «рассыпали в прах прогнившие здания азиатских государств». Густав Адольф, Карл XII и Фридрих Великий с успехом пользовались небольшими, но отборными армиями. Это — еще один довод, как утверждают некоторые теоретики, в пользу указанной теории, тем более, что в современных условиях армии этого типа будут иметь сокрушительный перевес над слабо сколоченными, менее обученными и недостаточно снабженными армиями, организованными по принципу вооруженного народа.

Если же подумать о бешеном росте расходов, которых требует современное вооружение (бомбардировщик новейшего типа стоит почти столько же, сколько вооружение винтовками и пулеметами современного пехотного полка; отряд же, состоящий из 12 танков, требует затрат, доста-

¹ Этот взгляд, как уже указано, был навязан Германии Версальским договором. Ген. Сект пытался извлечь из него максимум пользы.

точных для нормального вооружения пехотной дивизии), то можно поверить, что этот тезис исходит из предпосылок, вполне заслуживающих внимания.

В пользу этой военной системы говорят также технические соображения. Тыловые формирования, целью которых являются снабжение и поддержка моторизованных частей, находящихся в движении, быстро перерастают размеры боевых единиц, которые они обслуживают. Кроме того, громадный тоннаж боеприпасов, необходимых во время боя для автоматического оружия и скорострельной артиллерии, и многократный рост всевозможнейших потребностей указывают, что службы снабжения и перевозок разрастутся в будущем до небывалых прежде размеров.

Эти два соображения должны затормозить дальнейший рост по-современному оснащенных армий, устанавливая для этого роста известный предел. Уже первое из них по необходимости вызывает кризис сравнительно больших и обильно оснащенных техническими средствами борьбы армий. Эти последние настолько дороги, что даже очень богатые государства не в состоянии накопить в складах достаточное количество технического материала, необходимого во время войны. С другой стороны, сохранение современного военного снаряжения на уровне растущего прогресса, требующего постоянного возобновления и пополнения вооружения частей действующей армии, а также создания и пополнения мобилизационных складов, хотя бы в ограниченных размерах, является задачей, превосходящей финансовые и экономические возможности многих стран.

В будущем этот кризис армий углубится, а перечисленные соображения могут привести к тому, что при дальнейшем развитии военной техники малые армии высокого качества станут необходимостью. Однако, преувеличенная вера некоторых сторонников этой системы в ее доминирующие качества и легкомысленное презрение к могуществу количества могут привести к самым худшим результатам.

В настоящее время обязательным условием применения этой системы, подвергшейся резкой критике пацифистов вследствие ее наступательного характера, является ее абсолютная всеобщность. Будучи применена односторонне,

она может в момент возникновения войны столкнуться с армией, организованной на гораздо более широких основаниях, и привести к полному провалу.

Армия, организованная по этому образцу, неспособная к занятию территории противника, проявила бы свою слабость в оперативном отношении, если бы не решила войны первым внезапным ударом. Ведь, моторизованные и механизированные части изнашиваются в бою очень быстро — в геометрической прогрессии по отношению ко времени их использования. Их сила слабеет по мере продолжения боя и по мере углубления радиуса их действия. Уязвимость их флангов и тылов тем больше, чем более растянуты колонны сопровождающих их служб. В то же время моторизованные и механизированные части находятся в гораздо большей, чем другие войска, зависимости от собственных тыловых органов. Будучи окружены превосходящими их, хотя бы и хуже снабженными в материальном отношении, силами, они сдадут, — понятно, если разница в вооружении и обучении обоих противников не будет слишком значительной, т. е. если отборные войска не встретят масс, которые явятся лишь «пушечным мясом» в полном смысле этого слова.

Подобная возможность приводит к тому, что этот в принципе интересный эксперимент с малыми профессиональными армиями на практике становится сомнительным, в особенности, если национальные войны, действительно, превратятся в расовые. Идея организации всей нации для борьбы, наряду с существованием профессиональных армий, вполне отвечает духу захватнических и воинственных рас, стремящихся к полному уничтожению противника. Даже ген. Сект, столь ревностный сторонник отборных войск с небольшим личным составом, был вынужден изменить свой взгляд и теперь считает, что профессиональная армия, опирающаяся на долгосрочную добровольную службу, должна быть пополнена национальной армией, организованной на основе всеобщей обязательной военной службы, продолжающейся несколько месяцев.

По этим измененным взглядам, профессиональная армия может быть готова к действию очень быстро даже без проведения мобилизации. Предназначенная для активных опе-

раций и, как правило, освобожденная от обязанности прикрытия, она сможет располагать всеми средствами передвижения, которые обеспечат ей значительную способность к быстрому маневру. В ее состав войдут части всех родов войск, а также все службы, так что в первые недели войны она сможет действовать вполне самостоятельно.

Выделенные профессиональной армией отборные кадры будут обучать контингенты новобранцев, составляющих национальную армию в виде так называемых «частей обороны страны». Подготовка национальной армии гораздо меньше по объему, чем подготовка профессиональной армии, и является как бы углублением вневойсковой подготовки молодежи. В случае войны, отборная профессиональная армия будет искать решения в виде внезапного и сокрушительного удара, в то время как прикрытие границ падет на долю, прежде всего, национальной армии. Кроме того, она должна выполнять второстепенные задачи до того момента, когда выравнивание уровня подготовки обеих армий позволит их соединить в одно целое.

Система подобного рода, помимо вызываемого ею значительного роста расходов, имеет ряд серьезных технических недостатков, которые были в свое время указаны ген. Дебенеи¹. Массовое использование профессиональных солдат в отборных частях поневоле ограничивает их число в резервных частях и в так называемых «частях обороны страны». Окончательное отделение профессиональной армии от милиционной вынудит бросить лучшие силы в первую голову, что значительно понизит устойчивость и сплоченность мобилизуемых частей. Лишь неограниченные организационные военные возможности могут избавить от последствий подобного рода. Так, например, тот риск, которому подвергается СССР, применяющий эту систему с довольно значительными изменениями, может быть до некоторой степени уравновешен преимуществами, которые дают огромные размеры Советского союза.

Сверх особой профессиональной армии при такой системе должен существовать специальный корпус инструкторов,

¹ Gén. Debeney, «Revue de Deux Mondes», 1932.

имеющий целью обучение новобранцев, который может легко поддаться окостенению и рутине.

Кроме того, определенная двойственность офицерского и унтерофицерского состава, вызванная созданием войск двух категорий, тоже имеет свои отрицательные стороны. Необходимость формирования новых резервных частей в профессиональной армии в случае длительности войны со временем приведет к значительному ухудшению качества профессиональной армии, а в случае более значительных потерь — и к постепенному ее исчезновению, если не будет возможности быстрого ее пополнения. Короче, при наличии армий двух категорий — отборной и милиционной — первая быстро потеряет свои исключительные качества, в то время как вторая в тот же промежуток времени не успеет их приобрести.

Вследствие этого рекомендуемая ген. Сектом двойственная система не оправдывает себя, так как она пользуется двумя слишком крайними принципами и лишена возможности применения, в случае войны, здравого компромисса между качеством армии и необходимым и в будущем ее количеством.

Вместе с этой системой в современных условиях отпадает идея немногочисленной высококачественной профессиональной армии как исключительного оплота обороны страны.

* * *

5. Под милиционной армией следует понимать непостоянную армию, состоящую из граждан-солдат, обязанных нести военную службу в течение очень короткого срока. Подобная армия почти совсем лишена профессионального элемента. Что касается роли милиции, то все ее теоретики считали, что главной ее задачей является оборона, но вместе с тем она должна быть способной и к наступлению. По этому именно пути пошло вначале советское правительство, когда декретом от 22 апреля 1918 г. ввело обязательную вневойсковую подготовку трудящихся масс.

Однако, опыт привел к тому, что милиционная система, рекомендуемая Фрунзе в его труде «Регулярная армия и милиция», стала в России дополнением мощной кадровой

армии. Не имея возможности обучать больше 270 000 призывников из числа 900 000, имеющих ежегодно в распоряжении, и не желая уменьшить срок военной службы до 1 года, советское правительство установило законом от 18 сентября 1925 г. смешанную военную систему. На основании этого закона наряду с 560 000 чел. действующей армии в СССР была создана территориальная армия, считающаяся милиционной. Однако, и в этой армии срок обязательной службы довольно большой: для пехоты и артиллерии он составляет 12 месяцев, а для конницы и специальных частей — 9 месяцев.

Срок службы в территориальной армии, в общем, составляет 5 лет, причем в периоды между сборами бойцы переменного состава территориальных частей находятся вне службы. Новый закон, а также декрет от 8 августа 1923 г. придают особое значение допризывной и вневойсковой подготовке трудящихся масс, являющейся необходимым условием милиционной системы. Допризывная подготовка продолжается в СССР 2 года, причем ее программа охватывает 280 часов. Таким образом, советская территориальная армия, в сущности, не может рассматриваться как милиционная армия в полном смысле этого слова.

Классическим образцом милиционной армии является швейцарская армия. Военная система Швейцарии приближается, — подобно всеобщему ополчению, существовавшему некогда в Польше, — к такому устройству, на основании которого оборона государства строится исключительно на массовом призыве граждан под оружие в момент опасности. В Швейцарии существует обязательная военная служба, в среднем, в течение 4 месяцев; постоянной армии там вовсе нет. Швейцарская милиция не располагает военными кадрами, так как ее ничтожные основные кадры состоят приблизительно из 150 офицеров и 100 унтерофицеров. Общее руководство подготовкой призывников, проводимой в школах, а также в частях, создаваемых во время кратковременных сборов, находится в их руках, но командование сосредоточивается исключительно в руках офицеров резерва, т. е. милиционных. Поэтому неудивительно, что подготовка швейцарской армии (около 250 000 чел. по штатам военного времени) далека от тех требований, которые

предъявляет будущая война. Это — факт, несмотря на то, что каждый швейцарец является отличным стрелком, а высокий промышленный уровень страны благоприятствует подготовке необходимых в будущем вооруженном конфликте специалистов. Идеальные условия местности, выгодное политическое положение Швейцарии и любовь населения к военному делу создают особенно благоприятные предпосылки для развития здесь милиционной системы. В 1914 г. милиционная система, безусловно, была основой сопротивляемости, заслуживающей серьезной оценки,—и хотя Швейцария не была втянута в практический экзамен на поле боя, тем не менее милиционная система была одной из действительных причин (наряду со сведениями о сосредоточении французских войск в районе Бельфора), вследствие которых Германия не решилась напасть на Швейцарию.

Соответствует ли, однако, организация подобного рода тем задачам, которые ее ожидают в будущей войне?

Доклад главнокомандующего швейцарской армией, ген. Вилле, в послевоенный период союзному совету выражает категорическое мнение по этому вопросу. Слабая связь между войсками и командованием, недостаточная подготовка милиционных офицеров, которые, наряду с ложным чувством преувеличенной независимости, вовсе не имели необходимого на войне духа, инициативы и здорового сознания собственного достоинства, — вот ее главные недостатки. По мнению ген. Вилле, милиционные офицеры, неплохо подготовленные теоретически, не имели опыта командования, что является результатом школьной системы военной подготовки. Вследствие этого они неуверенно руководили своими частями. С другой стороны, части не чувствовали над собой руководства опытного и решительного командира. Эти замечания имеют равную силу для всех организаций этого типа. Армия, сформированная и руководимая по этому методу, противопоставит в будущей войне своему противнику недостаточно сплоченную массу, неспособную к маневренной войне. Эту массу без особого труда рассеют войска, организованные и обученные более основательно и располагающие современным вооружением.

Таким образом, в современных условиях милиция, как это признают и самые ярые сторонники принципов Жоре-

са по этому вопросу, может быть лишь лозунгом и программой будущего. В настоящее же время государство, которое в основу своей национальной обороны положит милиционную систему, станет во время войны добычей любого врага, так как милиционная армия не в состоянии отразить внезапное нападение и, вследствие своей слабой подготовки, не сумеет использовать современные средства боя.

Кроме того, милиционная система требует еще в гораздо большей степени, чем немногочисленная и стоящая вне общества профессиональная армия, одновременного, лойяльного и всеобщего применения всеми государствами. Но и тогда нации, обладающие врожденным воинственным духом, молодежь которых воинственна по натуре, будут иметь значительный перевес над нациями, питающими по своему характеру и традиции пацифистские настроения. Кроме того, необходимость создания вооруженной силы в момент возникновения войны обеспечит при такой системе громадные преимущества большим и мощным странам, а также странам, располагающим высоким военным потенциалом.

* * *

6. Чтобы отклонить опасность нападения, т. е. нейтрализовать вообще угрозу войны, национальная оборона должна опираться в настоящее время на постоянную действующую армию, способную в случае мобилизации организационно охватить всю массу населения страны. Ее костяк будут составлять солидные и стоящие на высоте своих задач профессиональные кадры, а орудием ее будут контингенты призывников, привлекаемых ежегодно в действующие части на основании закона о всеобщей, равной и обязательной военной службе.

Эта всеобщая обязательная военная служба, которая в свое время строила систему обороны государства на совершенно новых основах, против которой в настоящее время столь остро выступают некоторые демократические круги, была создана во Франции после 4-летнего хаоса Великой революции. Обязанность всеобщей военной службы в свое время реорганизовала оборону государства на совершенно новых началах. Ей предшествовал массовый призыв под оружие граждан, провозглашенный 23 августа 1793 г. па-

рижским конвентом, в исключительном порядке, вследствие нашествия неприятеля. Ее узаконила директория в декрете, изданном 5 сентября 1798 г. Однако, лишь в наполеоновские времена эта обязанность стала фактически законом и приобрела принудительный характер.

Эта система была разработана и стала обязательной для всех граждан Пруссии, разгром которой Наполеоном дал Шарнгорсту толчок к созданию на основании этого закона новой армии. Вызванная этим перестройка прусской армии стала основой ее силы, проявленной Пруссией с большим размахом во время ее освободительной борьбы в наполеоновский период. Добровольная военная служба была ограничена до минимума, необходимого для создания интеллектуальной верхушки армии. Вместе с тем был вновь введен утерянный с течением веков столь здравый и демократический принцип, на основании которого каждый гражданин обязан защищать границы своего государства. Таким образом, вместо профессиональных армий были созданы так называемые национальные армии, включавшие в свои ряды громадные массы граждан. Это нововведение, которое коренным образом изменило характер войн XIX в., способствовало также глубокой эволюции государственного устройства тех стран, которые его применили. Равная для всех обязанность активной обороны отечества в значительной степени содействовала демократизации и объединению западных государств.

Кроме содержания действующей армии, гарантирующей безопасность страны, эта система дает также преимущества в подготовке достаточно многочисленных и хорошо обученных резервов.

В настоящее время постоянные армии составляют от $\frac{1}{100}$ до $\frac{1}{50}$ населения государства¹.

Во время войны можно мобилизовать около $\frac{1}{8}$ населения. Эта возможность приводит к соотношению постоянной армии к резервам, как 1 к 5.

Из этой пропорции вытекает, что действующая армия в мобилизационный период будет разбавлена волной массо-

¹ Отношение 100-тысячного рейхсвера к 65-миллионной германской нации было бы исключением из этого правила, если бы оно соответствовало истинному положению вещей.

вого притока запасных и не будет способна к выполнению ожидающих ее в современной войне задач, если ее резервы не будут надлежащим образом обучены.

Таким образом, подготовка резервов является одной из основных задач современной военной организации. Ее проведение требует времени. Вполне понятно, что для установления срока обязательной военной службы не следует руководствоваться нормами последней мировой войны, когда часто возникала необходимость преждевременной отправки на фронт призывников. Впрочем, призывники, обучавшиеся в тылу в условиях, дававших возможность проведения интенсивной инструкторской работы, и затем по мере возможности высланные на спокойные участки фронта, постепенно приобретали необходимые знания под влиянием старых и опытных солдат. Преждевременное же использование молодых призывников, в особенности в маневренной войне и в наступлении, — чем рискнул Фалькенгайн в октябре 1914 г. во Фландрии, где был уничтожен цвет германской молодежи, — всегда ведет к самым худшим последствиям.

С другой стороны, профессиональная подготовка бойца современной армии должна быть самым решительным образом подчинена требованиям войны, основанной на маневре и движении. Армии, способные к наступлению, будут способны также и к обороне. Это утверждение не имеет обратной силы. Таким образом, маневренная война, гораздо более трудная, чем позиционная, требует от рядового такого уровня подготовки, для достижения которого до 1914 г. требовалось не менее 2 лет, а в общем 3 года. Между тем, эта проблема в тот период была гораздо проще, чем теперь. Не следует забывать, что вооружение стрелка состояло и в то время из магазинной винтовки и штыка. Пулеметы были редкостью. Танков не было вовсе. Авиация делала свои первые шаги, причем до 1914 г. даже не существовало проблемы обучения пехоты, артиллерии и конницы взаимодействию с авиацией. Проблема же поддержания связи между отдельными родами войск рассматривалась огульно. Лишь во время мировой войны пришлось наспех импровизировать оборонительные средства против авиации и ОБ.

Значительное насыщение современных армий автоматическим оружием всех видов: колоссальное развитие артиллерии и автобронесил, появление танков и авиации, небывалое развитие всех технических средств, необходимость подготовки современной армии к химической войне и умелому взаимодействию с авиацией — все это вполне объясняет необходимость более продолжительного срока военной службы.

Между тем, в большинстве государств не представляется возможным восстановить или во всяком случае сохранить на более продолжительное время двухгодичный срок службы. Лица, руководящие обороной страны, должны считаться с этим не зависящим от их воли фактором и предусматривать необходимость введения минимального, но твердо установленного срока действительной военной службы. В противном случае армия мирного времени будет подвержена постоянным колебаниям и потрясениям, столь вредно отражающимся на ее работе.

Впрочем, профилактическая политика подобного рода поможет нам избежать в будущем отрицательных последствий периодически повторяющегося и неподготовленного соответствующими мероприятиями сокращения срока действительной военной службы. Это сокращение, повидимому, неизбежно наступит всюду вследствие причин политического, экономического, финансового и общественного порядка. Во избежание отрицательных последствий этого факта необходимо, в первую очередь, чтобы действующая армия располагала достаточно сильными и отборными профессиональными кадрами, которые должны быть тем сильнее и тем лучше подготовлены к своей трудной задаче, чем меньше срок службы, т. е. чем более интенсивной и методичной должна быть работа по его подготовке.

Существующие программы обучения призывников должны подвергнуться коренной и целесообразной переработке. Об универсальной подготовке рядовых не может быть и речи. Слишком упорное стремление в этом направлении неизбежно приведет к тому, что получаемые сведения будут весьма поверхностны и вследствие этого недостаточны для трудных задач будущей войны. В настоящее время мы должны довольствоваться основательным ознакомлением бойца

с тем родом войск, в котором он служит и который он должен хорошо знать, а также ознакомлением его с элементами других родов войск в такой степени, которая ему необходима для должного выполнения его задач во время войны.

Подготовка профессиональных кадров будет совершенно иная. Образцом такой подготовки может служить программа рейхсвера, согласно которой каждый солдат обязан теоретически и практически ознакомиться со всеми главными родами войск. В современной армии высший командный состав должен быть настолько хорошо подготовлен, чтобы в случае надобности иметь возможность взять на себя командование отдельным отрядом, состоящим из всех родов войск. Кроме того, необходимо располагать некоторым числом специалистов, рациональная подготовка которых не может быть произведена в слишком короткий период времени. Они должны обучаться наравне с военными профессионалами. Набор этих специалистов в достаточном числе — в особенности для авиации и танков, — опирающийся на долгосрочную добровольную службу, может быть легко обеспечен путем некоторых моральных и материальных преимуществ. Время, проведенное рядовым на действительной военной службе, должно быть, таким образом, посвящено исключительно его обработке и боевому воспитанию. С этой целью необходимо освободить постоянную армию от всякого рода побочных обязанностей, которые обычно тяготят над ней. Таким образом, в будущем должны отпасть все те обязанности, которые отрывают или, во всяком случае, отдаляют подготовку бойцов от этой основной линии. Наряду с этим значительное упрощение методов работы, опирающейся на использование всех научно-технических средств, окажется совершенно необходимым.

Одним из условий, облегчающих сокращение срока действительной службы, являются расширение и углубление всеобщего народного обучения. Одновременно с этим необходимо отметить, что нации, обладающие «милитаристским» инстинктом, могут достигнуть тех же результатов, что и нации, мирно настроенные, при гораздо более коротком сроке военной службы. Необходимым звеном этой полити-

ки является вневойсковая подготовка молодежи, которую не следует смешивать с физическим воспитанием и которую необходимо путем дифференциации применяемых усилий действительно приспособить к тем целям, которым она должна служить.

* * *

7. Итальянские организации «Балила» могут служить образцом для многих государств в деле вневойсковой подготовки молодежи самых младших годов призыва. В этом же духе косвенно работают скаутские организации, хотя они по своему существу не имеют подлинно военных черт. Они, однако, оказывают государственной обороне значительные услуги, прививая молодежи моральную и физическую бодрость и дух солидарности и готовности жертвовать собой. Таким образом, они могут считаться организациями, предшествующими действительной вневойсковой подготовке молодежи.

Эту последнюю ни в коем случае нельзя организовать шаблонно. Она даст ожидаемые результаты лишь в случае приспособления ее к традиции, характеру и обычаям каждой нации. Например, в Швейцарии вневойсковая подготовка молодежи уже с давних времен стала общенациональным обычаем. Во Франции, наоборот, эта проблема все еще наталкивается на некоторые затруднения. Хотя французское правительство в принципе взяло в свои руки вневойсковую подготовку учащихся высших учебных заведений, однако, на практике его усилия в этой области до сих пор сводятся к набору и обучению кадров резерва. В Германии общая любовь к спорту и значительная способность к коллективному послушанию облегчают официальную инициативу в этой области.

Обязательная вневойсковая подготовка занимает почетное место в национальной жизни Италии и Японии. Каковы бы ни были цели, к которым стремятся эти государства, не подлежит сомнению, что проводимое там в большом масштабе физическое, моральное и совместное воспитание молодежи оставит глубокий след на формировании ее характера, что в будущем окажет серьезное влияние на характер этих народов и, таким образом, на всю совокупность международных отношений.

Одним из положительных результатов вневойсковой подготовки молодежи можно считать ликвидацию того разрыва, который наблюдается часто в странах со всеобщей обязательной военной службой между пребыванием в рядах армии и гражданской жизнью населения. При наличии обязательной вневойсковой подготовки призыв военнообязанного на военную службу будет лишь естественным результатом тех обязанностей, с которыми он уже ознакомился. С этой целью рекомендуется, чтобы руководство вневойсковой подготовкой молодежи находилось в руках профессиональных офицеров и унтерофицеров и чтобы оно являлось составной частью общей организации обороны государства, опираясь на те же правовые нормы, что и всеобщая обязательная военная служба и набор профессиональных кадров.

Основным содержанием вневойсковой подготовки молодежи должны быть, кроме общей программы, специальные программы, более подробные и имеющие целью, в первую очередь, подготовку специалистов и унтерофицеров. Эти программы должны избегать слишком поверхностной трактовки вопросов. С другой стороны, они не должны прививать молодежи преувеличенную дисциплину, проникнутую нездоровым культом юнкерского духа и шовинизма.

Солдат, призванный на действительную военную службу, должен быть, как правило, включен в ту часть, в которой он затем будет числиться, состоя в запасе. Это необходимо для культивирования товарищеского духа и солидарности, а также для поддержания незаменимых уз, связывающих бойцов с их родным полком, внутренняя сплоченность которого будет вместе с эволюцией характера будущей войны подвергаться все более тяжелым испытаниям. Вследствие этого, а также ввиду необходимости сохранения численности тактических единиц на уровне, дающем возможность подготовки командиров и рационального обучения частей, создание специальных школ или лагерей для призывников, а также формирование двоякого рода частей — учебных и усовершенствования — не рекомендуется.

Постоянное сокращение срока действительной службы требует очень тщательного обучения запасных. Этой це-

ли должны служить курсы усовершенствования, а также периодические сборы, разбитые на соответствующие периоды.

Призыв на учения или маневры резервных формирований в полном составе, предусмотренном на случай войны, можно считать идеалом. Однако, применение этой совершенной системы значительно затрудняется по финансовым соображениям. Кроме того, этому препятствуют гражданские занятия запасных, а также текучесть их состава вследствие освобождения более старых годов призыва и постоянного движения населения. Поэтому необходимо считаться с фактом, что резервные части, которые будут созданы в будущем, будут далеки от совершенства в момент их мобилизации и не будут способны в первое время к проведению трудных операций.

Необходимо также помнить, что теперь больше, чем когда-либо прежде, на войне нужны весьма компетентные профессионалы, а также и специалисты. В свое время можно было считать правильным утверждение, что нет большой разницы между подготовкой запасных и профессиональных солдат. В настоящее время это не так. Как крупная промышленность требует высококвалифицированных специалистов, так и современная война не может обойтись без них, т. е. без хорошо обученных профессиональных солдат.

Не подлежит сомнению, что численный перевес останется главнейшим рычагом победы. Принцип экономии сил, столь целесообразно и правильно применявшийся Наполеоном и позднее изложенный Клаузевицем, — принцип, по которому в бою следует сосредоточить в решающем месте возможно большее количество сил, — попрежнему остается одним из основных правил военного искусства. В последнее время этот принцип был уточнен и дополнен. Теперь не только количество, но и качество армии решает вопрос о перевесе и принимается в расчет, когда речь идет о решающем бое. Поэтому в будущем не мешало бы изменить старую поговорку «*Victoire est aux gros bataillons*»¹ на более соответствующую современным требованиям «*Victoire est aux meilleurs bataillons*»².

¹ «Побеждают большие батальоны».

² «Побеждают лучшие батальоны».

В будущей войне решающие действия будут вести отборные тактические части, усиленные на этот случай мощными боевыми средствами из резервов главного командования (танки, артиллерия, авиация).

В некоторых странах ежегодный контингент призывников столь велик, что равномерная его подготовка невозможна по финансовым соображениям. Поэтому часть из них будет проходить лишь курсы вневоинской подготовки и в случае мобилизации будет призвана на службу в тылу или для работ в качестве военизированных рабочих.

* * *

8. Не подлежит сомнению, что применение чрезвычайно разнообразных и мощных технических средств будет чертой, отличающей будущую войну от всех предыдущих, не исключая и последнего мирового конфликта.

Мировая война подчеркнула в одинаковой степени значение как численности современных армий, так и их технического оснащения. Соотношение между этими двумя величинами в течение 1914—1918 гг. подверглось значительной эволюции. Пехотные дивизии в течение 4 лет войны уменьшили во много раз число стрелков, вооруженных исключительно винтовками, увеличив одновременно с этим почти в 20 раз количество автоматического оружия. Достигнутая, таким образом, экономия в людях составляла в дивизии до 50% ее первоначального численного состава, причем около 40% этой экономии выпало на долю пехоты в точном значении этого слова. Освободившиеся солдаты были использованы: младшие — на создание новых боевых единиц, старшие — на удовлетворение потребностей служб, значительно разросшихся с течением войны. Во всяком случае в 1918 г. на поле сражения еще доминировал человек. С этого времени военная техника все растет как в отношении качества, так и в отношении мощности; эта до сих пор незаконченная эволюция является внушительным фактом, с которым необходимо считаться в будущем.

Однако, при оценке значения технических средств не следует преувеличивать его, противопоставляя технику человеку, а войну бездушных машин — войне слабо оснащенной.

ных современным вооружением частей. Преувеличение в области модернизации ведет прямым путем к абсурду. Решение вопроса, лучше всего отвечающее требованиям современной эпохи, находится посредине между этими двумя крайностями.

Отношение различных государств к этой проблеме неодинаково. Вполне логично, что государства с высоко развитой промышленностью придают главное значение на войне технике. Германия идет в разрез с этой естественной тенденцией и, в согласии со своим национальным темпераментом, преувеличивает роль и значение человека на войне (ген. Тайзен, майор Зольдан). По их мнению, «германская культура противопоставляет мощный удар (Gewaltstoss) немца организованной атаке галлов, систематически использующих технику».

Это рассуждение является, пожалуй, результатом военных пунктов Версальского договора. Еще до недавнего времени германской армии нехватало техники. Чтобы не допустить подрыва доверия бойцов к имеющемуся у них вооружению, руководство рейхсвера более громко и более четко, чем в других государствах, подчеркивало значение моральных сил на войне. Однако, не подлежит сомнению, что оно в полной мере оценивает могущественную роль техники на войне и что в момент взрыва войны оно выступит с мощным техническим аппаратом.

В английских опытных лагерях проводятся серьезные работы по изучению интегральной механизации современной армии. Согласно мнению английской молодой военной школы, впрочем, лишь частично поддержанному официальными кругами, вся пехота должна быть в будущем механизирована, в то время как конницу целиком заменят легкие танки, обладающие большой быстроходностью и большим радиусом действия¹.

Возможности моторизации армии находятся в прямой зависимости от степени индустриализации страны. Соот-

¹ Англичане всегда действовали в рамках малой профессиональной армии и формировали части, предназначенные для колониальных экспедиций. Однако, повидимому, и они считают, что в 1931—1932 гг. они слишком далеко продвинулись в области интегральной механизации.

ветственно развитая промышленность необходима не только для создания моторизованных частей в мирное время, но также и для сохранения их во время войны. Даже в мирное время при слабо развитой автомобильной промышленности поддержание средств передвижения моторизованной армии на должном уровне требует больших расходов и постоянного сотрудничества в этой области армии и конструкторов. Поэтому страны с высоко развитой промышленностью, как Америка, Англия и Германия, имеют большие возможности в области моторизации и механизации войск. Это условие будет играть еще большую роль во время войны. Поддержание моторизованных частей на уровне неослабевающей способности к движению и действию, возобновление портящегося и разрушаемого в бою снаряжения будет невозможно без соблюдения необходимого равновесия между степенью моторизации армии и производительностью и четкой работой соответствующих национальных заводов¹.

Само собой понятно, что этот вопрос зависит также от наличия в стране горючего. Государства, которые, как Германия, не имеют источников нефти, пытаются, не без серьезных результатов, решить эту важную для будущей войны проблему с помощью синтетического горючего.

Несмотря на трудности технического характера и на громадные расходы, с которыми сопряжены постепенная моторизация и механизация современной армии, они невольно будут нам навязываться в будущем все более и более усиленно. Со временем мощь огня автоматического

¹ Моторизация войск заключается в замене некоторого количества средств конной тяги автомобилями, отсюда частичная или полная моторизация тактических единиц; она усиливает стратегическую их мобильность, давая возможность быстро перебрасывать войска на большие расстояния с помощью грузовиков и других подобных средств, особенно полезных на дорогах.

Механизация заключается в применении боевых бронированных средств, продвигающихся по любой местности. Она усиливает, главным образом, тактическую подвижность частей и их способность к быстрому маневру, увеличивая их наступательную силу.

Моторизация имеет целью ускорение перевозок, а механизация — облегчение ведения боя.

оружия, безусловно, увеличится. В самом начале войны она не проявится полностью, так как средства, с которыми войска выйдут в поле, вначале будут довольно ограничены. Однако, это положение коренным образом изменится после массового пуска военной промышленности, когда количество, виды и мощность технических средств боя увеличатся во много раз. Единственным ответом на эволюцию подобного рода должно быть применение брони, т. е. механизация армии, тем более что вследствие этого усилится также наступательная способность тактических единиц.

Однако, основное качество и новшество моторизации и механизации войск заключается в усилении этим путем их стратегической и тактической подвижности. Моторизованные части, способные к быстрым переходам на большие расстояния и свободному продвижению по местности, не имеющей дорог, должны способствовать возрождению гибкости маневра, который опять-таки благодаря механизации будет пользоваться на поле боя как силой, так и движением.

* * *

9. Проявившееся вскоре после начала мировой войны небывалое развитие мощи огня и полевых укреплений уничтожило почти совершенно равновесие, которое должно существовать между наступательной и оборонительной способностью войск. Применение автоматического оружия, которым обильно были снабжены окопы на всем протяжении фронта, обеспечило частям, занимающим оборонительную позицию, громадный перевес над атакующими.

С течением времени продвижение вперед в открытом поле и овладение сильно укрепленными позициями противника стало невозможным. Преодоление хотя бы даже малого пространства, находившегося под обстрелом пулеметов, требовало таких больших жертв, которые совершенно исчерпывали силы атакующего еще до начала атаки. Во избежание этого была введена методическая артиллерийская подготовка. Артиллерийский огонь разрушал препятствия, сдерживавшие атакующего, но вместе с тем служил предостережением противнику о готовящемся наступлении и давал ему возможность своевременно перебросить резервы на опасный участок и парализовать наступление. Это исклю-

чало внезапность, столь необходимую для успеха. Вследствие этого был усилен огонь непосредственной поддержки, однако, проблема огня, сопровождающего пехоту в атаке, не была решена. Таким образом, по мере хода войны все более и более необходимым становилось такое средство боя, которое могло бы сопровождать пехоту в бою и, продвигаясь свободно по местности, не считаясь со рвами и воронками, блокгаузами и проволочными заграждениями, дало бы им возможность борьбы с пулеметными гнездами.

Эту задачу разрешил гусеничный танк, который дал пехоте возможность, благодаря своей броне и вооружению, вести успешный бой с частями, вооруженными пулеметами, траншейными орудиями и вообще скорострельным оружием.

Танки, бывшие одной из сенсаций мировой войны, являются наряду с авиацией и ОВ оружием, характерным для начала XX в.

Появившись на поле боя в 1916 г.¹, они возобновили движение, но лишь в малой степени, так как были несовершенны. Будучи неразрывно связаны с пехотой, они столь же медленно продвигались вперед; впрочем, это вытекало из той роли, которую танки играли в первое время, являясь сопровождавшей пехоту артиллерией. Таким образом, тогда они не способствовали возрождению быстроты и гибкости тактического маневра. Со временем они стали давать возможность прорывать постоянные и укрепленные фронты с несравненно меньшим расходом сил и средств и менее серьезными потерями, чем это бывало раньше. Они сделали возможным сокращение и даже отказ от артиллерийской подготовки, результатом чего явилась возможность внезапной атаки. Однако, они не ускорили темпов наступления и, таким образом, не дали возможности использовать успех и развернуть победу в глубине прорванного фронта.

Германская армия, лишенная танков до конца мирового конфликта, искала действительных средств противотанковой обороны. После того как было установлено, что загра-

¹ Первые танки были применены французами на р. Эн 16 апреля 1916 г., англичанами под Камбрэ в ноябре 1917 г. Массовое применение танков датируется со времени контрнаступления Манжена 18 июля 1918 г. (Виллер-Коттере).

длительный артиллерийский огонь дает обычно лишь половинчатые результаты, в германской армии стали выдвигать на первую линию 77-мм орудия или минометы, стрелявшие прямой наводкой. Для этой же цели применялись станковые пулеметы, пули которых (13-мм) пробивали броню танка на небольших расстояниях¹. Заграждение путей, по которым может подойти противник, с помощью стен из бетона и цемента, затопление по мере возможности целых районов, рытье очень широких и глубоких, часто замаскированных рвов и, наконец, создание минных полей — вот главные средства пассивной противотанковой обороны.

Наступавшие танки нуждались с самого начала их применения в поддержке артиллерии, а также и авиации, производившей разведку препятствий на местности и обеспечивавшей связь между артиллерией и танками.

Со времени окончания мировой войны в конструкции танков было произведено много усовершенствований. При этом, как правило, стремились к установлению трех составлявших одно целое типов: легкие танки — быстрые, поворотливые и подвижные, вооруженные пулеметами и выполняющие в общем ту же роль, что и бронеавтомобили в коннице; тяжелые танки — лучше вооруженные и с более прочной броней, соответствующие средним условиям боя, и, наконец, сверхтяжелые и мощные танки — с очень прочной броней, вооруженные пушкой и предназначенные как для прорыва укрепленных фронтов, так и для ведения боя.

Танк, в первую очередь, является орудием наступления. Применяемый в контратаке, он годится также для обороны. В будущем он, вероятно, достигнет гораздо большей независимости, дополняя в большой мере пехоту. Уже теперь он в значительной степени заменяет ее в выполнении самых тяжелых боевых задач. Во всяком случае, придавая танкам очень большое значение, не следует, однако, забывать, что

¹ В настоящее время существуют станковые пулеметы (в США — Браунинг 12,7-мм; в Англии — Виккерс 12,7-мм; во Франции — Гочкис 13,2-мм; в Италии — Фиат 12-мм и Бреда 14-мм), пули которых, имея большую начальную скорость, могут пробить броню средней толщины с расстояния, достигающего до 1 000 м.

встречаются районы, почти целиком недоступные для них. К этим районам относятся густо и прочно застроенные пространства, крупные лесные массивы, горы и болота (например, Полесские болота). Ночная темнота и густой туман значительно затрудняют их применение. Не подлежит сомнению, что все более и более развивающееся, благодаря применению радиосвязи, взаимодействие танков с авиацией и другими родами войск значительно облегчит их применение. Однако, стремления, направленные к полной самостоятельности этого рода войск, еще далеки от осуществления.

До сих пор танки выступали на поле боя как вспомогательный род войск, помогающий пехоте, являясь как бы ее позвоночником и центром ее силы. Тяжелый танк открывал дорогу атакующей пехоте, разрушая встреченные ею препятствия; легкий танк дополнял артиллерию непосредственной поддержки.

Тенденции этого рода войск, направленные к полной самостоятельности, следует рассматривать весьма осторожно, хотя необходимо признать, что современные танки могут действовать на большие расстояния в самостоятельных группах и без постоянной связи с пехотой. Однако, роль танков в бою заключается, как правило, в их взаимодействии с другими родами войск¹.

¹ Примеры самостоятельных действий танков во время операций в Сирии и Марокко не могут служить образцом для применения их в нормальных условиях. Средний танк современной конструкции может взять с собою горючего на 90 км пути. Таким образом, если бригаде, состоящей из 50 танков, необходимо пройти расстояние 180 км, нужно еще 20 танков для перевозки бензина и горючего. Правда, до сих пор усилия были направлены, прежде всего, на углубление радиуса действия механизированной конницы (броневые автомобили марки Панар, применявшиеся в Марокко, имеют радиус действия до 500 км без пополнения запасов бензина). При усовершенствовании танков до сих пор стремились к увеличению их силы, брони и скорости. Таким образом, они не имеют признаков самостоятельного рода оружия и не смогут отрываться от других родов войск на слишком большие расстояния. Кроме того, огневая сила танков еще недостаточно велика. Со среднего танка (в 15—20 т) можно одновременно стрелять только из одного пулемета. Таким образом, бригада танков этого типа имеет силу огня 50 пулеметов, т. е. трех пехотных батальонов.

Изобретение нового танка с двойной механической тягой на колесном и гусеничном ходу, при одновременном применении эластичных гусениц, усовершенствованных за последнее время по английским образцам, значительно увеличило их скорость (60 км/час по дорогам), а также и подвижность, что усилило их ценность как в стратегическом, так и в тактическом отношении. Установление же новых принципов тактики танков (Фуллер, Шедевиль, Эстьен, Сунтон), по которым легкие танки сопровождения должны в будущем действовать совместно с тяжелыми и сверхтяжелыми танками прорыва, может усилить их пользу на поле боя.

В будущем быстроходные танки, подобно броневедомым, будут взаимодействовать с конницей в разведке и глубоких поисках.

Они будут составлять также смешанные части, в состав которых войдут наряду с легкими танками броневедомые, отряды моторизованной пехоты и батареи, свободно продвигающиеся по любой местности. Во время преследования группы танков могут в некоторых случаях действовать более самостоятельно.

Несмотря на такое значительное усиление их роли, танки в недалеком будущем не смогут заменить целиком конницу и не умалят значения современной пехоты. Однако, не следует забывать, что теперь изучают бой танков против танков, в котором танки сверхтяжелого типа будут играть такую роль, как дредноуты на море. Таким образом, в будущем возможности танков настолько вырастут, что они станут одним из главнейших родов войск.

* * *

10. Пехота в течение веков подвергается постоянным и основным изменениям. Она была всемогущим родом войск в древности—в тот период, когда конница не играла серьезной роли, а артиллерии вовсе не было. Средние века и расцвет рыцарства свели ее значение почти на-нет. Столетняя война в значительной степени воскресила пехоту под видом лучников—в особенности с того момента, когда изобретение пушки привело к сумеркам конницы. В эпоху Людовика XIV и Наполеона пехота сравнивалась с конницей,

в период же скорострельной винтовки и медленно стреляющего орудия она достигла звания «царицы полей сражения».

С началом мировой войны пехота взяла на свои плечи главную тяжесть боя и основную ответственность за его результаты. Именно ей, в первую очередь, принадлежат лавры за победы того времени. Она же была ответственной за поражение армии. И в том и в другом случае она обильно платила кровью, выказывая по обе стороны фронтов первоклассные ни с чем не сравнимые качества.

В начале мирового конфликта почти единственным вооружением пехоты были винтовка и штык. Хотя пехота уже имела пулеметы (1 на 500 чел.), но совсем недооценивала того значения, которое может иметь автоматическое оружие. Придавая ему эпизодическую роль, которая должна была заключаться в поддержке огня малокалиберного оружия огнем пулеметов, большое значение придавали винтовке, рассчитывая на частое применение штыка. За эти ошибки пехота в первый период войны поплатилась очень дорого, достигая незначительных результатов, несмотря на большие потери.

Во время мировой войны пехота стремилась пополнить свое вооружение и модернизировать методы своих действий, чтобы, таким образом, вернуть свою былую мощь. Значительное увеличение количества тяжелого и легкого автоматического оружия, равно как введение мелкокалиберных орудий, минометов, ручных и ружейных гранат, намного усилили сопротивляемость пехоты, особенно большую в оборудованной местности, восстанавливая одновременно, хотя и в слабой степени, ее былую наступательную способность.

В результате этого факта пехоте пришлось обратиться за помощью извне. Это выразилось, в первую очередь, в поддержке артиллерии, значение которой выросло со временем настолько, что к концу 1917 г. можно было без особого преувеличения утверждать: «артиллерия овладевает, пехота занимает» укрепленную местность противника.

Имевшее место в 1918 г. массовое появление танков на поле боя перевернуло этот порядок вещей. Пехота, поль-

зуюсь соответственно организованной поддержкой артиллерии и танками, стала одинаково грозной как в наступлении, так и в обороне.

Большая часть нового вооружения пехоты была создана в период позиционной войны, во время которой была проверена его эффективность в обороне. В наступлении дело обстоит иначе. Усовершенствованные методы наступления германской армии выявили недостатки вооружения пехоты. Эти недостатки становились очевидными в тех случаях, когда нужно было продлить удар большого размаха. Однако, опыт, достигнутый таким путем, был недостаточен. Большое контрнаступление союзников в 1918 г. было прервано так быстро, что не дало достаточного опыта в этой области. Начатое контрударом Манжена 18 июля 1918 г. и продолженное 8 августа того же года, оно хотя и отбросило немцев до Бельгии, но не проявило во всей полноте до подписания перемирия (11 ноября 1918 г.) наступательных качеств модернизированной пехоты.

Тем не менее, не подлежит сомнению, что как в наступлении, так и в обороне, как в позиционной войне, так и в маневренной пехота проявила себя универсальным родом войск. Она могла продвигаться и действовать на самой трудной и обладавшей величайшими естественными препятствиями местности. Используя эти последние в будущем соответствующим образом, она даже усилит свои боевые качества, в то время как другие роды войск в тех же условиях их потеряют.

С момента окончания мировой войны все усилия пехоты были направлены на увеличение собственных средств действия, с тем расчетом, чтобы ее высшие тактические соединения могли, в случае надобности, проявить полную самостоятельность и действовать без посторонней помощи, которая всегда является довольно относительной. Вследствие этого пехота поглощает все большее количество технических средств, которые одновременно с этим все больше и больше дифференцируются. Сюда входят новейшие средства связи и транспорта и все более многочисленные минометы, противотанковые орудия и зенитное оружие.

Все эти средства при коренном пересмотре организации современной пехоты позволят ей не без успеха действо-

вать против новейшего автоматического оружия небывалой мощности — танков, авиации и ОВ.

Однако, сами по себе они не увеличивают, — по крайней мере, в достаточной степени — наступательных способностей этого рода войск. Даже вооруженная, таким образом, пехота будет слишком медленно продвигаться на поле боя и попрежнему останется толпой стрелков, сгибающихся под тяжестью собственного вооружения; она будет подвержена чрезмерным потерям, представит трудности для командования и часто будет использоваться для выполнения самых трудных задач, в качестве демократического плебея главных родов войск.

Чтобы в будущем не быть пушечным мясом танков, пехота должна располагать в достаточной степени еще большей мощностью огня и гораздо более прочной, чем до 1918 г., броней.

Из опыта мировой войны вытекает еще одно основное в этой области указание для будущего, а именно — пехота, лишенная органически включенной в ее ряды артиллерии, не будет способна к маневру, так как в момент, когда дивизионная артиллерия не подспеет за атакующими батальонами, они остановятся, наткнувшись на хорошо замаскированные пулеметные гнезда или танки, которых нельзя взять ни штыком, ни ручной гранатой. Мортиры не всегда будут достаточны. И это не только при взятии укрепленных позиций, но и в маневренном бою, полном неожиданностей, которые легко могут разрушить наступательный размах пехоты, если эта последняя лишена органически связанной с ней артиллерии, дающей ей возможность самостоятельно пробивать дорогу даже в самой трудной обстановке.

Таким образом, чтобы сделать из пехоты род войск, достаточно мощный как в наступлении, так и в обороне и самостоятельный при всех обстоятельствах, ей следует органически придавать орудия, число которых, так же как и число включенных в настоящее время в пехоту mortир, в будущем будет расти. В особенности армии, главную силу которых будет составлять пехота и которые, вследствие конфигурации и расстояния обороняемых ими границ, должны предусматривать на случай будущей войны маневр

большого размаха, должны обратить серьезное внимание на эту область вооружения пехоты. По тем же причинам пехота нуждается в постепенной моторизации и механизации.

Каков будет окончательный результат этой эволюции? Никто не может заранее предначертать ее пределы. Однако, надо полагать, что пехота будет все больше увеличивать возможность самостоятельного действия в бою, гибкость маневра и мощность своего огня, сохраняя наряду с этим всю полноту своей маневренной способности. Будучи легко перебрасываемой на большие расстояния, она ограничит прежние пешие переходы до минимальных размеров, пользуясь ими, как правило, почти исключительно в пределах поля сражения. Будучи способной к выполнению всех задач, к маневрированию и ведению боя в самой трудной и изобилующей препятствиями местности, она станет еще более универсальным родом войск и будет применяться весьма часто. Разумно увеличив свое современное техническое вооружение в соответствии со своей численностью, она в будущем, вероятно, перестанет быть толпой, обреченной на самый тяжелый труд и подвергающейся величайшим опасностям. Она займет определенное место в ряду тех родов войск, которые уже теперь в достаточной степени используют для своих целей науку и технику.

Однако, необходимо будет положить некоторый предел этому естественному развитию. Современная пехота не может слишком перегружаться материальной частью и чересчур усложнять свою организацию, так как это угрожает ей потерей основных качеств, какими являются гибкость и подвижность. Она должна, в первую очередь, сохранять свою способность как к занятию, так и к успешной обороне занятой ею местности; выполнение же этой главной задачи требует достаточного количества людей. Таким образом, и в будущем не надо целиком заменять пехотинцев одноместными танками, как проектируют некоторые слишком смелые военные реформаторы¹.

Необходимо также еще раз подчеркнуть, что степень моторизации и механизации армии зависит от финансовых

¹ Английский майор Мартель.

и промышленных ресурсов каждой страны. Богатые страны с высоко развитой промышленностью, для которых экономия людских ресурсов является необходимостью, могут проектировать коренную реорганизацию современной пехоты, идя в этом направлении до самых крайних пределов. Более слабые в этом отношении государства, располагающие, однако, весьма большим приростом населения, могут сохранить значительно более дешевый и легче реализуемый тип организации пехоты, в котором человеческий элемент будет решающим фактором. При вооружении тактических пехотных единиц эти государства должны придать особое значение пулемету и автоматической винтовке, а также противотанковому и зенитному оружию.

Будучи рассматриваема с этой точки зрения, пехота является оружием более слабых в экономическом и финансовом отношении государств. Таким образом, эти последние при модернизации этого важного для них рода войск должны быть особенно предусмотрительны, так как, применив слишком смелые эксперименты, они разрушат главные основы оборонительной силы, и, не поставив на их место ничего лучшего, будут вести политику, которую можно назвать самоубийственной.

По всем данным, которые можно предвидеть, исходя из современного вооружения, модернизированная пехота безусловно сохранит и впредь свое первенствующее место среди главных родов войск. Усиливая свою ударную мощь, она в будущей войне будет решать исход боя. В будущем так же, как и прежде, пехотинец при наступлении будет продвигаться вперед, занимая местность противника, а в обороне будет играть роль основного фактора организованного сопротивления.

В результате современного вооружения пехоты и его тактических последствий, единицей, способной в будущем к самостоятельному бою, будет, по всей вероятности, полк, состоящий из нескольких стрелковых батальонов, нескольких пулеметных рот, минометной роты (9 минометов), батареи артиллерии и роты связи, задачи которой заключаются в регулировании взаимодействия между отдельными составными частями полка, а также в сочетании огня с маневром. В случае надобности пехотному полку будет

придаваться специальная артиллерия, а также разведывательные кавалерийские группы или самокатные части.

Однако, даже тогда, когда пехота будет организована по-современному, она не будет способной к самостоятельной и решающей атаке прочных долговременных укреплений, располагающих большим количеством автоматического оружия.

Вот почему стремление к обеспечению современной пехоты величайшей мощностью огня должно быть согласовано с ее способностью к развертыванию и с ее ударной силой¹.

В этих условиях потери, которые пехота будет нести в будущей войне, будут меньше, чем в 1914—1918 гг. Значительное сокращение людского состава при одновременном увеличении подвижности пехотных частей, а также постоянное стремление к усилению их защиты на поле боя обещают в будущем положительные изменения в этом направлении. Как правило, со временем должны исчезнуть пешие колонны, растянутые на сотни километров. Пехотинец, идущий в бой с открытой грудью против огня автоматического оружия, направляемого невидимым противником, также будет чрезвычайно редким исключением.

Однако, война будущего поставит перед пехотинцем еще более серьезные, чем прежде, индивидуальные требования и не только с точки зрения его физической подготовки, но также и с точки зрения его моральной выдержки.

* * *

11. Период наибольшего расцвета кавалерии приходится на средние и новые века вплоть до XIX в.

XIX в. является, в общем, веком упадка кавалерии. За исключением освободительной войны в США (1862—1865 гг.), во время которой обе стороны производили глу-

¹ Эта проблема различно понимается в Германии и во Франции. Первая особенно подчеркивает ударный размах пехоты. Вторая же до недавнего времени утверждала, что современная пехота является «огнем, идущим вперед». Расхождение этих взглядов вытекает частично из той разницы, которая существует между тяжелым вооружением германской пехоты и легким—французской. Надо полагать, что лучшим решением является сочетание маневра и огня.

бокие кавалерийские рейды, напоминавшие татарские набеги, все остальные войны этого периода указывали на медленный, но верный упадок конницы. Усовершенствование огнестрельного оружия положило в 1866 г. предел кавалерийским атакам во время боя. Война 1870—1871 гг., несмотря на известные в анналах кавалерии конные атаки под Рейхсгофеном, Резонвилем и Седаном, не вернула коннице ее былого значения. Русско-японская война (1905 г.), вследствие косности русской конницы и слабой численности японской, не представила ни одного примера, который мог бы служить образцом современного использования конницы.

Однако, ошибки русских были столь очевидны, а потерянные ими возможности столь заметны, что дали возможность надеяться на использование конницы в следующей войне при условии, что она будет должным образом подготовлена к своей задаче и что ее командиры будут достойны этого звания.

Однако, в начале войны 1914 г. оказалось, что конница всех стран, участвовавших в этой войне, не была достаточно подготовлена к ожидавшим ее задачам. Несмотря на это, конница в некоторых случаях сохранила перевес над пехотой, благодаря гораздо большей скорости своего движения. В то время как пехота двигалась со скоростью 4 км в час и делала максимум 25—30 км в день, кавалерия двигалась со скоростью 7—8 км в час и покрывала в течение дня вдвое, а в исключительных случаях и втрое большее количество километров.

В мировой войне кавалерийские массы не сталкивались в конном рукопашном бою, как это имело место в польско-советском вооруженном конфликте: лошади изнурялись слишком быстро, а конница того времени не была достаточно подготовлена для боя в пешем строю и располагала слишком слабым вооружением (пулеметы и артиллерия), вследствие чего и не могла играть серьезной роли в бою¹.

¹ Об этом свидетельствуют действия кавалерийских корпусов на Марне в сентябре 1914 г., рейд германской конницы на Молодечно в 1915 г. и — хотя в гораздо меньшей степени — набег польской конницы на Казатин в 1920 г.

В 1914—1918 гг. были попытки увеличить силы кавалерийских соединений без ущерба для их подвижности. В первую очередь, была усилена мощь кавалерийского огня путем придачи кав. соединениям стрелковых пехотных батальонов и более обильного оснащения их автоматическим оружием и артиллерийскими батареями. Этим путем кавалерийская дивизия приобрела значение стратегического резерва, так как ее легко было перебрасывать и втягивать в бой на сравнительно широких фронтах. Она в громадном своем большинстве состояла из кавалеристов и конных повозок. Со временем она стала настолько нагруженной, что не могла продвигаться иначе, как шагом, что в тогдашних условиях придавало ей характер пехоты, посаженной на лошадей.

В послевоенный период конница была постепенно моторизована и механизирована; она значительно обогатилась быстроходными бронеавтомобилями и мотоциклами. Этим путем она вернулась к своей прежней возможности действовать на больших расстояниях, т. е. выполнять службу разведки и охранения, не теряя своей силы. Однако, эта реформа имела также и отрицательные стороны. В составе кавалерийской дивизии появились слишком различные составные элементы, зачастую существенно отличавшиеся друг от друга по методам и по радиусу действия. Она стала слишком разнородной, что затрудняло управление ею. Поэтому неудивительно, что сторонники интегральной механизации требовали полной отмены конных элементов.

А между тем такая радикальная реформа кавалерии не может быть рекомендована. Эскадроны конницы все еще очень легко применяются к местности, не имеющей дорог, и быстро могут быть введены в бой. Они могут весьма тщательно обшаривать укрытые районы и успешно вести так называемые сдерживающие бои. Поэтому даже на Западе кавалеристы должны составлять подавляющее большинство в разведывательных группах пехотных дивизий и армейских корпусов; кавалерийские дивизии останутся и в дальнейшем фактором, крайне необходимым для осуществления различных задач.

Решение этой проблемы путем создания смешанных частей выгодно с точки зрения как расходов, так и мобили-

зации: лошадь легко получить путем реквизиции, а автомобили на гусеничном ходу — как бронированные, так и обыкновенные — должны быть специально построены для чисто военных целей. Вполне понятно, что это обстоятельство играет гораздо более серьезную роль в аграрных странах, чем в индустриальных, располагающих большими финансовыми средствами.

Таким образом, в недалеком будущем лишь некоторые кавалерийские соединения будут полностью механизированы. Они будут располагать такой большой скоростью (20 км в час), таким громадным радиусом действия (100—200 км в день) и такой большой мощностью огня (равной, в общем, силе огня пехотных дивизий), что смогут вести бой на больших расстояниях и на обширных фронтах, способствуя тем возрождению внезапности. Их целесообразное массовое применение в будущей войне может вызвать глубокий переворот в руководстве операциями.

Допустим, например, что ген. Жоффер располагал бы соединениями подобного рода в начале войны 1914 г. Главнокомандующий французской армией мог бы тогда применить их в большом масштабе в период сосредоточения. Они были бы способны к действиям с гораздо большим радиусом и гораздо более успешным, чем действия кавалерийского корпуса Сорде. Затем он бросил бы их навстречу армии Клука, с целью замедления ее обхода путем задержки его дивизий у каждого естественного препятствия. В период так называемого «бега к морю» в сентябре и октябре 1914 г. ген. Жоффер с помощью этих же средств превысил бы скорость продвижения правого фланга германского фронта, успешно прикрывая разгрузку перебрасываемых туда частей французской армии и находясь вблизи занимаемого ими участка фронта.

Также и в бою крупные механизированные соединения, поддержанные авиацией и танками, будут располагать необыкновенной мощностью. В 1914 г. в сражении на Марне они были бы способны непосредственно использовать прорыв, образовавшийся в германском фронте между армиями Клука и Бюлова, ведя за собой союзнические войска Френча и Франше д'Эсперей. Возможности подобных действий, имеющих решающее значение, можно указать также в большом

количестве во время мировой войны и на Восточном фронте (например, Лодзинское сражение). В будущем овладение и удержание выдвинутых вперед позиций до момента прихода главных сил, продление и прикрытие флангов, заполнение бреши в собственном фронте или быстрый бросок в образовавшийся во фронте противника прорыв, а также прикрытие отхода и создание условий для контрнаступления — вот главные задачи современной конницы.

Эти задачи имеют первостепенное значение. Поэтому неудивительно, что механизированная кавалерийская дивизия рассматривается как прототип легкого тактического соединения, имеющего перед собой большое будущее. Эволюция в этом направлении в одних странах пойдет быстрее, в других — медленнее¹, однако, ее надо считать неизбежной.

* * *

12. Артиллерия еще долго будет пользоваться своей материальной частью времен войны 1914—1918 гг. Лошадь все еще является самой дешевой тягой, обеспечивая артиллерии достаточную тактическую подвижность. Однако, когда дело идет о стратегической подвижности, конная тяга совершенно недостаточна.

Грузовик и трактор отличаются противоположными свойствами.

Наиболее современным средством артиллерийской тяги является улучшенная гусеничная система, позволяющая развешивать большую скорость на дорогах и дающая возможность легко продвигаться по местности, не имеющей дорог. Оснащенная таким образом артиллерия может быть быстро переброшена из одного оперативного района в другой на очень большие расстояния. А так как она способна к быстрому вступлению в бой, то указанная система лучше всех других средств передвижения будет соответствовать всем требованиям войны. Но так как эта система очень дорога, ее придется вводить постепенно, начиная с полевой артиллерии и резервов главного командования.

¹ Например, в состав итальянской конницы входят полумоторизованные легкие и смешанные дивизии, из которых каждая располагает одним самокатным полком.

Артиллерия с механической тягой, снабженная сильными моторами и хорошо бронированная, будет обладать гораздо большей способностью к непосредственному сопровождению пехоты в бою и к борьбе с танками противника, а также к очень быстрой перемене позиции в будущей войне, которая будет отличаться неожиданными и молниеносными передвижениями. В настоящее время батареи этого типа играют роль, подобную задачам тяжелых танков, вооруженных орудием. Однако, не исключена возможность, что в будущем они войдут в состав обычной артиллерии, не достигая, впрочем, слишком большой степени развития ввиду больших расходов, которых они требуют.

Пополнение артиллерийских боеприпасов продолжает оставаться тяжелой задачей для армии; оно требует много времени и чрезвычайно мощных перевозочных средств. Таким образом, центр тяжести проблемы лежит в том, чтобы достигнуть возможно большей экономии боеприпасов, не снижая вместе с тем действительности артиллерийского огня. Если артиллерия одной дивизии будет попрежнему тратить в бою сотни тонн боеприпасов в течение дня, то должная организация ее снабжения встретит очень серьезные затруднения.

К этой же цели стремятся последние изобретения в области прицельных приборов, а также эволюция методов стрельбы, в значительной степени увеличивающих ее точность и быстроту.

Быстрое сосредоточение огня и быстрый перенос его, приближение взрывающихся снарядов к передовым линиям действующей пехоты — вот дальнейшие этапы развития, которых необходимо достигнуть в артиллерийской стрельбе.

Однако, уже теперь техническое развитие средств связи и усовершенствованное взаимодействие авиации с находящейся в действии и сгруппированной артиллерией дают возможность этой последней вести бой на большие расстояния, что особенно важно в маневренной войне.

Еще более важным вопросом будущего является чрезвычайно трудное для осуществления увеличение скорострельности орудий. Этому требуют чрезвычайно быстрые темпы военных действий, а также все возрастающая интенсив-

ность боя в современной войне. Ввиду мощного развития авиации, которая переносит, т. е. фактически удлиняет, деятельность артиллерии на сотни километров, стремление к увеличению дальности стрельбы орудий за пределы непосредственного района боя может стать со временем второстепенным вопросом. При таком положении вещей будущая война выдвинет на первый план легкую и среднюю артиллерию. По этим же соображениям внимание всех государств обращено в настоящее время более всего на легкие орудия (до 155-мм калибра включительно).

Тотчас по окончании мировой войны существовало много типов орудий. Через несколько лет после этого (в 1925 г.) в их конструкции наметилась тенденция, направленная к созданию единого легкого орудия (гаубица), а немного позднее—орудия, пригодного для всех задач (1929 г.) и способного к стрельбе как по наземным, так и по воздушным целям. В этих стремлениях преобладающее место в последнее время начинает, повидимому, занимать гаубица, как наиболее подходящая для наступательного и для ближнего боя и в то же время способная поражать противника, находящегося за закрытием. Так называемая же универсальная пушка неосуществима, так как разнообразие артиллерии вытекает из необходимости специализации в области дальности, мощности и подвижности батарей и т. д. Столь многочисленные задачи, как задачи артиллерии, будут и в дальнейшем требовать разнообразной материальной части.

Средняя дальность легких полевых пушек составляет в настоящее время 7—14 км, а для орудий 150—155-мм—12 км. Следует, однако, подчеркнуть, что каждый новый успех в области дальности достигается, в основном, увеличением калибра, что вызывает увеличение веса орудия. Таким образом, цель, к которой должны стремиться конструктора, заключается в достижении максимальной дальности и силы орудий без уменьшения их подвижности.

Эта проблема частично облегчается соответствующим применением мотора.

Однако, наиболее характерной чертой эволюции артиллерии в послевоенное время является, с одной стороны,

многообразие типов орудий сопровождения пехоты — в настоящее время их около 25. С другой стороны, артиллерия стремится к созданию специального орудия, способного к бою как против танков, так и против самолетов и пулеметных гнезд.

Столь противоположные одно другому стремления привели к интересной проблеме создания двуствольных орудий или орудий со сменными стволами.

Наконец, следует отметить, что в области химической войны авиация пока еще не опередила артиллерии. Батарея 150-мм орудий может с успехом соперничать в отношении тоннажа выбрасываемых в течение дня химических средств с целой эскадрильей самолетов, достигая в отношении точности стрельбы определенного перевеса над нею¹.

Артиллерия и впредь останется, прежде всего, родом войск, выбрасывающим в очень короткое время громадное количество снарядов. Артиллерия сопровождения пехоты на гусеничном ходу, чрезвычайно подвижная и сравнительно мало чувствительная к огню противника, очень меткая и скорострельная, является в современной войне одним из основных тактических факторов возрождающегося маневра.

Артиллерийский резерв, сосредоточенный в руках главнокомандующего и использованный в соответствующий момент и в соответствующем месте, перевесит чашу победы на сторону войск, которые им располагают.

* * *

Выводы. Как видим, из довоенных главных родов войск на прежнем месте остались пехота и артиллерия. Эта последняя в результате новейших технических достижений даже усилила свое влияние на ход событий на поле сражения.

¹ Орудие 155- или 150-мм калибра, стреляя со скоростью 1,5 выстрела в минуту, т. е. 60—70 выстрелов в час, при нескольких часах стрельбы, т. е. около 600 выстрелов в течение дня, при применении снарядов весом приблизительно в 40 кг, может выбросить за этот промежуток времени около 24 т огнеприпасов.

В странах с более развитой промышленностью кавалерия отодвинулась на задний план. В других странах она подвергается все более глубоким организационным изменениям, теряя вследствие этого свой прежний характер.

Авиация, равно как бронесилы и вообще технические средства, а быть может, и химические средства боя, заняла, как это мы в дальнейшем покажем, весьма серьезное место среди главных родов войск. Не меньшую роль в будущей войне будут играть средства связи¹, обеспечивающие должное взаимодействие главных родов войск, а также согласованные действия каждого из них в отдельности, несмотря на столь разнообразный их состав.

Таким образом, элементы, определяющие боевые качества современной армии, а также ее мощь и эффективность, в настоящее время во многом отличаются от тех, которые существовали в момент окончания мировой войны. Организационные формы, созданные в течение мировой войны, при применении их в будущей войне без одновременного учета вызванных развитием техники изменений оказались бы бесполезным и, следовательно, вредным пережитком.

Намеченная здесь система военной организации учитывает выявившийся до сих пор на практике технический прогресс. Она освобождает организацию современной армии из-под влияния такого анахронизма, каким была позиционная война 1914—1918 гг. Она также оставляет в стороне не одну организационную догму прошлого. Эта система является переходной ввиду постоянного непрерывного развития новейшего военного вооружения. Вследствие этого ее структура должна быть настолько гибкой, чтобы не мешать дальнейшему развитию армии в соответствии с техническим прогрессом, от которого в настоящее время в значительной степени зависит и военный прогресс.

¹ Технический прогресс средств связи в значительной мере облегчает командование в современной войне. Так, например, во время последней мировой войны управление танками производилось с помощью оптических сигналов (флажки). Эта система уже тогда была недостаточной, а тем более при той скорости, которой могут достигнуть танки новейшего типа. Радиотелефон полностью решает эту проблему. В настоящее время каждый танк имеет приемник, а командирские танки — передающие станции.

Такая система во многом отличается от прежних классических типов армии. Она не боится наметить вехи будущего развития, оставаясь в то же время в реальных и объективных пределах. Она избегает преждевременных проектов интегральной механизации армии или проектов, отдающих решающую роль в будущей войне авиации, развитой за счет умаления других родов войск.

Глава III

АВИАЦИЯ И ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА СТРАНЫ

1. Авиация

1. Возможности и роль авиации во время войны 1914—1918 гг. — 2. Состояние авиации в 1934 г. — 3. Предположения на будущее и роль авиации в связи с ее взаимодействием с сухопутной армией и морским флотом. — 4. Возможности воздушно-химической войны. — 5. Оценка теории ген. Дуэ о решающей роли авиации в будущей войне. — 6. Мобилизация авиации.

1. В 1914—1918 гг. военная авиация делала свои первые шаги в бою, но уже в последний период мировой войны она заняла далеко не последнее место среди главных родов войск.

Уже одно появление самолетов на полях сражений и их активное участие в боевых действиях вызвали настоящий переворот в основах применения военного искусства, несмотря на то, что возможности авиации были в то время еще очень скромны. Первые самолеты в 1914 г. были весьма слабы и применялись как средство стратегической разведки. Со временем они дополнили и даже заменили конницу в разведке и в службе связи.

Истребители и бомбардировщики выступили позднее как орудие боя, не имея вначале большого значения. Одноместный истребитель этого времени был вооружен пулеметом, который мог вести стрельбу лишь вдоль оси полета, обладая при этом весьма малой меткостью и незначительной

действительностью огня на расстоянии, не превышающем 50 м. Мало поворотливый и недостаточно быстроходный, чувствительный к атаке сбоку и сзади, он имел слишком малый радиус действия, чтобы углубляться на территорию противника больше чем на несколько километров и в лучшем случае не более чем на 20 км. Таким образом, его главная задача заключалась в прикрытии передовых линий. Чрезвычайно трудный для управления в бою, он нуждался в летчиках-виртуозах, которые очень часто платили жизнью за свое необыкновенное удачество и достигнутые с его помощью результаты (Гюинермер, Ненжессер, Рихтгофен, Бельке и др.)¹.

Бомбардировщик того времени тоже был далек от совершенства. Имея ограниченный радиус действия, не превышавший 100 км, он обладал слабой грузоподъемностью (несколько бомб среднего калибра в 10—50 кг). Кроме того, бомбометание с воздуха не было точным, и его результат был скорее моральный, чем материальный. Таким образом, бомбардировочная авиация мировой войны оказывалась бессильной перед объектами, хотя и многочисленными, но небольшими, соответственно рассеянными в пространстве и в то же время примененными к местности или прикрытыми искусственными сооружениями. Она пыталась, в первую очередь, нападать на большие людские массы в открытом поле. Но и в этом случае действительность ее обстрела не могла идти в сравнение с точностью огня усовершенствованной артиллерии. С другой стороны, значительная зависимость самолетов того времени от атмосферных условий приводила к тому, что воздушные рейды на большие расстояния были рискованы и мало успешны. Так, например, в 28 германских рейдах, направленных во время мировой войны на Париж, лишь 37 самолетов из 485 достигло намеченной цели (13 из них были сбиты французской артиллерией, другие — истребительной авиацией, а большинство потерпело неудачи или не могло выполнить своих задач вследствие большой зависимости от атмосферных влияний).

¹ Капитан французской армии Фонк, избежавший смерти в бою, несмотря на необыкновенные успехи (100 сбитых самолетов противника), является одним из немногих исключений.

* * *

2. Со времени этой сравнительно примитивной эпохи авиация достигла громадных успехов. Самолет 1934 г. несравненно прочнее по своей конструкции и вследствие этого имеет гораздо большую сопротивляемость, кроме того, он легче, поворотливее и удобнее для управления. Он обладает несравненно большей скоростью как в горизонтальном (350—400 км/час), так и в вертикальном полете. Он без труда достигает высоты от 8 000 до 10 000 м, в то время как радиус его действия при нагрузке 1—2 т доходит до 2 000 км (1 000 км в одну и 1 000 км в другую сторону). Он может производить полеты как днем, так и ночью, а также в тумане. При применении соответствующих приборов он будет производить слепые полеты и будет способен переносить на средние расстояния большой груз (значительное количество тонн).

Достигнуть бесшумного полета в самолетах, как и в автомобиле, можно с помощью автоматического устройства для выключения мотора. Однако, самолеты новейшего типа, не превосходя в этом отношении легких самолетов последнего периода мировой войны, не могут без ущерба для скорости выключать моторы на продолжительное время¹.

Самолеты всегда пытались укрыться, маневрируя в случае надобности в облаках. Однако, даже самолеты новейшего типа до сих пор не могут находиться продолжительное время в облаках, чтобы избежать преследования или неожиданно напасть на противника. Это им угрожает, прежде всего, столь опасным для них еще до сих пор намоканием крыльев, а также образованием серьезных дефектов в моторе, которые обычно приводят к внезапному падению самолета. В лучшем случае самолеты, маневрирующие в облаках, не смогут в дальнейшем ориентироваться в направлении полета.

Современный самолет не бронирован. Стремясь к увеличению скорости полета и радиуса действия, что является основным предъявляемым технике требованием в этой об-

¹ В настоящее время на самолетах, снабженных дизель-моторами, достигнуто почти полное глушение звука и при работе мотора на полной мощности. — Ред.

ласти, до сих пор никто не решился на столь значительное увеличение его тяжести.

Однако, самолет новейшего типа располагает уже в настоящее время несравненно более мощным вооружением, чем в 1914—1918 гг. Он имеет радиосвязь, которая позволяет летчику отправлять и получать быстрые и точные сведения, а одновременно с этим дает возможность командованию с большой четкостью управлять эскадрильями. Таким образом, современный боевой самолет оправдывает то почетное место, которое он занял в настоящее время среди главных родов войск в результате технического прогресса в этой области.

* * *

3. Авиация как род войск, в равной степени пригодный и для атаки и для обороны, в будущей войне будет выполнять весьма разнообразные задачи и поручения. К ним относятся: бомбардировка и обстрел с воздуха, разведка, служба связи, перевозки и т. д. Однако, первоочередной задачей авиации будет борьба за господство в воздухе и за овладение им, а также бомбардировка важнейших центров сил противника на суше.

Воздушная атака будущего может быть направлена непосредственно против армии или против ее тылов. Во втором случае она будет направлена на дороги и вообще на пути сообщения, а также на их важнейшие узлы, на склады и материальные парки противника, на привалы и участки местности, в которых расположены его части, на аэродромы и места расположения авиации противника и т. п. Таким образом, цели и объекты, против которых может быть направлена в будущем воздушная атака, весьма многочисленны — особенно в тылу войск, имеющих современную организацию. Усилившееся там в связи с развитием новейших родов войск движение увеличивает возможности воздушного нападения и одновременно с этим усиливает их действительность.

Бомбардировочная авиация, которая до сих пор еще не обладает достаточной точностью попаданий, стремясь к достижению максимальных результатов своей разрушительной деятельности, должна будет в будущей войне действо-

вать массой, в составе целых полков и бригад, нападая, в первую очередь, на видимые, т. е. более значительные цели¹.

Были попытки устранить эту неточность бомбометания, с одной стороны, путем усовершенствования прицельных приспособлений, а с другой — путем использования отличных бомбардиров. Этой же цели соответствует введенный в последнее время метод воздушной атаки на пикировании, по которому самолет падает с очень значительной высоты с максимальной скоростью, почти перпендикулярно цели, и, бросив бомбу с высоты около 200 м, снова поднимается вверх как можно быстрее².

Однако, самых серьезных результатов в этой области могли бы безусловно достигнуть самолеты, обладающие таким значительным диапазоном скоростей, который дал бы им возможность повиснуть на некоторое время почти неподвижно в воздухе над разыскиваемым и атакуемым объектом.

Таким образом, область боевых действий авиации включает в себя многообразные возможности действий большого размаха, задачи которых будут скорее заключаться в прокладывании пути для сухопутной армии и морского флота, чем в самостоятельных поисках решения в будущей войне. Авиация должна в особенности затруднять и задерживать сосредоточение и перегруппировку войск противника, часто лишая его возможности перебросить войска в короткий срок к месту назначения, т. е. мешая вы-

¹ Точность бомбометания, каковы бы ни были применяемые для этой цели снаряды — бомбы большого или малого калибра, зажигательные или химические, равно как небольшие снаряды, применяемые против людских целей, — оказалась во время мировой войны весьма относительной. Известно, например, что вокзал Метц-Саблон очень часто подвергался во время войны 1914—1918 гг. бомбардировке целых воздушных эскадрилий, однако, после подписания перемирия выяснилось, что он находится в довольно хорошем состоянии.

² Как правило, бомба, сброшенная с самолета, имеет такие же шансы попасть в цель, как и орудийный снаряд. Она точно сохраняет свое первоначальное направление, полученное ею при сбрасывании, так как имеет скорость около 500 км/час, т. е. 140 м/сек.

полнению военных действий в переломные и критические, а следовательно, в решающие моменты.

Военная авиация сыграет серьезную роль в прикрытии при условии, что с первого же дня войны она будет способна к развертыванию значительной активности. Во всех случаях политической напряженности и беспокойства она будет тщательно наблюдать за границами государства, а также за значительными пространствами прикрываемого фронта, не проникая при этом на территорию противника. С момента объявления войны разведывательные эскадрильи залетят далеко вглубь неприятельской страны (на 200 и более километров), чтобы разведать главные направления перевозок и передвижений войск противника, а также определить районы их сосредоточения. Эти эскадрильи, проникнув в тыл неприятельских войск, произведут там тщательную и точную разведку. Такая разведка, в общем, даст положительные результаты, даже если противник применит значительные средства охранения, так как ее облегчат многочисленные и потому трудные для прикрытия перевозки, происходящие как днем, так и ночью на всех важнейших железнодорожных линиях, а также на обыкновенных дорогах.

Особенно важно, чтобы прикрытие располагало с самого начала достаточно сильной разведывательной авиацией, способной к проведению как ближней, так и дальней разведки. Эта последняя, находясь в распоряжении главнокомандующего, потребует самолетов с очень большим радиусом действия и мощными моторами. Такие самолеты должны быть способны к полетам на предельных высотах и должны быть снабжены необходимыми навигационными приспособлениями. Ближняя же разведка может производиться эскадрильями средней силы, находящимися в распоряжении командиров крупных соединений прикрытия.

В это же самое время бомбардировочные эскадрильи, состоящие из самолетов со значительным радиусом действия, снабженные отличными наблюдательными приборами, имеющие сильное вооружение и большую грузоподъемность и входящие в состав воздушной армии, произведут массовые атаки на поезда противника, подвозящие войска, и на его автотранспортные колонны, беспокоя одновременно с

этим значительные центры военной промышленности противника и бомбардируя стратегические узлы, отстоящие на сотни километров от границы.

Истребительная авиация будет прикрывать сосредоточение собственной армии от разведки и бомбардировки авиации противника. Она также может участвовать в противовоздушной обороне страны в соответствии с общим планом войны, установленным в основных чертах правительством.

Технический прогресс истребительной авиации (в будущей войне это будут двухместные и многоместные самолеты) позволит ей со временем сопровождать разведывательную и бомбардировочную авиацию далеко вглубь страны противника, что было невозможно во время мировой войны.

Во всяком случае истребительная авиация уже теперь может весьма успешно обеспечивать продвижение и перевозки частей прикрытия от нападения авиации противника, а также принимать серьезное участие в активной противовоздушной обороне важнейших центров и стратегических узлов страны.

Методы действия авиации против живых объектов значительно усовершенствованы со времени окончания войны 1914—1918 гг. Цель этих действий заключается в рассеивании группировок противника, в отрезывании главных резервов противника от поля боя и в их изолировании, в задержке его продвижения и в облегчении собственного наступления. Таким образом, боевая авиация в современной войне должна быть способна к смелым и частым нападениям на места сосредоточения вооруженных сил. Эту роль будет выполнять, прежде всего, так называемая штурмовая авиация, часто применяя бреющий полет, тщательно изучаемый в последнее время в Советской России.

Участие воздушных эскадрилий в сухопутном бою было нередким явлением уже в 1918 г., однако, в то время оно имело скорее моральное, чем материальное значение. Методы и средства подобного рода, в основном, не подверглись с того времени коренным изменениям. Как правило, воздушные действия и в будущем будут заключаться в бом-

бардировке с помощью осколочных, химических и дымовых бомб, а в исключительных случаях — до тех пор, пока не появятся новые изобретения в этой области, — в стрельбе из пулеметов. Как правило, воздушный бой будет происходить днем и его будут вести самолеты, сгруппированные в эскадрильи, летящие довольно низко, чтобы иметь возможность увидеть и атаковать ограниченные, подвижные и мало видимые цели, какими являются войсковые части во время предпринимаемых ими военных действий.

В этих случаях будут применяться следующие способы действий: эскадрильи штурмовой авиации будут летать в строю, дающем возможность обороняться с помощью пулеметов во всех направлениях¹. Эти эскадрильи должны состоять из более легких, т. е. более поворотливых самолетов, гораздо менее нагруженных, чем большие транспортные самолеты, отличающиеся большим собственным весом и медленностью движения. При бомбардировке живых целей будут применяться бомбы среднего калибра, с таким расчетом, чтобы каждый самолет мог взять значительное количество этих бомб (исключением являются бронебойные бомбы и вообще бомбы, предназначенные для обстреливания укрепленных объектов).

При этих условиях задачей воздушных операций и наступления будет в будущей войне прикрытие предварительной подготовки, а также энергичная поддержка наступления танков и моторизованных частей. В обороне же главной целью этих действий будет задержка или даже приостановка продвижения (с помощью тяжелых бомб) наступающих бронечастей противника. В общем, боевая авиация в будущей войне продлит и усилит действительность огня тяжелой артиллерии.

Это — заманчивые и соблазнительные задачи. Однако, они связаны с риском тяжелых потерь в том случае, если

¹ Прикрытие крупной операции бомбардировочной авиации с помощью истребителей в настоящее время невозможно, как это уже было указано выше. Это вытекает из того, что при конструировании истребителей имеется в виду увеличение их скорости и поворотливости, а не радиуса действия (они обычно имеют запас бензина на 2—3 часа полета).

авиация встретит противника, хорошо подготовленного и способного к активной обороне.

Взаимодействие воздушной армии с морским флотом также следует принять в расчет, так как оно в будущем может сыграть большую роль в морском сражении.

Прежде полет над морем был весьма опасен. Вследствие этого вдали от берегов с морским флотом могли взаимодействовать лишь гидросамолеты, пилотируемые опытнейшими морскими летчиками. Впрочем, это взаимодействие было иллюзорным, так как гидросамолет мог держаться на поверхности только при спокойном море. В настоящее время это условие отпадает, так как существуют самолеты новейшего типа с соответственно устроенным фюзеляжем. Кроме того, самолету с несколькими моторами не угрожает в такой степени, как прежде, катастрофа, вызванная механическими причинами. Прогресс в этой области столь значителен, что в некоторых странах проектируют даже включить в независимую воздушную армию всю морскую авиацию, рассматривая ее действия в будущем как самостоятельные действия в большом масштабе. Однако, сохранение некоторого числа воздушных эскадрилий, органически связанных с морским флотом, желательно и в дальнейшем для их постоянного взаимодействия с морским флотом. Независимая же воздушная армия будет взаимодействовать с морским флотом нерегулярно, атакуя, в зависимости от данной обстановки, либо воздушный, либо морской флот противника. Но и эти случаи будут более редкими, являясь в рамках общей деятельности авиации исключением.

Нормальные действия независимой воздушной армии будут, как правило, и в этом случае заключаться в бомбардировке портов и побережья, а также мест расположения авиации противника, по требованию командования морского флота и в согласии с директивами правительства.

В будущей войне весьма значительную роль сыграет все более и более развивающаяся истребительная авиация. Уже в настоящее время ее основой являются двухместные самолеты, годные для использования благодаря увеличению мощности современных моторов. Можно даже предвидеть, что в недалеком будущем самолеты этого типа, частично бро-

нированные и сильно вооруженные¹, будут иметь на борту довольно многочисленный и хорошо обученный экипаж. Эскадрильи, состоящие из самолетов подобного рода, будут, таким образом, в будущей войне весьма грозным противником для независимых воздушных армий.

Воздушная разведка придет на смену дальней кавалерийской разведке. Она доставит командованию сведения, необходимые для своевременного принятия основных решений. Ввиду того, что в современной войне возрастают требования оперативных перегруппировок под прикрытием темноты, разведка должна производиться как днем, так и ночью. В этом последнем случае самолеты будут разведывать местность с помощью осветительных бомб.

Эта разведка может быть чрезвычайно плодотворной, так как разведывательные эскадрильи не будут ограничиваться наблюдениями шоссейных и железных дорог, а будут разведывать весь оперативный район противника в целом. Такое наблюдение, в общем, может быть точным. Благодаря этому наблюдению и применению аэрофотографии будет замечено передвижение моторизованных частей, хотя бы они двигались не по дорогам.

При этом следует отметить, что в современной войне, чреватой резкими и неожиданными кризисами, командование оказалось бы бессильным, если бы не располагало разведкой, действующей постоянно и в большом масштабе. Оно должно быть в состоянии получать необходимые сведения очень часто. Оперативные группы, армии и армейские

¹ В последнее время некоторые специалисты предлагают вооружить истребительные самолеты орудиями вместо пулеметов. Эти последние, вследствие усиливающейся скорости полета, постепенно теряют свои боевые качества; несмотря на это, применение орудия на истребителе всегда будет гораздо более сомнительным. Орудие может производить лишь отдельные выстрелы и действовать против отдельных целей, в то время как пулеметный огонь является непрерывным и покрывает все пространство. Основным преимуществом проектируемого нововведения является большая дальность пушки, чем пулемета. Впрочем, дело идет об орудии весьма малого калибра — от 25 до 35 мм. Но и такое орудие будет иметь второе невыгодное качество: оно будет слишком отягощать легкий самолет, каким должен быть истребитель.

группы должны, таким образом, располагать в будущей войне многочисленными и достаточно сильными разведывательными эскадрильями, иначе их командованию придется действовать вслепую.

Воздушное наблюдение уже в 1916—1918 гг. давало очень большие результаты как в области регулирования артиллерийского огня, так и в области связи между участвующими в бою частями, равно как и в постоянном осведомлении командования.

В будущем воздушное наблюдение встретит гораздо большие, чем в 1918 г., затруднения в результате значительного увеличения меткости стрельбы, которой в последнее время достигла зенитная артиллерия. Однако, с другой стороны, значительно улучшенная организация и усовершенствование связи будут оказывать положительное влияние на существенное улучшение результатов воздушного наблюдения.

Число наблюдательных эскадрилий будет меньше, чем в конце мировой войны, когда каждая дивизия располагала одной наблюдательной эскадрилей. Наблюдение за движением противника на поле боя во время его подготовки к атаке будет, однако, и в будущем необходимо. Без наблюдательных самолетов в будущей войне невозможно вести дальнюю разведку подготовки к быстрым и внезапным ударам со стороны моторизованных тактических единиц и быстроходных танков. Для достижения этой цели они должны будут летать как днем, так и ночью, фотографируя наблюдаемое пространство и поддерживая постоянную связь с командованием при помощи радиотелеграфа. Их задача может быть значительно облегчена в случае применения в будущем самолетов, располагающих максимальным диапазоном скоростей и способных к посадке на любой местности.

Выполнение задачи подобного рода требует применения многоместных самолетов (летчик, наблюдатель, радист, пулеметчик). Однако, эти самолеты могут быть более слабыми и иметь меньшую скорость, вследствие чего они будут дешевле многоместных истребителей, а тем более мощных самолетов, которые войдут в состав самостоятельной воздушной армии.

Наблюдатели на самолетах подобного рода будут обычно набираться из рядов сухопутной армии или же в исключительных случаях — из морского флота. Таким образом, это будет авиация, специально приспособленная к взаимодействию с сухопутной армией; она не может быть применена в рамках воздушной армии там, где, как, например, в Италии, строго соблюдается различие между воздушными силами, предназначенными для взаимодействия с сухопутной и морской армиями, и авиацией, организованной под углом зрения самостоятельных действий.

Одной из задач авиации в будущем может быть перевозка войск. Для переброски пехотного батальона с полным вооружением и снабжением будет достаточно через несколько лет 20 транспортных самолетов большого тоннажа¹.

Таким образом, в будущей войне можно будет перебрасывать на большие расстояния мелкие и специально подобранные части для проведения в тылу противника смелых, точно определенных действий.

При этом следует помнить, что воздушные переброски, даже при их значительной скорости, бесшумном полете и ловкой маскировке самолетов, вовсе не являются безопасными. Если даже перебрасываемые таким способом части избегнут гибели в воздухе, они выполняют свою задачу лишь при наличии исключительных условий. При соответствующей бдительности обороняющегося и при правильно организованной им обороне подобные экспедиции будут постоянно связаны с опасностью потерять весь личный состав и те самолеты, которые перебрасывают его вглубь

¹ Большие транспортные самолеты в недалеком будущем, безусловно, смогут поднимать несколько десятков пассажиров. Таким образом, для перевозки батальона в составе военного времени потребуется свыше 10 самолетов этого типа. К этому надо добавить вооружение, продовольствие и боеприпасы, которые требуют на земле: 2 повозок по 1 000 кг на роту, 4—5 повозок с тоннажем 1 000 кг на батальон и 16 повозок с тоннажем по 200 кг для пулеметов; кроме того, каждый боец несет на себе около 20 кг груза; все вместе это дает от 15 до 20 т груза, которые необходимо перебросить вместе с пехотным батальоном. Для этой цели потребуется еще 3—4 транспортных самолета.

территории противника. Таким образом, этот род борьбы будет иметь положительные результаты лишь в период разложения противника, например, во время вынужденного отступления, принявшего большие размеры. Занятие заранее намеченных пунктов по пути отступления войск, потерпевших поражение, значительно углубит это поражение. Могут оказаться также особые моменты, когда будет полезно и даже необходимо пойти на риск и произвести воздушный десант. Это относится в одинаковой мере как к отрезанным и окруженным частям, которые, таким образом, мы сможем усилить или доставить им снабжение, так и к важнейшим узлам стратегических путей сообщения, потеря или разрушение которых могут вызвать замешательство и дезорганизацию на стороне противника.

* * *

4. К сожалению, почти не подлежит сомнению, что если в наши дни произойдет война, боевые действия авиации не ограничатся чисто военными объектами. Это тем более вероятно, что, несмотря на постоянное повышение точности воздушной бомбардировки, авиация в настоящее время гораздо более пригодна для действий против больших объектов, чем против более ограниченных и сомкнутых целей.

Каждый цивилизованный человек, если он сохранил еще чувство человеческого достоинства, теоретически осуждает воздушно-химическую войну, тем не менее она является серьезной и реальной угрозой для мирного населения. Не входя в подробности, ограничимся установлением непреложной истины, на основании которой каждое человеческое общество, независимо от провозглашаемых им идеалов и независимо от своих интересов, может успешно отстаивать их лишь с оружием в руках.

Итак, война, как и всякое явление человеческого общества, имеет свой моральный облик. Нельзя, например, отрицать, что Вудро Вильсон, объявляя войну Германии, руководствовался, кроме экономических мотивов, также моральными соображениями. Нарушение бельгийского нейтралитета вызвало в 1914 г. присоединение Великобритании и России к войне на стороне Франции. Германия неоднократно в течение 1914—1918 гг. заслуживала всеобщего

морального осуждения и вследствие этого подверглась политической изоляции, так как считала, что она может безнаказанно пренебрегать общечеловеческими законами.

Несмотря на этот урок, такие германские ученые и техники, как проф. Ганслиан и Бергендорф, решительно поддерживаемые руководящими кругами Третьей империи, утверждают, что химическое оружие является одним из главнейших, имеющихся в распоряжении современной стратегии, и что мощность германской химической промышленности должна обеспечить Германии не только обычный перевес над более слабыми нациями, но и «власть над миром». Ведь, стремясь оправдать (?) и обосновать химическую войну, они вместе с тем подчеркивают, как легко перейти любому химическому заводу к производству нового газа с сохранением тайны этого производства. Впрочем, они теперь так же, как и в 1914 г., глубоко убеждены, что возмущение, вызванное применением подобных принципов, не будет продолжительным, в согласии с положением: «цель оправдывает средства».

Впрочем, не только Германия поддерживает подобную теорию. По мнению ген. Фрайс:

«...нет такой области, которая предсказывала бы столь большие возможности в будущем, как область химической войны. В течение 1914—1918 гг. отравляющие вещества оказались одним из лучших боевых средств. Этого вполне достаточно, чтобы считать, что химическое оружие всегда будет применяться... Бумажные договоры и соглашения не в состоянии аннулировать этот факт»¹.

Таким образом, не следует питать никаких иллюзий. С того момента, когда Англия, США, Германия, Италия, Голландия и Швеция отказались в Женеве от применения принципа коллективной репрессии к государству, пользующемуся химическим оружием, положение вполне выяснилось. С этого времени значительно возросло количество лабораторий, в которых в настоящее время изучаются ОВ. Применение же химического оружия в соединении с авиацией угрожает всюду, с той лишь оговоркой, что ответ-

¹ Ген. А. Фрайс и майор С. Ж. Вэст, Химическая война.

ственность за их применение будет свалена на того, кто первый проявит инициативу в этом направлении...

Проводникам этой «современной» стратегии нельзя возразить, что рекомендуемые ими методы не сулят успеха. В будущей войне несколько эскадрилий, состоящих из самолетов с грузоподъемностью во много тонн снарядов, содержащих стойкие ОВ, действительно будут в состоянии, если им удастся достигнуть цели, нарушить на продолжительное время жизнь таких больших центров, как Париж, Берлин, Рим, Лондон или Варшава. Впрочем, в этом случае принимаются во внимание не только ОВ. Сравнительно небольшие электронные и фосфорные бомбы, весящие всего лишь несколько килограммов, могут в течение нескольких секунд произвести такие пожары, погасить которые в короткое время будет почти невозможно. Кроме того, в настоящее время существуют двухтонные бомбы, которые, будучи сброшены с высоты 4 000 м, могут разрушить все объекты, находящиеся на пространстве нескольких сот метров, и произвести разрушения в глубину на несколько десятков метров.

* * *

5. Все эти столь многочисленные возможности, непосредственно связанные с постоянным техническим прогрессом в области авиации, являются источником чрезвычайно смелых взглядов на роль авиации в будущей войне. Так, например, Муссолини в своей речи, произнесенной в палате депутатов в июне 1927 г., занял по этому важному вопросу следующую заслуживающую серьезного внимания позицию:

«Необходимо, чтобы наша авиация, в которую я верю все больше и больше, была столь многочисленна и мощна, чтобы шум ее моторов заглушил все другие шумы на всем полуострове и чтобы размах ее крыльев закрыл солнце над всей нашей землей. Достигнув этой цели, мы сможем завтра, т. е. между 1935 и 1940 гг., когда Европа дойдет до нового поворота в истории, заставить других выслушать нас и признать наши права»...

О том, что эти слова не были лишь пустой фразеологией, несмотря на заключающееся в них явное преувеличение,

свидетельствует исключительное развитие итальянской авиации и ее мировые рекорды. Среди этих последних происходивший в 1933 г. итальянский перелет Рим—Чикаго, Нью-Йорк—Рим, в котором участвовали с полным успехом 24 гидросамолета и 100 чел. экипажа, имеет весьма серьезное военное значение.

Приведенные выше слова Муссолини полностью соответствуют знаменитой теории¹, сформулированной ген. Дуэ в его труде «Господство в воздухе»; эта теория предусматривает создание независимой воздушной армии и интегральную воздушную войну. Эта армия должна решить будущую войну. Стремясь, в первую очередь, к господству в воздухе путем уничтожения авиации противника, она должна затем предпринять систематическое наступление против сухопутных и морских сил противника, преодолевая одновременно предполагаемое сопротивление гражданского населения.

Идеи ген. Дуэ имеют своим источником особое военно-географическое положение Италии. 80% итальянских границ — это морское побережье, чрезвычайно чувствительное, вследствие своей протяженности, к одновременному нападению с моря и с воздуха. Сухопутная же граница Италии, проходящая вдоль мощной цепи Альп, очень удобна для обороны. Этим в значительной мере можно объяснить известную формулу Дуэ: «Оборона на суше и на море и наступление в воздухе».

Следует также, между прочим, отметить, что военные приготовления Италии, безусловно, находятся в связи с ее средиземноморской политикой. Мощная воздушная армия позволит Италии в случае европейского конфликта занять сильную позицию на Средиземном море. Эта позиция, быть может, не обеспечит Италии полного господства на этом море, но во всяком случае даст ей возможность производить некоторого рода контроль во время войны и позволит ей играть роль арбитра в средиземноморских вопросах.

¹ Поддержанная с самого начала людьми такого масштаба, как ген. Грациоли, теория ген. Дуэ может в общих чертах рассматриваться как составная часть официальной военной доктрины итальянского генерального штаба.

Кроме того, теория Дуэ не вполне оригинальна и нова. В последний период мировой войны в Англии был построен мощный воздушный флот, с помощью которого Англия надеялась добиться окончательной победы в конфликте, растянувшимся на несколько лет. Как известно, предпринятая попытка не была доведена до конца.

В предыдущих выводах мы высказались уже достаточно ясно, что следует думать о национальной обороне и военной доктрине, опирающихся исключительно на один род войск, пользующихся слишком односторонним методом и наряду с этим приписывающих себе умение предрешать победы в свою пользу. Кроме того, необходимо заметить, что технический прогресс авиации касается в одинаковой мере всех стран, в то время как организация повсюду противовоздушной обороны также значительно шагнула вперед.

Таким образом, действительность массовой воздушной атаки зависит от количества и качества авиации обоих участников и от применения активных средств противовоздушной обороны. Воздушная атака может быть уничтожена в зародыше или нейтрализована авиацией противника. Если даже самолеты достигнут намеченных целей и атакуют их зажигательными или химическими бомбами, то и тогда достигнутые результаты могут не привести к быстрому решению войны, раз оборона страны будет стоять на должной высоте. Стоит при этом отметить, что ее гораздо труднее организовать в странах с большим скоплением населения, как, например, Германии, чем в странах с равномерным распределением населения, как в Польше и даже частично во Франции, — понятно, кроме Парижа и его ближайших окрестностей.

Кроме того, необходимо особенно подчеркнуть, что нация, имеющая прочную моральную спайку, не сдастся так легко в результате нескольких частично удачных воздушно-химических атак на ее города, в особенности, если она располагает хорошей и организованной на современный лад армией, к которой она питает полное доверие и которая будет способна к быстрому нападению на территорию противника.

Воздушные эскадрильи противника подверглись бы, кроме случаев стратегической внезапности, опасности больших

потерь, если бы они попытались выполнить свои задачи, несмотря на атаку истребителей, или если бы они, будучи вынуждены огнем зенитной артиллерии, поднялись на очень большие высоты или же действовали в облаках искусственного дыма, что значительно уменьшило бы точность воздушной бомбардировки.

Что касается ночных полетов, то хотя они и стали гораздо более точными и безопасными по сравнению с мировой войной, но и теперь они будут действительны лишь тогда, когда противник недостаточно подготовился к обороне.

Мощные и сильно бронированные воздушные корабли с очень большим радиусом действия и большой быстроходностью значительно повысили бы ценность авиации как одного из главных родов войск, имеющих решающее значение в будущей войне. Броненосцы подобного рода, вооруженные легкими скорострельными мелкокалиберными орудиями и многочисленными пулеметами и перевозящие на большие расстояния значительное число взрывчатых веществ, были бы грозным оружием, особенно в случае их одностороннего применения в будущей войне.

Таких воздушных дредноутов пока еще нет, хотя уже существуют самолеты, приближающиеся к этому типу¹.

Первым условием победного решения войны с помощью воздушной армии является безусловное овладение воздухом, а затем удержание в своих руках достигнутого, таким образом, господства. А это вовсе не легко.

Борьба за господство в воздухе будет разворачиваться в совершенно иных условиях, чем борьба за ту же цель на земле, где могут быть созданы постоянные фронты, способные к прикрытию занятого пространства и допускающие действительную оборону занятой позиции. Таким образом, они дают возможность постепенно осуществлять ранее установленный план и позволяют приближаться шаг за шагом к первоначально намеченной цели.

В воздухе дело обстоит иначе. Там все течет. В воздухе нет никаких точек и центров опоры, нет естественных

¹ Например, Юнкерс Г-38, построенный в Японии на основе германской лицензии.

препятствий. Так же, как и на море, но в еще гораздо большей степени, противник в воздухе может быть неуловим вследствие ограниченного наблюдения не только ночью, но даже и днем. Кроме того, в то время как новые технические изобретения усиливают обычно обороноспособность сухопутной армии, в воздушной армии дело обстоит как раз наоборот. Там технический прогресс усиливает наступательные возможности авиации, которая, кроме того, коренным образом отличается от сухопутной армии своей способностью к почти неограниченному маневру.

Атакующие самолеты, поднявшиеся на высоту 7 000—8 000 м, в настоящее время недоступны для наземной ПВО. Эта последняя становится все более трудной также вследствие непрерывного роста радиуса действия наиболее современной авиации.

Таким образом, самая сильная воздушная армия не может полностью исключить и заранее пренебречь опасностью воздушного нападения на страну, которой она принадлежит. Прикрытие, которое она может дать сухопутной армии и морским силам, является, по существу, лишь частичным.

Во время мировой войны встречи в воздухе не превышали своими размерами столкновений отдельных звеньев. Они часто ограничивались лишь боем между отдельными самолетами. В будущем необходимо считаться с возможностью значительных боев в воздухе, хотя эти последние легко могут подвергнуться распылению вследствие рассеивания столкнувшихся масс авиации. Воздушный бой в будущем будет похож на большое столкновение кавалерийских масс или на морской бой. Побежденный выйдет из этого боя совершенно разбитым, победитель же будет чрезвычайно ослаблен. На гекатомбы подобного рода не так легко решатся идущие в бой друг с другом противники. Это произойдет лишь в том случае, если один из них будет располагать сокрушительным перевесом в воздухе. В противном случае каждый из них будет пытаться сначала развить до максимальных пределов авиационную промышленность в собственной стране и лишь после этого решится на воздушный бой большого масштаба.

Кроме того, господство в воздухе лишь тогда будет полным и верным, когда авиация противника будет уничтожена. Но воздушную армию противника нельзя заставить принять бой, который будет решающим для ее судьбы. Она почти всегда сможет уклониться от него и вернуться к своим исходным позициям, если в ее состав входят самолеты с достаточной скоростью, если она располагает точной разведкой и если ее руководство стоит на высоте своих задач и находится в крепких руках.

Этими возможностями всегда будет пользоваться более слабый. Поэтому более сильная авиация может легко подвергнуться столь грозному для нее риску преждевременного ослабления, если она будет стремиться ввязаться в бой во что бы то ни стало.

Насколько трудно завязать генеральное сражение в воздухе, если один из участников избегает этого, легко понять, констатируя, что даже тогда, когда оборона своевременно и правильно установит направление воздушной атаки, захватить противника и заставить его принять бой большого масштаба, как правило, возможно лишь при условии обладания более быстрыми и лучшими самолетами.

Короче говоря, чтобы обеспечить себе господство в воздухе, необходимо атаковать авиацию противника у его исходных позиций, стремясь к их разрушению. Регулярное воздушное сражение может произойти лишь случайно, вследствие непредвиденной встречи двух воздушных армий или в случае, если воюющие стороны сознательно стремятся к бою. Такие случаи можно считать в общем исключениями. Как правило, воздушная война будет состоять из ряда атак обеих воздушных армий против наземного авиационного оборудования противника. Пока что это наиболее действительный вид воздушного поединка.

Но и этот прием может со временем потерять свое значение, если вследствие технического прогресса специальные соответственно оборудованные посадочные площадки перестанут быть необходимыми для самолетов, т. е. когда самолеты будут стартовать на любой удобной местности. Если же дальнейший технический прогресс авиации сделает возможной быструю разборку самолетов и их укрытие; если он сделает возможным пребывание самолетов в группах в

открытом поле, подобно батареям полевой артиллерии, и исключит ангары и даже палатки; если, с другой стороны, самолеты смогут в случае их размещения вблизи от фронта пользоваться подземными, выдерживающими бомбардировку убежищами, тогда и этот род боя не даст столь серьезных, а тем более решающих исход войны результатов.

Организованные таким образом авиационные базы будут несравненно менее чувствительны к нападению. Возможность их разрушения не будет в этом случае играть столь важную роль, как до сих пор.

Таким образом, не следует питать преувеличенных надежд относительно возможности полного господства в воздухе, которое, как правило, будет такой же химерой, как полное господство на море. А это и есть предварительное условие успешного осуществления теории Дуэ в будущей войне.

Тем не менее в будущей войне бой за господство в воздухе будет возможен и даже необходим. Без розыгрыша этого боя с положительным результатом в первый период войны проведение мобилизации и сосредоточение вооруженных сил встретились бы с такими большими препятствиями, что нормальное их развитие и дальнейший ход войны могли бы принять неисчислимо в своих последствиях и грозное направление.

Понятно, что будущее может во многих отношениях изменить высказанные взгляды. Впрочем, уже теперь авиация является одним из наиболее мощных рычагов победы. Таким образом, поддерживая тезис, что решение войны по-прежнему зависит от целеустремленного и действительного взаимодействия всех родов войск на суше, на море и в воздухе, необходимо одновременно с этим признать, что значение авиации чрезвычайно увеличилось в течение последнего десятилетия и что она призвана сыграть самостоятельную роль в будущем вооруженном конфликте государств.

* * *

6. Таким образом, не подлежит сомнению, что до тех пор, пока в жизни государств существует риск подвергнуться агрессии и в результате ее — воздушной войне, не-

обходимо при организации государственной обороны серьезно принять во внимание те из взглядов Дуэ, которые гласят о необходимости создания в будущем воздушных армий. Классический образец формирований подобного рода мы имеем в Италии. Независимая воздушная армия должна будет действовать в будущей войне массово, то выступая самостоятельно, то в соединении с сухопутными войсками и морским флотом, как в наступлении, так и в обороне.

В будущем большая часть военной авиации должна входить в состав воздушной армии. Остальные воздушные формирования, органически входящие в состав сухопутной армии и морского флота, могут быть менее многочисленны, так как, с авиационной точки зрения, они будут выполнять второстепенные задачи. Впрочем, эта армия должна быть способна одновременно как к независимым и чисто воздушным действиям, так и к операциям, проводимым совместно с сухопутной армией или морским флотом. Подобные взгляды на организацию авиации в будущем применяются, надо полагать, с большим размахом в Третьей империи. Подобным же образом дело обстоит в Японии.

За исключением Великобритании, позиция которой по этому вопросу до недавнего времени не была выяснена, все другие державы, не исключая США и Франции, проявляют с некоторых пор ясно выраженное стремление в том же направлении.

При настоящем положении вещей военные воздушные силы располагают таким многообразием образцов, которое усложняет и затрудняет организацию воздушной армии. Если бы мы даже исключили разницу, существующую между наблюдательной авиацией и авиацией разведывательной, требующими самолетов одного типа для ближней и другого типа для дальней разведки¹, а также разницу между днев-

¹ Разведывательный самолет должен иметь качества гончей собаки и породистой лошади. Его скорость должна быть равной скорости истребителя и даже превышать ее. Он должен быть способным к достижению высоты 10 000 м, иметь радиус действия, доходящий до 2 000 км, и не должен быть слишком большим, чтобы легче укрываться от противника. Таким образом, это должен быть истребитель, но менее поворотливый и с гораздо большим радиусом действия.

ными и ночными бомбардировщиками, то при сохранении отдельных типов для истребительной, транспортной и санитарной авиации все же приходится считаться с необходимостью существования значительного числа типов самолетов¹.

Вполне понятно, что, с точки зрения техники, рациональная организация воздушной армии, безусловно, требует дальнейших исследований и опытов в области конструкции самолетов в целях ограничения их многообразия. Только этим путем можно рационально организовать во время войны их дешевое и быстрое серийное производство.

В то же время это упрощение облегчило бы в значительной мере хранение самолетов, их ремонт и пополнение, а также обучение пилотов, механиков, конструкторов и вообще технического персонала; наконец, оно позволило бы

¹ Существует некоторая аналогия между ролью, предназначенной для разных типов современных самолетов, и функциями разных подразделений современной конницы, а также ролью военных кораблей разных типов. Это сходство можно видеть из следующей таблицы:

Типы самолетов	Формирования современной конницы	Военные корабли
Разведывательные	Бронеавтомобили, легкие кав. полки	Легкие крейсера
Наблюдательные	Дивизионная конница Конница, приданная корпусам и армиям	Линкоры
Бомбардировочные	Конная артиллерия Тяжелая кавалерия, танки, мощные бронеавтомобили, легкие и быстроходные танки, а также обычные бронеавтомобили	Крейсера
Самолеты связи	Кавалерийские части связи	—
Транспортные самолеты	Конница, возимая на автомобилях	Вспомогательные крейсера
Санитарные самолеты	Полевые госпитали	Госпитальные суда

гораздо свободнее перебрасывать в будущей войне воздушные эскадрильи из одной оперативной группы в другую.

В пользу развития авиации в этом направлении говорят также соображения оперативного характера. Независимая воздушная армия должна являть собою плотную массу с мощным наступательным вооружением. Кроме того, она не должна быть лишена поворотливости и значительной способности к передвижениям. Поэтому ее интересы требуют, чтобы в ее состав входили бомбардировщики одного типа, способные не только к бомбардировке наземных целей, но могущие также обороняться и вести самостоятельный бой в воздухе¹.

Двухместный бронированный и хорошо вооруженный самолет, главными качествами которого попрежнему будут большая скорость² и поворотливость, в будущем должен выполнять роль истребителя и одновременно с этим наблюдательного самолета и самолета связи.

Действия воздушной армии могут успешно развертываться лишь при наличии некоторого коэффициента безопасности. При равной силе самолетов эта цель будет достигнута, если будет обеспечен численный перевес над организованными подобным образом эскадрильями противника.

* * *

7. Воздушная армия лишь тогда выполнит свою роль, когда она будет обладать надлежащей боеспособностью, будет иметь личный состав, близкий к составу военного времени, и будет в любой момент готова к действиям. Отсюда вытекает также для авиации мирного времени указание, согласно которому авиация в материальном отношении дол-

¹ Прототипом такого самолета, впрочем, довольно отдаленным, будет в будущем многоместный и многомоторный бомбардировщик, частично бронированный, с радиусом действия 2 000 км, со скоростью 250 км в час, с мощным вооружением, с грузоподъемностью в несколько тонн бомб. Воздушный флот, составленный из самолетов этого типа, станет первоклассным орудием стратегического маневра и будет играть чрезвычайно важную роль во всеобщей войне, с многочисленными весьма отдаленными фронтами.

² Скорости современных боевых самолетов уже достигают 400—450 км/час. — Р е д.

жна быть настолько сильной, чтобы отвечать требованиям войны до того момента, пока не будут готовы самолеты, произведенные заводами, перешедшими на их производство в период политического напряжения и мобилизации. При этом следует считаться с тем, что из числа самолетов, имеющих на вооружении, к моменту войны не больше двух третей может быть введено в действие, в то время как одна треть должна служить резервом для покрытия первоначальных потерь.

Таким образом, до того, как будет пущено в ход военное производство, авиация данной страны будет сравнительно слабой, что вызовет некоторую осторожность в начальный период ее применения и стремление к отказу от слишком большого риска.

Предусмотренное мобилизационным планом массовое производство самолетов и моторов в нормальных условиях может достигнуть полноты своего развития лишь по истечении приблизительно 12 месяцев с момента пуска в ход промышленности военного времени. С этого же момента воздушные бои усилятся и достигнут, по всей вероятности, колоссального напряжения.

С началом войны, как правило, боевой авиацией будет исключительно военная авиация, существующая уже в мирное время. Тем не менее будут использованы также и гражданские самолеты, в особенности государствами, проводящими политику поддержки больших транспортных воздушных обществ и обуславливающими свою поддержку правом использования крупных транспортных самолетов в качестве бомбардировщиков. Там, где гражданская авиация не получает поддержки, транспортные самолеты по большей части имеют очень малую скорость и их размеры слишком малы, чтобы они могли во время войны служить этой цели. Они по необходимости будут использованы в качестве санитарных самолетов. Туристские самолеты обычно имеют слабые моторы, вследствие чего они могут быть использованы лишь для второстепенных задач. Одновременно с реквизицией во время войны гражданских самолетов будут также призываться на действительную военную службу гражданские летчики и механики, а также обслуживающий их персонал.

Большого внимания требует проблема военного летного персонала. Активный военный персонал, состоящий из пилотов, механиков, бомбометателей, пулеметчиков, радистов и фотографов, набирается в добровольном порядке и обязан в мирное время нести продолжительную действительную службу. Этот персонал должен быть достаточно многочисленным, чтобы создать необходимые резервы, которые должны часто призываться на сборы в целях поддержания тренировки и обучения летчиков на должном уровне. Не следует забывать, что непрерывный рост скорости и высоты полета приводит к тому, что воздушный бой, который уже в настоящее время происходил бы на очень значительной высоте, будет ставить перед летным составом все большие и большие требования. Уже само управление самолетом при наличии специальных кислородных приборов, дающих летчику возможность дышать, становится трудной задачей. А между тем от достижения военными летчиками максимальной четкости и выдержки в значительной степени зависит работа авиации в будущей войне.

2. Территориальная противовоздушная оборона страны

1. Эволюция взглядов.—
 2. Общие условия обороны.—
 3. Активная оборона.—
 4. Пассивная оборона.—
- Выводы.

1. Противовоздушная оборона страны может быть активной и пассивной. Она должна парализовать все возможные формы воздушной атаки. Ее задачей, в первую очередь, является недопущение авиации противника на территорию своей страны. Если же самолеты противника все-таки достигнут своей цели, она должна действительно защищать человеческую жизнь и здания от воздушной бомбардировки, которая может пользоваться зажигательными, осколочными и химическими бомбами, не исключая бомб с болезнетворными микробами.

Еще в последнее время существовали две различных теории противовоздушной обороны: одна чисто оборонительного, а другая наступательного характера. Первая преобладала и до сих пор еще частично удержалась в Англии, причем до настоящего времени требовала для этой цели большого

количества истребительной авиации и зенитной артиллерии. Основой второй, поддержанной в свое время Италией, была бомбардировочная авиация. Истребительная авиация еще до сих пор действует слишком медленно и имеет слишком малый радиус действия; хотя огонь активной ПВО и может действовать почти непрерывно, но он не имеет еще достаточной меткости и вследствие этого необходимой действительности. ПВО, заключающаяся в бомбардировке воздушных баз противника, может быть действительной лишь в предупредительной форме или в виде репрессии. Таким образом, предпочтение и исключительное применение одной из этих систем нам кажется в существующих условиях нежелательным. Этим объясняется последняя, столь характерная эволюция взглядов на ПВО. Правда, Великобритания осталась верной, особенно в отношении метрополии, своей оборонительной системе, основой которой попрежнему являются модернизированные и усовершенствованные истребители с большой горизонтальной скоростью и такой же скоростью подъема¹. Однако, одновременно с этим в Англии в последнее время приступили к организации самостоятельной воздушной армии, без которой действительная ПВО широко раскиданных коммуникационных линий Британской империи была бы в будущей войне невозможна. Наоборот, итальянцы последовательно работают в течение нескольких лет над усовершенствованием своей первоначально слишком наступательной системы. В настоящее время Италия может служить примером организации активной и пассивной ПВО².

* * *

2. Основой и необходимым условием действительности ПВО, каков бы ни был ее характер, является хорошо орга-

¹ Английская истребительная авиация насчитывает менее 200 самолетов. Из них тип Хаукер-Фери (325 км/час) и биплан Хаукер-Демон принадлежат к числу лучших в мире истребителей.

² Итальянская истребительная авиация насчитывает около 350 самолетов. Из них С. Р. 20 и С. Р. 20 бис, вооруженные двумя пулеметами, достигают скорости до 230 км/час и поднимаются в течение 15 минут на высоту 7500 м. С. Р. 30 обр. 1932 г. достигает скорости 342 км/час. Новейшие типы, над которыми ведутся исследования, несомненно, будут еще лучше.

низованная разведка. Она необходима для научно-технических целей в мирное время, если мы желаем избежать грозных неожиданностей в будущей войне. Как боевая разведка, она является первым условием успеха любого оборонительного действия. Наблюдать днем за воздушными эскадрильями противника можно не только с помощью зрения, но также и с помощью слуха. Несмотря на это, даже днем нелегко отличить собственную авиацию от авиации противника. Тем более это справедливо ночью, когда мы можем пользоваться лишь слухом и когда можем ориентироваться лишь по заранее установленным сигналам собственных самолетов.

Если установлено, что противник начал воздушное нападение, необходимо за ним следить непрерывно. С этой целью вся страна, начиная от угрожаемых границ, должна быть покрыта широко разветвленной сетью постоянных наблюдательных постов, связанных с соответствующими центрами и снабженных, по возможности, приборами для подслушивания и наблюдения. Обязанностью этих постов является внимательное наблюдение за воздухом, а также немедленная сигнализация о каждом вторжении неприятельских самолетов. Эта служба должна быть в образцовом порядке.

* * *

3. Лучшим средством борьбы с атакующей авиацией является самолет, несмотря на все его недостатки. Атака исходных позиций противника, ответные рейды и, наконец, принятие воздушного боя — вот три главных рода оборонительных действий. Эти задачи выпадут, с одной стороны, на долю воздушной армии, с другой — на долю легкой противовоздушной авиации, в состав которой войдут в будущем усовершенствованные истребители. Будучи сосредоточены в соответствующих избранных пунктах и готовы в любой момент вступить в бой, они выйдут навстречу воздушной армии противника, чтобы атаковать ее во время полета или вблизи целей наступления и разбить ее или вынудить к отступлению, или во всяком случае не допустить ее до выполнения намеченных ею задач.

Следует, однако, констатировать, что в настоящее время действительность ПВО, проводимой лишь с помощью истребительной авиации, будет весьма ограниченной, за исключением нескольких отдельных случаев. В будущем это положение вещей еще больше изменится не в пользу ПВО, так как скорость бомбардировщиков возрастет еще больше. Истребительная авиация должна располагать временем, необходимым для получения нужных сведений, а также для старта и развертывания контрнаступления, что при значительной скорости больших бомбардировщиков новейшего типа вовсе не является легкой задачей. В результате действительность этого средства ПВО будет зависеть от результатов того соревнования, которое всегда будет происходить между готовностью воздушных средств ПВО и скоростью эскадрилий, выполняющих атаку.

Главная задача авиации, как самостоятельной, так и входящей непосредственно в состав сухопутной армии и морского флота, попрежнему заключается во взаимодействии с этими последними, в борьбе за окончательную победу. Таким образом, интересы дела требуют, чтобы воздушную армию не ослаблять, а также не ограничивать свободы ее действий вменением ей в задачу выполнения ПВО страны, что может являться лишь исключением. Как правило, авиацию нужно привлекать к активной обороне страны только тогда, когда флот противника будет атаковать важнейшие центры в государстве или если воздушные действия противника будут угрожать всеобщей паникой, могущей иметь место в очень взбудораженной стране. Но и в этом случае правительство будет пользоваться эскадрильями истребительной авиации. Воздушная же армия в таких случаях будет использована для предупредительных действий, в виде ответной воздушной атаки на территорию противника. Правительство ни в коем случае не должно допускать, чтобы воздушные силы рассеялись и, таким образом, стали слабыми, что неизбежно, если их использовать для постоянной ПВО отдельных областей страны. Нападение на авиационные базы противника, разрушение аэродромов, ангаров и материальных складов противника с помощью бомб большого калибра является в таких случаях нормальной формой реакции собственной воздушной армии,

Она будет стремиться подавить в зародыше сосредоточение неприятельской авиации, готовящейся к нападению, или предпримет воздушное контрнаступление в ответ на удар противника. Точная подготовка операций подобного рода и соблюдение внезапности обеспечат хорошие результаты.

Во избежание опасности воздушной атаки или по крайней мере для уменьшения ее результатов в 1918 г. избегали группировать воздушные эскадрильи на малых пространствах или же строили специальные убежища для самолетов.

Это последнее средство обходится слишком дорого для многочисленной и сильной авиации и потому трудно осуществимо в будущем. Ввиду этого образцовым типом самолета будущего будет мощный поворотливый самолет, который может производить посадку на любой местности и находится ночью в открытом поле, т. е. самолет, который может обходиться без специально оборудованных аэродромов и ангаров, что в значительной степени затруднит противнику их нахождение.

Однако, как правило, самолет является лишь одним из средств активной ПВО. Ее основой, наряду с привязными аэростатами, является в настоящее время зенитная артиллерия, состоящая из специальных орудий 75- и 105-мм калибра и станковых пулеметов большого калибра — от 13 до 25 мм.

В 1918 г. требовалось в среднем 5 500 артиллерийских снарядов, чтобы сбить один самолет. В настоящее время зенитная артиллерия стала хорошо специализированным и модернизированным средством; ее стрельба одновременно целыми батареями или даже группами батарей, при хорошо организованном руководстве, будет значительно более прозой для бомбардировочной авиации, чем в 1918 г. Этому будет способствовать также то обстоятельство, что самолеты будут во время атаки чрезвычайно нагружены, будут лететь медленно на средних высотах и будут вынуждены снижаться еще более, чтобы бомбардировать с необходимой меткостью земные объекты. Поэтому в настоящее время можно считать, что для того, чтобы сбить самолет, вполне доста-

точно третьей части вышеприведенной цифры¹. При дальнейшем же повышении действительности артиллерийского огня (уже теперь орудия 105-мм калибра стреляют с положительным результатом на высоту 7 000 м) и при наличии достаточно сильной артиллерии активная ПВО, созданная на этой основе, может быть, в общем, действительной в будущей войне.

Во всяком случае мощная зенитная артиллерия вынудит атакуемые ею самолеты подниматься на большие высоты и выполнять многочисленные и бесполезные эволюции, не позволяя им долго кружиться над целью. Таким образом, она значительно ослабит возможные результаты нападения. Если же атакующие эскадрильи будут рассеяны, то отдельные самолеты легко могут стать добычей контратаки собственной истребительной авиации.

Стрельба современной зенитной артиллерии будет действительной в будущей войне как днем, так и ночью при условии, что звукоулавливатели точно установят нахождение авиации противника, а взаимодействующие с ней прожекторы во-время подхватят и постоянно будут сопровождать световыми волнами атакующие эскадрильи. Опыт показал, что если самолет попадает под лучи батареи прожекторов, то летчик, ослепленный светом, теряет направление полета.

Возможно также организовать действительную ПВО против низко летящих самолетов с помощью станковых и сверхтяжелых пулеметов при условии, что они будут в достаточном числе и будут обслуживаться хорошо обученными стрелками. Это заставит самолеты не снижаться ниже 1 000—1 200 м.

В активной обороне воздуха существует разница между войсковой ПВО — тактических единиц, находящихся в движении или на привале, а также батарей, занимающих позиции служб, находящихся на фронте, и т. п. — и территориальной ПВО — пространств, расположенных в глубине страны. Таким образом, необходимо разделить имею-

¹ В настоящее время существуют уже зенитные орудия, обеспечивающие значительно больший прогресс в этой области.

щиеся в нашем распоряжении средства ПВО между этими двумя зонами.

Части ПВО, органически связанные с сухопутной армией, должны постоянно приспосабливаться к передвижениям войск, а также к непрерывно меняющейся боевой обстановке. Таким образом, они должны быть значительно более подвижными, чем части активной ПВО страны. В то же время они должны быть достаточно сильны и многочисленны, так как в противном случае свобода маневрирования прикрываемых ими войск подвергнется в будущей войне серьезным ограничениям со стороны авиации противника. Понятно, что подразделения зенитных пулеметов, которые могут также действовать против танков, должны быть гораздо более многочисленны, чем зенитные артиллерийские батареи. Поэтому, если эти последние будут обычно находиться непосредственно в распоряжении главнокомандующего, который будет их придавать, в зависимости от боевой обстановки и от потребности, отдельным армиям, то группы станковых пулеметов, приспособленных для ПВО, должны входить в состав тактических соединений (каждое из них, от полка включительно, должно располагать пулеметами, способными действовать против авиации). Так, несомненно, будет во всех армиях, хорошо снабженных современным вооружением.

Активная ПВО страны должна быть по разным — и в первую очередь финансовым — соображениям ограничена самыми жизненными районами. Однако, ей необходимо уделить максимум внимания, так как она является одной из основных гарантий безопасности. Уже самый факт существования организации подобного рода заставит противника задуматься, а также затруднит и ограничит его инициативу в области организации воздушных нападений.

* * *

4. Как показал опыт мировой войны, даже наилучшим образом подготовленная активная ПВО, несмотря на наличие многочисленных и значительно усовершенствованных средств, которыми она в настоящее время пользуется, не сможет защитить всю страну от опасности бомбардировки со стороны неприятельских эскадрилий. Вследствие это-

го необходимо одновременно предусмотреть организацию так называемой пассивной ПВО, заключающейся в укрытии или укреплении наземных целей. Чтобы стать действительной, она потребует совершенно радикальной перестройки человеческих жилищ и значительного приспособления современной архитектуры и городского строительства к требованиям воздушной войны.

Таким образом, она потребует, чтобы дома в больших городах строились исключительно из железобетона и в форме американских небоскребов. Вытягивание этих зданий вверх уменьшит объем цели и, таким образом, ограничит действительность будущих воздушно-химических нападений. Устройство специальных железобетонных крыш должно обеспечить от действия легких бризантных бомб, соответствующее же укрепление верхних этажей и фундаментов должно обеспечить их от действия бомб большого калибра. Обеспечение водопроводной сети, газа и электричества путем помещения их в достаточно прочных бетонных трубах; умышленное рассеивание необходимых общественно-полезных учреждений; постройка широких улиц и бульваров, облегчающих движение внутри города; ограничение пешего движения на поверхности до необходимого минимума и организация подземного сообщения для всеобщего пользования; наконец, уменьшение застроенной площади в городах путем перестройки их как в высоту, так и в ширину, при одновременном увеличении свободных и озелененных площадей; перенесение важнейших учреждений из столицы, а из больших городов — тяжелой промышленности и производства взрывчатых веществ; снабжение всего населения противогазами и организация коллективной ПВО путем постройки подземных убежищ, могущих выдерживать удары бризантных бомб и освежающих воздух с помощью фильтрующих аппаратов или с помощью насосов, накачивающих воздух из неотравленных верхних слоев; постройка улиц, дающих доступ ветру и не допускающих концентрации ОВ; отказ от тесных и кривых переулков и малых закрытых дворов— вот, в основном, принципы, которыми желательно руководствоваться при постройке городов, в целях максимального ограничения действия будущего воздушно-химического нападения.

Идеальным решением этой задачи являются города-сады, в более крупных городах — такое устройство, когда все учреждения и торговля сосредоточены в центре, а предместья тонут в садах, где будут расположены лишь жилища¹. Большинство из этих проектов является чистойшей утопией, так как для их осуществления пришлось бы разрушить почти все города на земном шаре. В настоящее время такая густота населения, как в Париже (в 15 раз больше, чем в Берлине и Лондоне), при наличии улиц, переулков, дворов и закрытых со всех сторон дворишков, делает почти невозможной организацию пассивной ПВО.

Направить на ложный путь воздушные эскадрильи противника днем с помощью ложных знаков и строений, а ночью тушением света при одновременном освещении ложных точек — вот дальнейшие и значительно более скромные элементы пассивной обороны. Существуют также проекты эвакуации угрожаемых городов и переброски учреждений и промышленных предприятий в более безопасные районы. Первые из этих предупредительных средств уже в настоящее время дали бы лишь частичные результаты. Вторые же вовсе нереальны. Значительное усовершенствование аэрофотосъемки, а также усовершенствованная разведка и шпионаж аннулируют в будущей войне положительные результаты первого из этих средств. Полная же или даже частичная эвакуация больших городов совершенно неосуществима. Чтобы быть действительной, она должна быть проведена совершенно тайно, что в настоящее время невозможно; с другой стороны, современная авиация, имеющая возможность действовать на территории всей Европы, легко достигнет даже наиболее отдаленных центров. Впрочем, применение эвакуации в большом масштабе воспрепятствовало бы быстрой мобилизации и сосредоточению войск, а также совершенно разрушило бы нормальную жизнь нации, значительно ослабляя ее сопротивляемость во время войны². Разброска же более мелких, но очень важных центров, как, например, прифронтовых железнодорожных узло-

¹ Ср. Вотье, Воздушная опасность и будущее страны, Париж 1931.

² Например, для эвакуации Варшавы необходимо было бы занять все железнодорожные линии более чем на 10 дней.

вых станций, применялась с положительным результатом еще в 1918 г. При их постройке была принята во внимание угроза обстрела с воздуха, благодаря чему обстрел не мог полностью нарушить их работу. Вызванные же обстрелом повреждения обычно бывали легко исправимы.

Прогресс современной авиации указывает на необходимость еще большего расчленения объектов подобного рода. Расчленение, примененное в большом масштабе, приведет во время войны к далеко идущей экономической и административной децентрализации, что находится в явном противоречии с нормальными условиями жизни страны.

В конце концов, придется удовлетвориться постройкой коллективных убежищ по типу, установленному международной комиссией Красного креста, чтобы защитить хотя бы часть гражданского населения от бризантных и зажигательных бомб и ОВ. В первую очередь, они будут необходимы для обеспечения правильного функционирования территориальной ПВО. Они потребуются также для больших вокзалов и заводов, работающих на оборону страны¹. В Италии пытаются использовать для ПВО гражданского населения существующие туннели и метрополитены, приспособляя их для этой цели с помощью дополнительных технических мероприятий².

Рассматривая эту проблему и проекты, связанные с ее решением, необходимо с полным сознанием ответственности отметить, что действительная пассивная защита гражданского населения от действий воздушного и, прежде все-

¹ Для ПВО важнейших промышленных центров необходимо, прежде всего, обеспечить хорошо налаженную связь с разведывательным центром. Каждый большой завод должен иметь, по возможности, собственное убежище, а также постоянные отряды ПВО, состоящие из рабочих и служащих завода; необходимо также иметь собственную пожарную охрану и санитарную службу. Все служащие и рабочие должны иметь противогазы. Весь план пассивной обороны должен быть разработан и изучен уже в мирное время; на территории завода должны быть соответствующие ориентировочные знаки. По тревожному сигналу весь заводской персонал занимает заранее указанные посты.

² Закон от 20 декабря 1932 г. вводит в Италии обязательную реконструкцию туннелей и метрополитенов, чтобы они могли служить убежищем в случае воздушно-химического нападения.

го, химического нападения является химерой. Стремясь по этому пути к максимальному уменьшению потерь, мы будем, прежде всего, заботиться об обеспечении нормального функционирования организации обороны и управления страной во время войны. Но и эту скромную задачу нелегко будет осуществить в финансово слабых странах. В отношении массы гражданского населения очень важно привить ей хладнокровие и дисциплинированность, а также обеспечить должную подготовку в мирное время в области организации самопомощи во время воздушного нападения.

Настоящей и действительной ПВО и ПХО территории страны, если не удастся избежать воздушно-химической войны, этого варварского метода борьбы, можно будет достигнуть в будущей войне лишь с помощью активных средств и предупредительных действий. Эту оборону может обеспечить, в первую очередь, современная воздушная армия, которая должна быть настолько сильной, чтобы задушить авиацию противника, а затем разрушить его оперативные базы или, в крайнем случае, ответить на его неподобающую чувству гуманности инициативу безжалостным нападением на его страну.

* * *

Огромную долю ответственности за организацию территориальной ПВО несут гражданские власти. Как правило, обороной города руководит в этом случае президент или бургомистр, а уезда — староста. Большие города делятся для этой цели на районы, во главе которых должны стоять заранее назначенные комиссары, располагающие собственной разведкой и соответствующим административным аппаратом. На этой организационной ступени будут сосредотачиваться сведения об угрожающей городу или уезду воздушной опасности. Отсюда будут исходить приказы о тревоге, сигналы которой, будучи заранее установлены, известят население об опасности. Отсюда также будут исходить приказы о применении всех средств пассивной обороны (тушение света ночью, прекращение нормального уличного движения, ложные световые сигналы, спасательные действия). Соответственно снабженная и обученная пожарная охрана должна будет заботиться о тушении пожаров, спе-

циальные же отряды будут дегазировать и дезинфицировать зараженные улицы. Организованная соответствующим образом санитарная служба развернет пункты первой помощи для населения, пострадавшего от воздушно-химического нападения.

Выполнение всех этих задач требует большой дисциплинированности гражданского населения и четкой организации перечисленных выше служб и местных органов безопасности.

Таким образом, этот вопрос входит в область действий целого ряда министерств. Военное министерство, министерство авиации и морское министерство обязаны организовать ПВО и ПХО в военном отношении. Министерство внутренних дел руководит той частью организации, которая относится к гражданскому населению. С ним взаимодействуют министерства почт и телеграфов, здравоохранения и общественных работ, а также министерства торговли и промышленности и даже министерство просвещения.

Все эти усилия, охватывающие столь разнородные области государственной жизни, сосредоточиваются в Италии в руках главы правительства — министра национальной обороны, в одном лице.

Ему помогает в этом начальник генерального штаба, располагающий с 1927 г. специальным штабом ПВО, в состав которого входят офицеры сухопутной армии, морского флота и авиации. При нем состоят: совещательный орган в виде высшей комиссии национальной обороны и комитет гражданской мобилизации.

Во Франции в 1931 г. был создан генеральный инспекторат ПВО. По существу, эти две организации ничем не отличаются друг от друга. На практике генеральный инспектор ПВО Франции хотя и располагает довольно значительной самостоятельностью, вынужден всегда обращаться в президиум совета министров, как только потребуются, чтобы намеченные им мероприятия были выполнены соответствующими министерствами. Однако, французская организация стоит настолько выше итальянской, что в случае войны, после исключения оперативных зон из области компетенции генерального инспектора, он может ав-

томатически взять на себя руководство пассивной и активной обороной во всей стране.

Издание специальных инструкций, касающихся общей безопасности и наблюдения за воздухом, а также относительно активной и пассивной ПВО; деление и классификация местностей по их значению и величине на населенные пункты первой и второй категорий; организация во всей стране сети воздушной разведки и сети тревоги; установление постов активной ПВО; накопление необходимого снаряжения и обучение соответствующего персонала; снабжение противогазами той части гражданского населения, которая будет принимать активное участие в ПВО; создание складов противогазов и продажа противогазов широчайшим массам населения; наконец, организация гражданских отрядов пассивной ПВО — вот область компетенции руководства ПВО страны.

Кроме того, это руководство должно быть источником инициативы по всей совокупности вопросов ПВО страны, а также должно внушать гражданским властям необходимость постепенного проведения всех тех работ, которые могут уменьшить степень опасности воздушно-химического нападения для важнейших центров страны.

Условием успеха пассивной коллективной ПВО является соответствующее обучение гражданского населения (этому способствуют рациональная пропаганда и практическое обучение, предпринятые в последнее время в целом ряде стран). Все вопросы, связанные с этой важной проблемой, необходимо решать законодательным путем, как это имеет место в Советской России, Польше и, прежде всего, в Италии, где за последние три года издан целый ряд законов, на основании которых участие в коллективной ПВО является безусловной обязанностью каждого гражданина.

Придавая должное значение территориальной ПВО страны, не следует, однако, забывать, что, согласно изложенной здесь теории, ПВО никоим образом не должна быть организована за счет численности и усовершенствования активных вооруженных сил государства. Способность этих сил к обороне и нападению обеспечивает государству безопасность в мирное время, а в случае войны создает лучшие условия победы. Это в одинаковой степени относится

как к сухопутной армии и военно-морскому флоту, так и к военно-воздушным силам.

Тем не менее, ясно, что если война затянется, то от выдержки, хладнокровия и мужества гражданского населения, а также от организации его ПВО будет в значительной степени зависеть сопротивляемость страны, совершенно необходимая до того момента, когда организованные вооруженные силы добьются решающей победы.

Глава IV

БУДУЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

1. Характеристика мобилизации 1914 г. — 2. Будущая мобилизация и план использования резервов. —
3. Техническое снабжение мобилизованных частей и автаркия. План экономической мобилизации страны. — 4. Материальные мобилизационные склады. —
5. Моральная и политическая мобилизация нации. —

Выводы.

1. До 1914 г. мобилизация, как правило, заключалась в приведении вооруженных сил мирного времени в состояние военного времени. Основой мобилизации повсюду были сильные действующие армии, создаваемые в момент взрыва вооруженного конфликта и предусмотренные штатами военного времени. Это была сравнительно несложная операция. Она опиралась на довольно косные, но несложные и, за некоторыми исключениями, общие для всех стран положения, которые в случае войны применялись автоматически. Она заключалась почти исключительно в призыве запасных и в распределении их по войсковым частям, в реквизиции необходимого имущества и в создании некоторого числа запасных частей, что делалось часто путем дублирования действующих кадров. Все это облегчалось тем, что армия того времени состояла из трех годов призыва. Таким образом, в 1914 г.—так же как и в 1866 и 1870 гг.—преобразование постоянной армии мирного времени в полевую действующую армию почти исчерпывало проблему мобилизации нации.

Согласно господствовавшему в то время мнению, армии, выступавшие на фронт, должны были решить войну с помо-

щью тех материальных запасов и людских резервов, которыми они располагали к началу военных действий¹. Таким образом, достаточно было нескольких дней или, в крайнем случае, нескольких недель (Россия), чтобы достигнуть намеченной боевой готовности мобилизованных армий.

Кроме незначительного и являющегося исключением числа случаев, гражданское население не участвовало активно в организации обороны. Участие же в ней промышленности и всего хозяйства страны было довольно ограниченным, ввиду того, что всюду господствовало предположение, что война будет кратковременна.

* * *

2. Будущая война — будет ли она продолжительной или нет, всеобщей или местной — безусловно потребует интегральной мобилизации нации². Административные кадры,

¹ Размеры мобилизационных усилий данной страны зависели тогда и будут зависеть в будущем от численности населения, т. е. от демографических условий и от экономически-промышленных и финансовых возможностей государства. Сохранение необходимого равновесия между этими двумя факторами гарантировало и гарантирует, в дальнейшем, численность и боевую готовность вооруженных сил. Таким образом, в странах с высоко развитой промышленностью объем их максимального напряжения при мобилизации определялся числом солдат, способных служить с оружием в руках. В таких же странах, как Россия, где проблема людских ресурсов не играла никакой роли, наиболее слабым пунктом мобилизации было снабжение военным имуществом и боеприпасами.

² В этом именно духе итальянское правительство ввело 8 июля 1925 г. закон, на основании которого в случае войны будут использованы для целей обороны все источники национальных сил. На основании этого закона:

— все граждане, как мужчины, так и женщины, и все без исключения организации обязаны материально и морально поддерживать оборону страны и подчиняться «военной дисциплине» (гл. 3);

— правительство пользуется правом требовать от граждан и всех их союзов оказания как индивидуальных, так и коллективных услуг; оно может использовать для этой цели все движимое и недвижимое имущество (гл. 9);

— исходя из нужд обороны государства, правительство может осуществить свои права даже до объявления мобилизации (гл. 15).

промышленность, экономическая жизнь страны и вообще все гражданские службы будут по необходимости подчинены с момента начала войны частичной или полной регламентации в зависимости от той роли, которую они будут играть во время войны. Таким образом, в будущем всеобщая мобилизация будет состоять, с одной стороны, из призыва под оружие всего населения (как это имело место во Франции в 1793 г.) наряду с использованием всех его моральных и материальных средств, а с другой стороны — из мобилизации в тесном смысле этого слова вооруженных сил государства.

Кроме военного развертывания постоянных войск — сухопутных, морских и воздушных, — необходимо будет сразу создавать в стране мощную армию; мобилизовать все области государственной администрации; пустить в ход массовое производство промышленных изделий, с одновременным приспособлением всех хозяйственных областей к нуждам и требованиям войны; подвергнуть точной регламентации всю совокупность жизненных потребностей населения, так как иначе не будет возможности выдержать начинающуюся катастрофу; собрать и пустить в ход намеченный еще в мирное время аппарат пропаганды, чтобы политико-моральное руководство населением, находящееся во время войны безраздельно в руках правительства, выдержало тяжелые испытания. Понятая таким образом мобилизация, даже если она была тщательно подготовлена до мельчайших подробностей, потребует значительного периода времени, чтобы дать должный эффект¹. Ввиду этого, по мнению некоторых, государство, которое решится начать войну, должно будет, прежде чем ее объявить, провести тайно мобилизацию промышленности, что обеспечит

¹ Больше всего времени нужно будет для развития военной промышленности, которая потребует преобразования заводов и набора специалистов в каждой области, а также усовершенствования ее до такой степени, чтобы перейти к серийному производству. Промышленник, который преобразует свой завод для этой цели, будет нуждаться в сроке около 6 месяцев для достижения максимальных результатов. Благодаря помощи государства, этот период может быть сокращен до 3 месяцев. Некоторые утверждают, что Германия может сократить его до 45 дней.

ему решительный материальный перевес над противником, и только после этого приступить к молниеносной мобилизации своих армий.

Рационализация промышленности и накопление необходимого для этой цели сырья позволят очень быстро развернуть выпуск массовой военной продукции, а потому являются логической предпосылкой мобилизации промышленности. Однако, мало вероятно, чтобы страны, подверженные опасности подобного рода, не предприняли со своей стороны всех шагов, необходимых для получения своевременной информации по этому вопросу, и чтобы, кроме политической интервенции на международной арене, они не прибегли ко всем напрашивающимся в таком случае предупредительным мерам. Ведь, они не могут допустить одностороннее сокращение приготовлений к войне, что лежит в интересах противника и дает значительные преимущества его захватническим планам. Таким образом, в будущем возникновению войны будет предшествовать настоящая гонка в области мобилизации и подготовки внезапного нападения со стороны соперничающих между собой государств. Она может продолжаться ряд недель и даже месяцев.

Сокращение срока действительной службы, а также уменьшение контингентов мирного времени привело к тому, что штаты дивизии по сравнению с 1914 г. уменьшились вдвое (с 11 000 до 5 000 чел.); это происходит почти во всех государствах, кроме частей прикрытия и частей высокой боевой готовности (Германия). Все это влияет сдерживающим образом на темпы и ритм мобилизации вооруженных сил государства. Число дивизий мирного времени также значительно уменьшилось по сравнению с довоенным периодом. Эти факты в значительной мере способствуют ограничению первых мобилизационных усилий в будущей войне, а также значительному удлинению сроков мобилизации в том случае, если первый эшелон достигнет таких же пределов, каких он достиг в 1914 г.

Между тем, в будущем необходимо серьезно считаться с очень распространенным в настоящее время стремлением к внезапному нападению с началом военных действий. По-

этому, чтобы исключить возникшее вследствие этого противоречие и избежать вытекающих из этого трудностей, в будущем необходимо эшелонировать мобилизацию. Первый эшелон должен быть так быстро готов к действиям, как этого потребует необходимый в современных условиях минимум безопасности государства.

Достижение этой цели будет облегчено благодаря тому, что внутри страны применяется не такая система мобилизации, как в прифронтовых районах, где проводится индивидуальный тайный призыв некоторого точно определенного числа запасных уже в момент политического напряжения.

Эта система частичной мобилизации обычно обеспечивала до сих пор ее секретность, а также и расчленение. При современных социально-политических разногласиях сохранить тайну будет в этом случае очень трудно (коммунисты в качестве почтовых чиновников). Кроме того, эта система по существу своему имеет много недостатков, из которых главным являются необходимость отказа от опубликования мобилизации и замена его столь трудно выполнимым методом индивидуальных извещений. Поэтому такая система должна быть ограничена до минимальных размеров. Вообще необходимо располагать еще в мирное время специальными боевыми частями, готовыми в любой момент к действиям, на долю которых в случае надобности выпадет обязанность прикрытия.

В будущем, по всей вероятности, произойдет более четкое, чем во время мировой войны, распределение между действующими армиями их общего резервуара людских резервов. Это должно обеспечить необходимый рост армии, а также постепенное заполнение пробелов, возникающих в результате потерь на фронтах, обеспечивая вместе с тем должное функционирование служб внутри страны, и сделать возможной действительную оборону важнейших стратегических узлов, находящихся вне оперативной зоны фронта. Все эти потребности должны быть приняты во внимание в тщательно разработанном и примененном к требованиям современной войны плане использования резервов. В этом плане должны быть также серьезно приняты во внимание экономические потребности страны во время войны.

В будущем не должна быть повторена всеобщая ошибка 1914 г., заключающаяся в использовании почти всех запасных для перехода войсковых частей к штатам военного времени. Это ослабило жизненный пульс страны, проводящей мобилизацию, вместо того чтобы поднять его до того уровня, которого требует война. Это затруднило пуск военных заводов в тех размерах, которые диктовались военными нуждами, исключая одновременно с этим четкую мобилизацию гражданской промышленности. Как в Германии, так и во Франции приходилось впоследствии демобилизовать некоторых солдат для устранения тяжелых последствий первоначальной ошибки.

В результате из числа мобилизованных в течение войны контингентов, которые, кроме США и России, составляли во всех странах, по крайней мере, 17% населения, почти треть была использована вне фронта. Например, во Франции уже в 1915 г. 33% общего числа мобилизованных солдат (а не 12%, как в 1914 г.) несло службу в тылу действующих армий и внутри страны.

Рационализация промышленности, которая в значительной степени сокращает число рабочих, необходимых для пуска заводов в тех размерах, какие требуются условиями войны, в будущем значительно ограничит число солдат, используемых для этой цели вне фронта. Тем не менее, слишком резкий и не считающийся в достаточной степени с потребностями военной продукции отрыв людей от производства приведет в будущей войне, ввиду ее технического характера, к еще более грозным, чем 20 лет тому назад, результатам.

Однако, из этого вовсе не следует, что мы должны согласиться с формулой, на основании которой все квалифицированные рабочие должны в случае войны остаться у своих станков. Подобная специализация может оказаться убийственной для обороны государства; она лишит фронт лучших солдат. Это приведет к обеспечению нужд страны за счет боевых качеств частей, идущих на фронт.

А между тем бой, который в будущей войне будет состоять из быстро следующих друг за другом и связанных в одно целое ударов, потребует большого напряжения сил. Таким образом, современные армии нуждаются в быстрых

и полноценных пополнениях, без которых не может быть сохранена непрерывность действий, — будет ли война позиционной или маневренной. Силы дивизий, принимающих участие в бою, растают очень быстро, если не будет достаточных резервов.

Следовательно, принимая за основу, что каждый взрослый гражданин подлежит обязательной мобилизации, мы должны выработать план распределения мобилизованных запасных таким образом, чтобы нужды фронта и нужды страны были в надлежащей степени обеспечены. То положение, что каждый мобилизованный гражданин должен быть использован во время войны на том посту, на котором он лучше всего сможет служить родине, является, безусловно, правильным. Однако, до 40 лет включительно все способные к ношению оружия мужчины обязаны служить с оружием в руках. Это единственно правильный принцип, и исключения из него могут быть допущены только в случае действительной и неизбежной необходимости. Такие случаи не могут быть многочисленными, так как подобного рода специалисты находятся также среди более старших годов призыва.

Не менее важным вопросом будущего является проблема пополнения офицерского и унтерофицерского состава. Роль начальника-командира в современной войне становится все более серьезной. Его непосредственное влияние на ход событий на поле боя заметно растет. Это вытекает не только из постоянного развития технических средств боя и его ускоренного ритма, но также и из утвердившегося в послевоенное время поверхностного обучения солдат. А, между тем, в современной войне необходимо считаться с еще большими потерями среди командиров, чем это имело место во время мировой войны.

* * *

3. Необходимо иметь в виду, что в будущем дивизии, приведенные в состояние боевой готовности, будут в первой фазе мобилизации обильно снабжены техническими средствами боя и отличным оружием. Однако, сохранение их вооружения на первоначальном уровне будет довольно трудной задачей. Поэтому необходимо считаться с тем

фактом, что качество оружия со временем понизится, а через несколько месяцев войны станет значительно хуже. Для промышленно-развитых и экономически богатых стран это не страшно, так как они способны быстро развернуть свое производство в больших размерах. Страны же со слабой промышленностью при первом же ударе исчерпают свои запасы военного имущества. Пополнение последнего, а следовательно, и организация частей второй очереди, встретятся с тем большими затруднениями, чем слабее шансы развития военной промышленности и чем медленнее темпы этого развития. Часть возникших таким образом прорех должна быть пополнена импортом, причем государства, находящиеся в союзе, должны взаимно заполнять пробелы в этой области.

Однако, никто не может базировать безопасность государства на иностранной помощи, тем более, что будущая война будет, по всей вероятности, всеобщей. Понятно, что в такой войне каждый будет заботиться прежде всего об обеспечении собственных нужд. При современном громадном использовании материальных средств войны, размеры которого невозможно точно установить, их может нехватить и у других. Кроме того, каждое государство должно принять во внимание в своих планах войны возможность быть отрезанным от остального мира вследствие современного развития авиации и подводных лодок. С этой опасностью должны считаться даже такие страны, которым не угрожает окружение, вытекающее из их географического положения. Поэтому основным и категорическим требованием каждой оборонительной системы должна быть в будущем хотя бы относительная промышленно-экономическая самостоятельность и независимость (автаркия) в отношении людских резервов и естественных богатств страны, обеспечивающая главнейшие потребности этой страны во время войны.

Должное пополнение перволинейных войск и мобилизация частей второй очереди в настоящее время невозможны, если изложенная выше основная проблема не будет разрешена положительным образом.

Государства, которые примут участие в будущей войне, будут, безусловно, пользоваться экономическим оружием

в гораздо большей степени, чем до сих пор. Промышленно-экономическая дезорганизация противника, окружение его и изолирование путем блокады, бойкота и нажима на нейтральные государства от мировых рынков и естественных заграничных источников, т. е. от импорта как необходимого сырья, так и недостающего продовольствия, может в современных условиях создать хаос и лишить возможности продолжать военное производство в достаточных размерах. Действительная атака на валюту противника, устойчивость которой является одним из главных факторов военной силы, сделает остальное.

Мы поймем значение факторов подобного рода, если представим себе колоссальный рост расходов, вызванных современной войной, с которой в настоящее время почти неизбежно связана опасность инфляции. Так, например, общая сумма расходов мировой войны превышает в 100 раз стоимость русско-японского конфликта. По д-ру Гаспари, военные расходы Германии в 1914—1915 гг. составляли 1,7 млрд. марок¹, а в 1915—1916 гг. — 2 млрд. марок в месяц².

Энергичные и целеустремленные заботы об экономической самостоятельности и независимости страны, создание и сохранение достаточного, обеспеченного золотом мобилизационного фонда, а также задуманные в широком масштабе мероприятия, необходимые в случае войны для установления максимальных рыночных цен, равно как для введения принудительных норм продовольственного снабжения и отпуска одежды для массы гражданского населения, — вот главные предупредительные средства, с помощью которых можно избежать вытекающей из этого опасности.

Основательно проработанный план экономической мобилизации страны является, таким образом, базой современной системы национальной обороны и необходимым условием ее действительности. Он должен охватывать как сельскохозяйственную продукцию, так и промышленность страны; он должен также целиком использовать нормаль-

¹ По довоенному курсу, 1 герм. марка была равна 46½ коп. золотом. — Ред.

² Д-р А. Гаспари, Экономическая стратегия и руководство войной, изд. Митлер, Берлин 1932 г.

ную экономическую организацию и подготовить главные основы военного производства. Общий мобилизационный план в этой области должен включать отдельные статьи, посвященные важнейшим областям государства и крупным промышленным предприятиям.

Промышленное деление страны применительно к потребностям войны облегчит эту тяжелую и ответственную задачу. При этом необходимо избегать чрезмерного скопления заводов, работающих непосредственно на армию, а тем более их размещения в районе досягаемости неприятельской авиации.

СССР является образцом вполне современной экономической подготовки государства к будущей войне. Основой пятилетнего плана экономического развития страны, утвержденного советской властью в 1929 г., являлось стремление к максимальному обеспечению готовности в этой области.

Произведенная на основе этого плана промышленная реконструкция страны была целиком подчинена требованиям, которые поставит перед СССР будущая война¹. Мощное развитие военной промышленности и правильное размещение ее важнейших центров в безопасных областях страны; должное развитие естественных богатств страны и одновременная забота о необходимой экономической независимости — вот главная основа упомянутых выше советских намерений.

В результате их в центральной промышленной области, охватывающей 10 центральных губерний, была создана новая база металлургической, электротехнической, химической и автомобильной промышленности. Донбасс, занимавший ранее доминирующее место в общегосударственной продукции (около 33% общей продукции, 77% продукции угля, 56,5% железа и 45% химической промышленности), потеряет в ближайшие годы свое первенствующее место. Наряду с ним, кроме приволжских районов и центральных губерний, все более серьезное значение приобретает военная промышленность, сильно развивающаяся на Урале.

¹ Здесь Сикорский грубо извращает смысл и задачи первой пятилетки, утверждая, что пятилетка была целиком (!) подчинена требованиям военной подготовки. — Р е д.

Металлургическая, угольная и химическая промышленность опирается там на богатые залежи каменного угля, различных руд и химического сырья. Кроме того, во втором пятилетнем плане значительное внимание уделено Западной Сибири, которая в ближайшее время должна быть превращена в промышленно-аграрную страну.

* * *

4. Необходимо более полно осветить вопрос о материальных мобилизационных запасах. Известная теория, согласно которой накопление слишком большого количества технического оборудования при современном прогрессе техники очень быстро становится устаревшим, в основе вполне правильна. Кроме того, полностью загруженные мобилизационные склады стоили бы очень дорого. Хранящееся в складах имущество легко подвергается порче, несмотря на самое тщательное хранение. Это является одной из основных причин того, что современные мобилизационные склады обычно не бывают заполнены.

Сказанное относится к снаряжению солдат, но, главным образом, к снабжению их новейшим оружием. Имеющиеся в мирное время материальные запасы должны целиком отвечать требованиям первого периода войны. Дело, однако, заключается в том, чтобы при практическом осуществлении этого, в основе правильного, взгляда не сделать опасного перегиба. Как замена одних образцов вооружения другими, так и экономия мобилизационных материальных запасов армии не могут, как правило, выходить за строго установленные пределы. В противном случае мобилизационные склады частей будут пустовать, а армия в момент неожиданного взрыва войны окажется неспособной к серьезным действиям. Легко может случиться, что, прежде чем будут пущены в ход даже наиболее подготовленные к массовой продукции заводы и прежде чем будет налажено серийное производство подготовленного во время войны наиболее современного типа оружия, мы проиграем войну. Это тем более справедливо, что в настоящее время окончательный результат боя в значительной степени зависит от технического снабжения действующих частей. Таким образом,

определение необходимых размеров первоначального снабжения мобилизуемых войск, гарантирующего их полное использование в первый период войны, и обеспечение их в дальнейшем промышленной продукцией материального снабжения являются в настоящее время проблемой большого значения.

Только такое мощное государство, как США, может себе позволить без особого риска применять вышеизложенную весьма удобную теорию. США располагают неограниченными промышленными возможностями, в то время как их общее военное положение продолжает быть исключительно выгодным. Поэтому длительность периода мобилизации и ее медленные темпы не играют там решающей роли.

В нормальных условиях материальные мобилизационные склады должны быть тем полнее (вне зависимости от числа и силы частей, идущих на фронт), чем слабее военная промышленность страны, чем меньше ее экономическая независимость и чем больше времени потребуется для того, чтобы наладить массовое производство промышленности.

Так как подготовленная в мирное время мобилизация промышленности даст полные результаты лишь после 3, а иногда и 6 месяцев, в зависимости от интенсивности и четкости работы промышленности, то в мобилизационных складах необходимо хранить требующееся на этот срок военное имущество. Не следует забывать, что война будущего будет иметь материальный характер и очень быстрый ритм и что первоначальные операции, если они будут иметь целью попытку быстрого решения конфликта, будут разворачиваться весьма интенсивно.

Поэтому удачное определение количества имущества, необходимого для первоначального снабжения войск, является в настоящее время вопросом первостепенного значения. Снабжение должно быть достаточным, чтобы привести в боевую готовность необходимое число тактических соединений, обеспечивая им одновременно с этим возможность полной активности в первый период войны. Их дальнейшее постоянное снабжение должно опираться на соответственно развитое производство.

* * *

5. Подготовка мобилизации не была бы полной, если бы она не предусматривала в должной степени средств, дающих возможность сохранить во время войны на должном уровне моральные силы населения. Общеизвестно, чего может достигнуть в общественном мнении ловкая, не стесняющаяся никакими средствами и злоупотребляющая великими гуманитарными лозунгами социально-политическая пропаганда противника.

Поэтому в будущем необходимо считаться с усиленной разрушительной деятельностью в этой области. Правительство Третьей империи намерено пользоваться подобной пропагандой всюду, где имеется немецкое национальное меньшинство, используя для этой цели раздутую до размеров обязательной для всех немцев догмы идею национального единства.

Впрочем, этим оружием с успехом пользовались уже в мировую войну, во время которой политическая пропаганда играла серьезную роль. Опираясь на нейтральные государства, противники вели отчаянную борьбу за овладение мировым общественным мнением и стремились сломить моральное сопротивление друг друга. Деятельность подобного рода начала вести Германия, создав с самого начала войны специальные органы в министерстве иностранных дел и в главной квартире¹.

Франция использовала в том же духе свои довоенные культурные учреждения, действующие за ее пределами. Из них так называемый «Alliance Française» («Французский союз») оказал государству весьма значительные услуги. В 1917 г. во Франции был создан мощный «Союз крупных французских обществ против враждебной пропаганды». Созданные позднее специальные учреждения — «Служба пропаганды» при министерстве иностранных дел и «Дом прессы» — вели пропаганду с участием наиболее известных французских писателей и ученых. Эта пропаганда была сосредоточена в «Генеральном комитете инфор-

¹ Центральный орган иностранной службы, организованный в 1914 г., а также орган военной прессы, созданный осенью 1915 г.

маций и пропаганды», призванном к жизни Клемансо в мае 1918 г.

Образцом военной пропаганды большого масштаба была английская организация, действовавшая как в пределах Британской империи, так и в нейтральных странах и на территории противника.

Этой пропагандой первоначально руководил так называемый «Центральный комитет национальных патриотических организаций», а затем призванный к жизни в 1917 г. «Комитет по военным делам» (War aims committee), который начал энергичную борьбу со всеми проявлениями пораженчества внутри страны. Созданное же в начале 1918 г. министерство информации со специальным департаментом наступательной иностранной пропаганды, направленной на неприятельские страны, с лордом Нортклифом во главе, значительно способствовало падению духа австрийской армии, действовавшей на итальянском фронте. Нельзя также недооценивать влияние, которое имел на германскую армию лозунг «освобождение германского народа от ига прусского милитаризма», сформулированный Вильсоном, а также обвинение вильгельмовской Германии в спровоцировании мировой войны.

На фронте пропаганда велась с помощью периодических изданий и листовок, перебрасывавшихся в ряды противника с помощью специальных снарядов, выпускавшихся вначале из мортир, а позднее из полевых орудий и переносимых также обычными детскими воздушными шарами и авиацией, роль которой в этой области еще более усилится в будущем.

Относительно будущей войны существует специальная теория, предсказывающая борьбу во всех возможных областях. Страны с диктаторским строем явно готовятся к наступлению и обороне в области пропаганды. Демократические же страны, уже вследствие самого факта существования в них свободных организаций, имеют гораздо меньше возможностей в этой области. Поддержание общественной моральной силы, опирающейся на полное сознание гражданской свободы, будет в этих странах более легкой задачей. Однако, ее решение требует долгих приготовлений, своевременно начатых еще в мирное время.

* * *

6. Как вытекает из предыдущего, организация рациональной и полной мобилизации, т. е. подготовка войны, чрезмерно усложняется в наше время как в военной, так и в гражданской областях. Поэтому в настоящее время план мобилизации должен быть тщательно разработан во всех отраслях государственной деятельности. В этом плане необходимо отметить руководящую роль министерств в областях, подлежащих их компетенции. Общее же руководство и окончательный план экономической мобилизации государства являются исключительной прерогативой главы правительства; генерал, предназначенный в качестве главнокомандующего, должен, наряду с военным министром, быть ближайшим сотрудником главы правительства.

Трудности, с которыми сталкивается будущая мобилизация, становятся тем серьезнее, чем более научный и промышленный характер имеет война. Она уже теперь требует весьма тщательно подготовленной мобилизации научно-технических лабораторий. В противном случае будет очень мало известно о подготавливаемых противником технических сюрпризах, и невозможно будет быстро ответить на них с помощью нейтрализующих их изобретений. К полной мобилизационной готовности должны особенно стремиться более слабые государства. Сильные, богатые и густо населенные государства, имеющие в своем распоряжении хорошую сеть путей сообщения и крупную промышленность, будут в состоянии проводить свою мобилизацию более быстро и интенсивно. Они имеют значительно большие и более разнообразные возможности в этой области и могут применять, в случае надобности, всеобщую или частичную мобилизацию, одновременную или расчлененную во времени, предпринятую тайно в период политического напряжения или организованную явно в момент официального объявления войны.

В общем, проведение интегральной мобилизации требует в настоящее время полной, четкой и хорошо функционирующей организации, серьезного изучения и чрезвычайно тщательной подготовки. Кто это во-время осуществит, тот приобретет мощный рычаг успеха в будущей войне.

Глава V

ЗНАЧЕНИЕ ВНЕЗАПНОСТИ¹ В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

1. Виды внезапности во время войны. — 2. Роль внезапности во время войны 1914—1918 гг. — 3. Стратегическая и тактическая внезапность в современной войне. — 4. Техническая внезапность. — 5. Роль внезапности в бактериологической войне.

1. Как известно, стратегическая внезапность обеспечивается сохранением втайне подготовки большого наступления настолько долго, чтобы у противника не осталось времени для переброски на угрожаемый участок фронта более значительных резервов (речь идет о резервах главнокомандующего, т. е. о стратегических резервах).

Тактическая внезапность обуславливается скрытием исходного положения, дня, часа и вообще всех условий, сопровождающих наступление, чтобы противник не смог организовать на угрожаемом участке оборону, способную отразить нападение. Таким образом, в решительный момент его огонь окажется несогласованным. Этот огонь часто будет направлен впустую, а первые оборонительные линии будут застигнуты врасплох, в то время как местные резервы не успеют прийти на помощь и не смогут успешно повести контратаку.

Техническая внезапность вызывается применением на поле сражения неизвестных до этого противнику средств (танки, ОВ, самолеты нового типа).

Идеалом является осуществление полной внезапности, охватывающей все три вышеперечисленных области.

¹ Автор произвольно в одном и том же смысле употребляет то термин *zaskoczenie*, то термин *niespodzianka*. — Ред.

* * *

2. В первый период войны 1914—1918 г. достижение внезапности было довольно легкой задачей вследствие быстро менявшейся боевой обстановки и возможности предпринимать наступление без долгих и видимых приготовлений. Контрнаступление 5-й французской армии (Гиз 26/VIII 1914 г.) и появление 6-й армии на Марне (15/IX 1914 г.) были выполнены совершенно неожиданно для Германии.

В период позиционной войны, с ноября 1914 г. до конца 1917 г., организация ударов на укрепленные позиции требовала продолжительных технических работ большого масштаба, заранее обращавших на себя внимание противника. Поэтому в указанный период не было речи о стратегической внезапности, лучшим доказательством чего являются наступление Жоффра 25 августа 1915 г., наступление Нивеля 16 апреля 1917 г. и германское наступление 21 февраля 1916 г. на Верден.

Длительная артиллерийская подготовка, продолжавшаяся обычно в течение нескольких дней и имевшая целью уничтожение препятствий по пути движения пехоты, исключала также и тактическую внезапность (бой на Сомме в 1916 г.). Во всех этих случаях противник располагал достаточным временем, чтобы принять предохранительные меры и укрепиться на угрожаемом участке. Поэтому результаты наступлений подобного рода обычно бывали незначительны или даже равнялись нулю.

В период частичного возрождения маневра, наступивший в 1918 г., большинство имевших значение участков фронта уже было достаточно подготовлено к действиям. Предварительные приготовления в этот период были очень коротки, благодаря чему стала возможной стратегическая внезапность.

Германия сумела сочетать стратегическую внезапность с тактической путем ограничения артиллерийской подготовки несколькими часами и применения химических снарядов (метод полк. Брухмюллера).

Союзнические войска достигли со временем еще больших результатов, обходясь вообще без артиллерийской подготовки или ограничивая ее несколькими минутами, благо-

даря изобретению танков и применению их на поле боя (контрнаступление Манжена 18 июля 1918 г.).

Так как в конце 1918 г. обе стороны стали принимать меры для сохранения тайны и сосредоточение войск, как правило, производилось ночью, а артиллерийская подготовка была заменена химическими атаками и танками, то в этот период наступило возрождение тактической внезапности, заключавшейся в быстрой организации наступления и резком его развертывании вглубь расположения противника. Тем не менее, внезапное нападение на противника на поле сражения попрежнему оставалось трудной задачей, вследствие медленных темпов сосредоточения сил и затруднений, связанных с начальным ударом. Этот последний был сравнительно легким лишь в исключительных условиях. Так, например, в контрнаступлении Манжена 18 июля 1918 г. были с успехом использованы лесные массивы у Виллер-Коттере.

3. В будущей войне стремление захватить противника врасплох и усилить внезапность станет требованием, из которого будут исходить при составлении плана боя. Снабжение современных армий техническими средствами самого последнего образца и значительно лучшее умение пользоваться этими средствами, чем это имело место во время мировой войны, — все это будет в гораздо большей степени способствовать действиям подобного рода. Применение моторизации позволит производить внезапное сосредоточение сил. Благодаря танкам и авиации артиллерийская подготовка может стать излишней. В будущем могут также в значительной мере отпасть полевые военно-инженерные работы, предпринимавшиеся прежде перед каждым большим наступлением, так как теперь могут быть устроены и применяться на довольно значительном расстоянии от фронта отлично скрытые технические и продовольственные склады, снабжение же действующих частей будет происходить с помощью автотранспортных колонн.

Соответственно использованные дымовые завесы дадут возможность прикрыть движение собственных войск даже в открытом поле и предпринять операцию в любое время дня, невзирая на артиллерийский огонь противника.

Под их прикрытием механизированные бригады, располагающие тяжелыми и хорошо бронированными танками, будут стремиться прорвать фронт, используя всю громадную ударную силу, которую они развернут в атаке. Этот прорыв фронта будет использован быстроходными танками, после чего механизированная конница бросится в пробитую таким образом брешь, чтобы использовать успех. Масса бомбардировочной авиации окажет мощную поддержку этим действиям. Оперативная перегруппировка войск будет происходить очень быстро. Перебрасывая затем моторизованные и механизированные части войск на другой участок фронта, мы сможем повторить вышеописанный эксперимент и предпринять новые попытки захвата врасплох до тех пор, пока противник не будет совсем отброшен.

Так может разворачиваться бой за укрепленные позиции. Следующие друг за другом поочередно в пространстве и во времени удары, связанные в одно органическое целое, будут напоминать метод Фоша времен 1918 г., но значительно улучшенный, так как он будет опираться на чрезвычайно мощную технику, которой еще не было в то время. Подобные резкие удары могут быть применены даже против сильно укрепленных позиций, их гораздо легче будет организовать, и они будут гораздо более действительны в обычной местности и в маневренной войне. Их целью всегда будет стремление разбить части противника, дезорганизовать его группировки по фронту и в глубину, а затем разрушить посредством ударов, направленных, по возможности, на фланги и тылы.

Будущая война будет состоять из неожиданных и резких кризисов, которые приведут к поражению одной из действующих сторон, а именно той, которая в мирное время будет пренебрегать организационной подготовкой, необходимой для парирования вытекающей из этого опасности.

4. Техническая внезапность всегда оказывала большое влияние на ход войны; размеры этого влияния зависели от важности данного изобретения. Во время крымского конфликта французская пехота, вооруженная нарезным ору-

жием, заставляла батареи русской гладкоствольной артиллерии, снаряды которой (полные) были недействительны на расстоянии свыше 1 000 шагов, прекращать стрельбу уже на расстоянии 800 шагов. Русская же пехота, вооруженная гладкоствольными ружьями, совершенно не могла сладить с французской пехотой. Эта разница в вооружении была одной из главных причин поражения русских. Прусская артиллерия была значительно выше французской, что также оказало решающее влияние на ход событий 1870 г.

Одной из неожиданностей, подготовленных центральными державами к мировой войне, было массовое применение сверхтяжелых осадных орудий.

Техническая внезапность играла большую роль на протяжении всей мировой войны, особенно же в период позиционных боев, когда захват противника врасплох стал почти исключительно научно-технической проблемой.

Так было во время организации неожиданной для союзников массовой химической атаки в 1915 г. Такой же характер имело применение в бою на Сомме в 1916 г. французских самолетов Спад, а позднее английских танков, сосредоточенных в большом количестве в 1917 г. под Камбрэ. Все эти внезапности были вызваны техническими новинками, примененными на поле сражения должным образом, т. е. в наступлении. Если, несмотря на это, они не дали непосредственных и решающих результатов, то только потому, что не были использованы в таком размере, который обеспечивал бы полную и верную победу. Кроме того, применявшее их командование не было в достаточной степени подготовлено к немедленному использованию достигнутого ими первоначального успеха. Это относится, в первую очередь, к немцам, попытка которых перевесить в свою пользу чашу весов с помощью ОВ не дала результатов именно по этим причинам.

В значительно меньшей степени это относится к англичанам и их попыткам решить мировую войну с помощью изобретенных в Англии и примененных массой, т. е. правильно, танков.

Однако, немцы, наученные опытом, рационально применили в конце войны мощные минометы, которые производили громадные опустошения в рядах союзников и, имея зна-

чительный перевес над траншейными орудиями противника, обеспечили Людендорфу крупные победы в марте и мае 1918 г.

Однако, ни одна из перечисленных внезапностей не может идти в сравнение с тем, что нас ожидает в будущей войне¹. Фактором, решающим успех каждого нового военного изобретения, является безусловная тайна, которая должна окружать массовое производство нового средства боя. Тогда каждое значительное улучшение военной техники станет для противника опасным вследствие своей неожиданности. Оно может нанести смертельный удар стране, не располагающей достаточно развитой промышленностью и научно-технической мыслью. После такого внезапного нападения последняя не сможет быстро ответить новым изобретением, нейтрализующим пагубные результаты нового оружия.

Поэтому необходимо считаться с фактом, что сохранение подобного рода тайны при благоприятствующих обстоятельствах почти всегда возможно. Международный контроль вооружений, а тем более наблюдение Лиги наций, не поможет, если тот, кто готовится к таким действиям, пожелает сохранить тайну. Гораздо более действительным средством является собственная разведка.

Подготовка такого рода может быть раскрыта благодаря болтливости прессы и парламентским прениям, которые, к сожалению, более возможны в странах, руководствующихся демократическими принципами, чем в странах с диктаторским строем.

Не подлежит сомнению, что послевоенная Германия усиленно и действительно работает над полным использованием техники для военных целей и что она готовит в этой области много внезапностей. Лучшим доказательством является, между прочим, «карманный» крейсер, превышающий, благодаря примененным на нем изобретениям, силу и боевые качества других судов этого типа.

¹ Английский устав полевой службы (ч. II, 1929 г.) гласит, что внезапность является наиболее действительным и наиболее сильным оружием. Устав считает внезапностью новые средства боя, новые способы применения старых средств, быстроту и силу действия.

Германская техническая мысль всегда играла главенствующую роль в области военных изобретений. Германские ученые отличались решительностью в стремлении достигнуть недостижимого. Поэтому немцы были и являются весьма искусными в области научно-технической подготовки войны.

Не следует игнорировать вытекающую из этого опасность. Ведь, и подводные лодки сначала подвергались насмешкам, а потом стали синонимом всеобщей угрозы. Разве самые компетентные специалисты не считали этого замечательного изобретения утопией до тех пор, пока оно не проявило своей разрушительной деятельности, ставшей столь чувствительной для противников? Бдительность и осторожность в этом отношении являются, безусловно, необходимыми. Это особенно справедливо относительно возможных изобретений в области воздушно-химической войны.

Во время мировой войны авиация не имела достаточно данных, чтобы стать орудием внезапности. Она была связана с местностью, расположенной вблизи от фронта, группировалась всегда на направлении намеченных ударов, не могла отказаться от обращающего на себя внимание оборудования и часто подвергалась воздушному нападению противника. В будущем это будет не так. Быстрое развитие гражданской авиации и постройка многочисленных аэродромов, из которых большинство окажется во время войны большие услуги воздушной армии, особенно в странах, где общества гражданской авиации подчинены воле правительства (Германия, Италия), постоянный рост радиуса действия боевых самолетов, значительное улучшение связи, позволяющее соединить действующие эскадрильи с фронтом и с командованием, находящимися на большом расстоянии, в значительной степени освободили авиацию, обеспечивая ей значительно большую свободу действий, и ослабили узы, связывавшие ее ранее с землей. В настоящее время она может гораздо свободнее принять ту или иную группировку внутри страны. Искусно сосредоточенная на центральных позициях или разбросанная на сравнительно большом пространстве, она может оставаться незамеченной противником, являясь, таким образом, серьез-

ным элементом захвата неприятеля врасплох. Вследствие этого возможность организации внезапных воздушных нападений значительно возрастет в будущем, — особенно, если мы будем располагать самолетами, способными к посадке на любой ровной местности без специального оборудования, а также если самолеты можно будет быстро разбирать, чтобы их скрыть.

В будущем воюющие стороны будут стараться произвести еще до объявления войны внезапное нападение на противника с помощью могучего воздушного флота.

Однако, величайшей внезапностью будущей войны может стать массовое применение боевых химических средств.

Химические средства включают в себя, наряду с использованием электричества на расстоянии (кроме ультрафиолетовых лучей, относящихся еще к области фантазии), возможность достижения максимальной технической внезапности. Досыгаемость и применимость химического оружия в будущем значительно улучшатся. Уже теперь не подлежит сомнению, что существуют ОВ, не требующие благоприятного ветра и исключительно сухого воздуха, чтобы быть примененными в атаке. Кроме того, как вытекает из сдержанных заявлений Габера и Ганслиана, в Германии подготавливается радикальное изменение существующих методов химического нападения, которое до сих пор было в полной зависимости от атмосферных условий и требовало слишком многочисленных и тяжелых машин. Таким образом в будущей войне ОВ сыграют серьезную роль не только в позиционной, но и в маневренной войне, что многократно усилит их значение и сделает их серьезным оружием нападения врасплох.

Применение ОВ в массовом количестве в будущей войне решительно изменит ее лицо. Их влияние на организацию армии и на характер ее действий будет могущественно и может быть сравнено лишь с аналогичной ролью такого знаменитого изобретения, каким было изобретение пороха.

Все специалисты, а также участники международной анкеты, организованной Лигой наций по вопросу химической войны, категорически утверждают, что она направлена «одновременно и на фронт и на все население противника, на его богатства и на источники его силы».

Этой теории отвечает взгляд, что «каждое рассуждение о будущих возможностях должно считаться с действиями против масс вражеской нации», а также что «современная война порвала со старым принципом, на основании которого ее острие должно быть направлено лишь против неприятельской армии», и, наконец, что «объектом будущей войны явится вся нация, а ее театром—неприятельская страна на всем ее протяжении»¹.

С положениями подобного рода отлично гармонируют тезисы, на основании которых²:

«...в настоящее время война больше, чем когда-либо, означает борьбу за существование. Современная же борьба за существование наций не признает никаких ограничений со стороны договоров и параграфов, как не признает и никаких моральных указаний. Рыцарство принадлежит тому времени, когда войну вели профессиональные армии. Оно немыслимо в такой период, когда нации борются за свою жизнь. И если даже теперь, после страшных переживаний последней войны, нации украшают себя знаком благородной гуманности, то надвигающаяся война превратит все это в ничего не стоящий лист бумаги, подобно тому, как это случилось с аналогичными обязательствами во время мирового конфликта наций».

Третья империя серьезно готовится применить в будущей войне принципы этого рода. Современные германские ученые и философы совершенно открыто провозглашают беспощадную войну, которая будет безжалостной и для гражданского населения. Как известно, индивидуальная и коллективная ПВО очень трудна. Находящиеся до сих пор в употреблении противогазы имеют поглотители весьма ограниченного действия. Они защищают организм лишь от некоторых точно определенных ОВ. Против других ОВ их фильтр недействителен. Этот факт положил начало соперничеству и постоянной гонке, которая существует в течение ряда лет между изменяющими свой состав ОВ и противогазами. Этот факт станет источником серьезнейших

¹ Ген. Бухсинек, Война вчера и завтра Берлин 1930.

² Майор Зольдан, Человек и война будущего, Берлин 1925.

технических внезапностей в будущем конфликте государств. Те же замечания относятся и к известным способам защиты всего тела от ОВ.

Кроме того, ближайшее будущее принесет нам серьезные неожиданности в области тактики химической борьбы. Уже теперь существуют сильно раздражающие химические средства, с помощью которых можно вести действительную атаку против противогазов. Они раздражают, несмотря на противогаз, дыхательные пути бойца, вынуждая его сбросить, несмотря на всю дисциплину, противогаз в тот момент, когда ему угрожает неминуемая смерть от другого ОВ. До сих пор стремление к изобретению идеального противогаса, защищающего от всех известных и неизвестных ОВ и от способов борьбы подобного рода, не дали положительных результатов. Кто изобрел бы подобный универсальный противогаз, — что, впрочем, может быть вопросом науки, техники и времени, — и кто наряду с этим располагал бы безусловно действительным ОВ, тот достиг бы решительного перевеса над противником в будущей войне.

* * *

5. Бактериологическая война, абсолютно и категорически осужденная ассамблеей Лиги наций в 1929 г., до сих пор не принимается серьезно во внимание. По общему мнению профессоров Пфейфера, Борде, Мадсена и Кэннона, бактерии как носители эпидемических заболеваний в настоящее время не являются слишком опасным оружием, однако, лишь при том условии, что атакованная сторона организует надлежащим и современным образом свою оборону. Каждую эпидемию можно приостановить сравнительно быстро с помощью соответствующих предохранительных средств, не допуская ее массового распространения. При настоящем положении вещей бактериологическая война, по мнению этих ученых, является утопией. Но человеческая изобретательность может в будущем изменить это положение.

Впрочем, сдерживающим моментом в применении во время войны болезнетворных бактерий до сих пор является опасность перенесения эпидемии в собственные части

и в собственную страну, что является гораздо более опасным в маневренной войне, чем в позиционной. Если бы, однако, удалось избежать этой опасности, то пришлось бы серьезно считаться с применением в будущей войне этого, пожалуй, жесточайшего средства войны. Заражение проточных вод и источников бактериями холеры, чумы, сыпного тифа и сапа при использовании для распространения бактерий авиабомб грозит катастрофическими последствиями государству, которое будет неожиданно застигнуто такими методами борьбы. Поэтому совершенно необходимо проявлять максимальную бдительность. Можно не допустить распространения эпидемии, применив во время предохранительные прививки как людям, так и животным. Несравненно труднее справиться с эпидемией, принявшей уже массовый характер. Поэтому соответствующая организация общественной гигиены, а также не отстающая от научного прогресса готовность в области военной бактериологии, наряду с хорошей научной разведкой, являются серьезным вопросом в современной обороне страны.

Глава VI

ВЫРАБОТКА ПЛАНОВ В ПРЕДВИДЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Общий план будущей войны.—2. План сосредоточения.—3. План прикрытия.—4. План стратегических перевозок в период сосредоточения.—5. План организации тыла.—6. План операции.

1. Общий план будущей войны

Интегральный характер современной войны, вероятность участия в ней целой коалиции, последовательность государственной политики и, прежде всего, принцип безопасности страны, основные и наиболее жизненные интересы государства, а также главные элементы его силы и слабости— вот основные факторы, определяющие характер решения вопросов государственной обороны и оказывающие в то же время решающее влияние на установление общего плана войны.

Военная часть этого плана в своей окончательной формулировке является делом главнокомандующего и высшего военного совета, причем должна укладываться в общие, заранее установленные правительством рамки. В задачи правительства входит также согласование предполагаемых военных действий с политическими целями и экономическими возможностями государства. Так как никто не может точно предвидеть характер, а тем более ход развития вооруженного конфликта в будущем, то основной план войны должен ограничиться лишь установлением общих вех, которые должны быть настолько общими, чтобы их

в дальнейшем можно было применить к реальным условиям и обстоятельствам.

Понятно, что все государства придают большое значение союзам, от которых также зависит конструкция общего плана войны.

Однако, военные и политические договоры являются не чем иным, как архивными документами, если им не соответствуют действительные и искренние моральные обязательства заключивших их государств и если они не опираются на прочные и позитивные интересы этих государств.

В настоящее время военные соглашения еще менее гарантируют их продолжительность, чем политические договоры. Их выполнение зависит от подготовки, предпринятой еще в мирное время, а эта последняя находится в прямой зависимости от средств, которых так трудно добиться для этой цели, тем более, что общественное мнение, не зная содержания и обязательств тайных соглашений, обычно противится выполнению вытекающих из них обязательств.

Впрочем, военные договоры и точно определенные конвенции проявляют в последнее время решительную тенденцию к все более и более явной потере своего прежнего значения. Бесчисленные пакты и договоры, которые непрерывно заключаются и изменяются, приучили нас к слишком частой ревизии договоров международного значения. Правительства все чаще избегают точно сформулированных и далеко идущих обязательств, а парламенты слишком часто отмежевываются от правительств при ратификации документов подобного рода. Если мы, с другой стороны, примем во внимание трудности, которые, по всей вероятности, возникнут во многих странах в момент взрыва войны, когда дело коснется выполнения принятых в договорах обязательств и когда нужно будет принять положительную интерпретацию «*Casus-foederis*»¹, мы легко поймем, что в настоящее время почти все государства гораздо более изолированы в отношении своей безопасности, чем это было в прошлом.

¹ Обязательство выполнить условия военного союза.—
Прим. перев.

С другой стороны, настоящее состояние международной безопасности, на первый взгляд удовлетворительное, а в действительности весьма несовершенное, может задержать и усложнить выполнение существующих военных соглашений. Все эти договоры прямо или косвенно входят в состав пакта Лиги наций, в согласии с которым необходимо, прежде чем провести их в жизнь, точно определить агрессора. Сформулирование ясного и решительного ответа на этот вопрос, часто завуалированного с определенной целью, будет на практике трудно, а иногда даже невозможно. Обычно первые выстрелы во время войны бывают автоматическими. Однако, каждая из сторон — безразлично, верит ли она в свои слова или не верит, — будет утверждать, что именно противник предпринял первые шаги. Дискуссия, которая продолжается и до сих пор о том, кто начал войну 1914—1918 гг., является классическим примером трудностей этого рода. Впрочем, нападающий всегда сможет создать себе юридическое оправдание, умышленно пользуясь для этой цели более или менее ложными аргументами. Метод подобного рода применяло германское правительство, обвиняя Францию, что она начала военные действия в 1914 г. воздушной атакой на Нюрнберг, а также распространяя всеми средствами легенду о вольных бельгийских стрелках, чтобы оправдать нашествие на Бельгию и связанные с этим репрессии. Поэтому каждое правительство, разрабатывая план предполагаемой войны, должно считаться с фактом, что его союзники если и предпримут интервенцию, то по необходимости сделают это с некоторым опозданием.

Таким образом, в этом плане необходимо ограничить первоначальные намерения и предвидеть все, что сделает возможным их выполнение с помощью имеющихся в нашем непосредственном распоряжении сил, т. е. на тот случай, если наши союзники не сразу выполнят ранее принятые ими на себя обязательства.

Кроме гарантий безопасности страны, что составляет первую задачу ее обороны, целью каждой войны является одоление противника. Поэтому правительство и сотрудничающий с ним будущий главнокомандующий обязаны точно определить эту цель в каждом конкретном случае и изло-

жить методы, а также выделить средства, которые могут обеспечить возможность их выполнения. Это выполнение вовсе не будет легким. В 1914 г. Германия была убеждена, что завоюет Францию раньше, чем Россия будет готова начать операции. Как известно, в действительности было иначе. В августе 1916 г. Гинденбург и Людендорф создали новый план войны, на основании которого центральные державы должны:

«покончить с Румынией, сохранив в прежнем виде свои позиции на всех других фронтах; создать во всех странах четверного согласия новые боевые соединения и усилить военное производство».

Эти цели были осуществлены лишь наполовину. Также и в наше время Польша должна иметь особенно удачный и основательно разработанный план войны, чтобы этим путем уравновесить численный перевес своих вероятных противников. А так как географические условия не будут для нее выгодны в случае войны, то необходимо, чтобы правительство и военное командование сосредоточили свои усилия для преодоления этих отрицательных качеств и попытались даже превратить их в полезные для собственной страны.

Однако, не подлежит сомнению, что и Польша, несмотря на эти невыгодные условия, должна будет в случае вооруженного конфликта, в первую очередь, рассчитывать на собственные силы. Поэтому она должна стремиться во что бы то ни стало к усовершенствованию своей армии, которая должна располагать четким мобилизационным аппаратом и способностью к быстрому сосредоточению. Основательная подготовка армии и надлежащее снабжение современным техническим снаряжением, а прежде всего моральное, политическое и социальное единство нации — будут играть решающую роль в этом отношении.

В настоящее время лучшей гарантией безопасности страны является ее материальная и моральная сила. Когда в 1922 г. союзники заняли Рурский бассейн, Германия, несмотря на все свое возмущение, не могла выступить против этого с оружием в руках, так как на стороне Антанты было не только право, но и сила. Также итальянцы могли

безнаказанно бомбардировать остров Корфу в 1923 г., так как Греция не располагала необходимыми средствами, чтобы организовать действительный протест.

Эти факты ясно показывают, какое значение имеют для каждой страны ее собственные силы. Подчеркивая одновременно с этим относительность военных и политических соглашений, они, однако, не исключают необходимости обеспечения себя в политическом отношении от войны. В данном же случае дело идет не только о заключении всевозможных формальных соглашений. Не менее важным является дружественный нейтралитет со стороны государств, могущих оказать материальную помощь воюющим сторонам в виде готового военного снаряжения или в виде сырья, необходимого для поддержания массового военного производства. Эта проблема особенно тяжела для государств с незначительной степенью экономической самостоятельности. Не следует забывать, что страны, вполне независимые в экономическом отношении от других стран, являются редким исключением. Они не всегда способны заменить недостающее соответствующими суррогатами, что, как известно, отлично умеет делать Германия.

Если бы одной из стран угрожала война с несколькими противниками сразу, то правительство этой страны должно было бы при разработке плана войны определить наиболее опасного противника, т. е. того, которого необходимо, в первую очередь, задержать и победить. При изучении такого вопроса нужно было бы принять во внимание интересующие это государство границы, характер местности, род военных действий и соответствующее распределение сил между отдельными оперативными театрами. Например, Польша не должна была бы базировать свою стратегию на изнурении противника, так как в случае продления войны время действовало бы ей во вред, а ее противникам на пользу.

Только в редких случаях будут доступны предвидению и учету все возможности будущей войны и все внутренние и внешние факторы, которые примут в ней участие. Поэтому нельзя заранее принять точное решение, наиболее близкое к одной из столь многочисленных гипотез. Как

правительство, так и командование должны очень часто довольствоваться предвидением наиболее вероятных случаев, принимая те из решений, которые меньше всего подлежат дискуссии.

В настоящее время чрезвычайно трудно определить, хотя бы с приблизительной точностью, вероятные силы противника, вследствие более или менее скрытых вооружений и в силу того различия, которое существует между военными организациями отдельных стран. Когда-то — еще до введения системы обученных резервов (Пруссия 1806—1813) — достаточно было иметь общие сведения о финансах противника и знать его военные штаты мирного времени, чтобы иметь возможность с достаточной точностью определить силы, которыми он будет располагать во время войны, так как эти силы лишь незначительно возрастали после мобилизации¹. Каждая страна, как правило, определяла размеры своих усилий, сообразуясь с военными возможностями противника и основывая свой военный план на определенных, таким образом, силах. Неожиданности и крупные ошибки были в этом отношении редки, так как армии, направлявшиеся в то время на фронт, представляли собой почти всю военную силу государства. Восстановление же этих сил в случае поражения было невозможно вследствие почти полного отсутствия обученных резервов.

В настоящее время эти условия подверглись коренному изменению. Война, какую мы знали еще в XVIII в., — с ограниченными целями и точно определенными рамками, — является устарелым типом с того времени, когда занятие провинции или взятие крепости, хотя и очень важных, уже не предрешает ее окончательного результата. Кроме того, в настоящее время существует громадная диспропорция между численным составом мирного и военного времени. В настоящее время в случае конфликта все население государства берется за оружие, чтобы вступить в смертельный бой за свое существование.

¹ Лишь Польша со своим всеобщим (дворянским. — Ред.) ополчением, охватывавшим всех военнообязанных и боеспособных мужчин, была некоторого рода исключением из этого правила.

Современная война разжигает до максимальной степени национальные, а часто и расовые антагонизмы и ставит перед борющимися сторонами проблему жизни и смерти. Она втягивает в борьбу все источники экономической, промышленной и финансовой силы борющихся друг с другом человеческих группировок. Вследствие этого общий план войны зависит, в первую очередь, от правительства. Он стал зависеть от правительства с тех пор, как мобилизованные силы нации стали поглощать всю его энергию.

В общем плане войны следует предвидеть и соответствующим образом рассчитать расход военного снаряжения, в том числе боеприпасов, и обеспечить их пополнение. В будущем необходимо избежать ошибки, заключающейся в недооценке значения этого вопроса, что имело место в начале мировой войны, когда после первого сражения на Марне недостаток боеприпасов парализовал действия германской армии. Точно так же в 1915 г. недостаток оружия приостановил действия русских, а в начале 1918 г. недостаток людей стал чувствительным у англичан.

Если бы в будущей войне произошел подобный кризис, то он имел бы чрезвычайно опасные последствия для окончательного результата борьбы.

Мы поймем важность и значение этой проблемы, если вспомним, что в 1918 г. каждая из великих держав, участвовавших в войне, расходовала в среднем 200 млн. патронов в месяц и производила около 200 000 снарядов в день. Чтобы удовлетворить столь значительные и все возрастающие потребности, необходимо предвидеть громадный рост военной промышленности. Исходные данные общего плана войны должны быть установлены правительством окончательно, чтобы главнокомандующий мог изучать и уточнять в пределах возможного главные элементы плана, относящегося к использованию имеющихся в его распоряжении сил.

Эти данные должны быть ограничены лишь минимальными пределами и относительно точными предположениями, связанными с политическим положением страны и ее военным положением. Слишком точные указания не дадут возможности заранее предвидеть ряд событий и лишь за-

держат дальнейшее приспособление к условиям момента. В случае продления конфликта необходимо будет развить и дополнить план войны. С другой стороны, директивы, касающиеся военной политики, могут быть изменены во время хода военных действий в результате вызванных ими фактов.

В таком случае правительство должно определить новые цели войны, обеспечивая одновременно с этим средства, необходимые главнокомандующему для достижения этих целей. В отличие от прошлого, в настоящее время каждый план войны должен считаться с воздушными нападениями противника, которые могут произойти уже через несколько часов после объявления войны или даже в момент ее взрыва. Независимо от роли, какую в данной стране приписывают воздушной армии, можно утверждать, что каждый из противников будет пытаться произвести резкие и неожиданные воздушные нападения как с целью задержки или приостановки мобилизации и сосредоточения сил противника, так и с целью воспрепятствования его первым операциям. Поэтому очень важно заранее знать, хотя бы в общих чертах, опасность, заключающуюся в нападениях подобного рода, чтобы иметь возможность определить их досягаемость и силу и в результате этого выработать план организации активной и пассивной ПВО страны. Если мы пренебрежем этой работой, а также если превосходство авиации противника будет слишком значительным, противник сможет это использовать, развертывая особенно сильные воздушные действия в начальный, т. е. наиболее критический, период войны. При этом следует, прежде всего, предусмотреть действительное прикрытие больших мобилизационных центров, являющихся обычно значительными политическими и промышленными центрами, а также важными узлами путей сообщения, особенно чувствительными к воздушным нападениям. Не меньшее внимание необходимо также обратить на возможность удержания и обороны внешних путей сообщения страны, связывающих ее с границей. Если противник овладеет этими путями и отрежет их, то это может поколебать, а в некоторых случаях сделать невозможным выполнение всего плана войны.

2. План сосредоточения

Целью этого плана является стратегическое развертывание мобилизованных сил при поддержке частей прикрытия. Его сущность заключается в распределении тактических соединений между отдельными армиями согласно их задачам. План сосредоточения является основой для составления плана перевозок.

Вся эта работа не была бы слишком длительной и сложной, а составление плана перевозок не встретило бы особых затруднений, если бы этот план мог быть установлен заранее в мирное время в форме, не подвергающейся значительным изменениям, и если бы в случае войны он мог развертываться автоматически (план Шлиффена в 1914 г.).

Но такое точное предвидение никогда не было возможным. Тем более это невозможно теперь, когда значительно усилилась роль непредвиденных факторов и когда реагирование противника, а также быстрота вызванных этим путем изменений обстановки не могут быть учтены и установлены даже с приблизительной точностью. Поэтому в настоящее время необходимо всегда предусмотреть и подготовить возможные изменения оперативных предположений и вытекающие отсюда варианты перевозок. Так, например, во французском плане XVII было предусмотрено, что армия ген. Ланрезака¹, которая в нормальных условиях должна была сосредоточиться в районе Сэн-Менегу, в случае надобности могла быть переброшена на Маас к северу от Вердена и выйти там на линию фронта. Это был единственный вариант в данном плане; оказалось, что его было недостаточно, чтобы реагировать на результаты, вызванные глубоким обходом армий, сосредоточенных на правом фланге германского фронта. Тем более гибким должен быть план в наше время.

Тем не менее, командование может подготовить в мирное время лишь ограниченное количество вариантов. Технические условия путей сообщения навязжут нам этот способ действий. Обычно после этого устанавливается общий совместный план, действительный почти в любой обста-

¹ Неверно: речь идет о IV армии Лангль-де-Керн. — Р е д.

новке и заключающий важнейшие варианты, относящиеся к наиболее вероятным предположениям. Если же создавшиеся условия потребуют непредусмотренных заранее изменений в плане перевозок, то придется прибегнуть к перегруппировкам, импровизированным во время операций и вследствие этого более продолжительным и заключающим в себе риск беспорядка и хаоса.

Таким образом, план сосредоточения должен быть составлен так, чтобы осуществленное на его основе стратегическое развертывание позволило применить любой маневр, который главнокомандующий сочтет выгодным в условиях военной действительности. Вследствие отсутствия этих условий германская главная квартира приостановила в июле 1870 г. выгрузку войск в районе Майнца, предположенную первоначально в Саарском бассейне; затем она могла перебросить на Саар свою 2-ю армию под косвенным прикрытием 1-й, сосредоточенной на линии Витлих—Трир; это не привело, однако, ни к сосредоточению совокупности всех сил, ни к решающему бою, проектированному на Сааре.

С 1870 г. чрезвычайно выросли массы сосредоточиваемых в случае войны войск. Таким образом, задача заключается в том, чтобы собрать их в одно удоборасчленимое и гибкое целое, могущее быть использованным в условиях встречной действительности. Основные распоряжения по сосредоточению зависят от физической и политической географии страны, а также от сведений о противнике, с которым мы начинаем войну. В совокупности они должны отвечать оперативным намерениям главнокомандующего.

Эта проблема сравнительно несложна, если угрожаемая граница является единственной и узкой (Бельгия в 1914 г.), или если план войны опирается на единственную и точно определенную гипотезу (план Шлиффена). Она усложняется в случае необходимости оборонять границу большого протяжения и если при этом необходимо иметь дело с несколькими противниками (план Конрада фон-Гетцендорфа 1914 г.).

В этом последнем случае рекомендуется ограничить до необходимого минимума силы, предназначенные для обороны каждого из фронтов, чтобы создать возможно более

сильные общие резервы, не разделяя их заранее между отдельными оперативными театрами (что имело место с резервами Гетцендорфа в 1914 г.), а группируя в центральные позиции с целью сохранения их до того момента, когда военная обстановка выяснится в достаточной степени. При этом необходимо обеспечить себе все средства, нужные для последующей переброски этих резервов в назначенный момент на тот участок фронта, который будет признан главным, как это имело место в октябре 1914 г. в период, когда австрийские резервы были переброшены из Сербии в Галицию.

Наконец, стоит отметить, что сохранение глубочайшей тайны и быстрота стратегических перебросок попрежнему являются основными условиями успеха; мировая война вполне доказала это.

3. План прикрытия

Разница, имевшаяся в 1914 г. между враждебными сторонами в отношении продолжительности их сосредоточения, не была очень значительной. Эта разница колебалась в пределах от нескольких часов до нескольких дней, если исключить Россию, где мобилизация и сосредоточение войск вследствие большого протяжения входящих в состав этого государства областей требовали нескольких недель.

В будущей войне это положение может подвергнуться коренному изменению. Продолжительность сосредоточения будет функцией чрезвычайно разнородных в настоящее время условий, а также результатом уступок, сделанных на основе ложно понятых пацифистских тенденций и предполагаемого арбитража Лиги наций.

Уже теперь в Европе существуют такие государства, которые применили частичное разоружение и приняли военную систему полумилиционного характера, в то время как другие страны стремятся всеми путями достигнуть максимальной военной готовности и доводят имеющийся в их распоряжении военный потенциал до высокой степени мощности.

Вполне очевидно, что страны с системой медленной мобилизации могут в случае взрыва новой войны очутиться

в очень опасном положении, если их географическое положение не представляет особых выгод. В этом случае даже страны, хорошо подготовленные к обороне, могут быть парализованы внезапным нападением со стороны моторизованных тактических соединений и авиации противника.

Поэтому в настоящее время необходимо располагать действительной системой прикрытия, удачно приспособленной к возможностям страны и намерениям предполагаемого противника.

Как правило, план прикрытия должен быть разработан с таким расчетом, чтобы обеспечить успех двух главных задач прикрытия, заключающихся, с одной стороны, в прикрытии мобилизации и сосредоточения армии, а с другой — в обеспечении государственной территории.

В настоящее время первая задача важнее, потому что она заключается в прикрытии интегральной мобилизации государства, которая может продолжаться от нескольких дней до нескольких недель (эшелонированная мобилизация), считая с начала политического напряжения. Наоборот, время, необходимое для прикрытия сосредоточения армии (прикрытие выгрузки войск вблизи границы), сейчас, в общем, довольно непродолжительно; безопасность обеспечивается войсками, в состав которых входят части прикрытия.

Прикрытие государственной территории является новой задачей, неизвестной в 1914 г. В настоящее время оно необходимо, так как современная война заключается в использовании всех человеческих и материальных ресурсов. Если бы об этом думали в 1914 г., то, быть может, Франция сохранила бы бассейн Бриз, а также каменноугольные и промышленные районы на севере.

Средства, находящиеся в распоряжении прикрытия, будут заключаться, в первую очередь, в использовании действующих частей, расположенных вблизи границы и способных явиться к месту назначения в возможно более короткий период времени¹; кроме того, это будет погра-

¹ Их пропорция в различных странах неодинакова и зависит от того, расположены ли действующие части вблизи угрожаемых в случае войны границ и не имеют ли они других задач.

ничная охрана или части «Греншуща», а также запасные части, организуемые в случае надобности очень быстро (24 часа), затем вообще вся авиация и вся кавалерия и, наконец, жандармы, таможенная и лесная стража, выполняющие роль полицейского надзора. Все эти части должны, в основном, выполнять задачу прикрытия.

Интенсивность выполнения задачи прикрытия будет зависеть от сведений о противнике. В период первоначального напряжения будет достаточно довольствоваться наблюдением и закрытием границ с помощью частей пограничных гарнизонов и мелких запасных частей, сформированных в последний момент.

При дальнейшем росте военной угрозы необходимо укрепить это прикрытия действующими частями, перебрасываемыми изнутри страны на границу, и путем призыва запасных в гораздо большем масштабе.

В этих условиях организация прикрытия в будущей войне не может разворачиваться автоматически и безо всякой гибкости, как это имело место в 1914 г. Она должна производиться распоряжением правительства, так как является политической задачей, правильное решение которой обеспечит стране безопасность, не внося замешательства в жизнь населения и в международные отношения.

В период политического напряжения прикрытия границ государства обеспечивают командиры корпусов, подчиненные министру национальной обороны.

В случае объявления всеобщей мобилизации роль прикрытия должен будет выполнять первый эшелон мобилизованных частей, находящихся исключительно в распоряжении главнокомандующего.

Как правило, прикрытия будет заключаться в организации обороны. По существу, даже сильные части прикрытия окажутся относительно слабыми по сравнению с протяжением границ, что найдет свое выражение или в слабой их защите или в отсутствии необходимых для наступления резервов. Постройка постоянных укреплений, между прочим очень дорогих, даст возможность сэкономить перволинейные части. Благодаря этому можно создать более сильные и многочисленные резервы прикрытия, которые должны быть, по возможности, моторизованы и механизированы.

рованы, чтобы иметь максимальную подвижность и наибольшую силу удара.

Непрерывная разведывательная служба и весьма активная авиация будут необходимы, чтобы во-время направлять резерв прикрытия на угрожаемые участки.

Организованное таким образом прикрытия должно полностью обеспечить крепкую оборону границ и давать возможность прибегать в случае надобности к энергичным контратакам; оно имеет возможность сломить противника, даже располагая ограниченными силами. Однако, и в этом случае командование должно требовать от правительства, в случае частичной мобилизации противника, чтобы она немедленно приняла такие же меры защиты, иначе страна может очутиться под угрозой катастрофы.

Во всяком случае необходимо заранее подготовить закрытие на границе всех важнейших направлений, ведущих в страну; это закрытие должно произойти в момент тревоги, для воспрепятствования на бегу моторизованных частей и кавалерии противника. Применение такого рода средств защиты является одной из первых задач прикрытия.

Правительство должно указать еще в мирное время и в соответствии с общим планом войны, какие, по его мнению, области являются наиболее важными и какие из них требуют особенно сильного прикрытия. Таковыми могут быть, например, главнейшие экономические и промышленные центры, которые не должны подвергаться опасности попасть в руки противника даже на короткий промежуток времени.

В некоторых случаях прикрытия страны может быть осуществлено путем предупредительного наступления против частей противника, производящих сосредоточение¹. Однако, это довольно трудный метод, так как он требует значительной подготовки собственной армии и полной свободы действий с политической точки зрения.

Подобных результатов можно достигнуть гораздо меньшими усилиями, занимая позиции впереди собственных пра-

¹ Этот метод был принят во внимание в Сербии в 1915 г. после получения сведений о подготовке германо-австро-болгарского наступления.

ниц. Однако, подготовка наступления подобного рода еще в мирное время является трудной как с военной, так и с политической точки зрения. Поэтому она весьма редко предусматривается заблаговременно.

К действиям подобного рода можно также прийти косвенным и даже вынужденным путем, а именно тогда, когда наступление, направленное на внешнюю территорию, потерпит неудачу, и частям, участвовавшим в наступлении, придется занять оборонительные позиции.

Нормальное решение проблемы прикрытия заключается в занятии оборонительной позиции в пределах своей государственной территории, возможно ближе к границам. Это — средний, но верный вид прикрытия, хотя и не столь выгодный, как два предыдущих. Он будет применяться в большинстве случаев и, в первую очередь, слабо вооруженными странами, в то время как могущественные государства могут применять первый или второй вариант.

4. План перевозок стратегического сосредоточения

Войска, мобилизованные внутри страны, должны быть переброшены в районы сосредоточения. Необходимо перевести миллионы людей и громадное количество военного имущества с помощью наиболее быстрых средств сообщения, так как эта предварительная операция должна совершаться в кратчайший срок. В 1914 г. она продолжалась во Франции и Германии около 12 дней, не считая перевозок частей прикрытия. Положительное решение этой задачи требует налаженной и мощной сети путей сообщения, а также заранее установленного точного плана.

В 1914 г. стратегические перевозки в районы сосредоточения происходили почти исключительно с помощью железных дорог; лишь весьма ограниченные пешие переходы выполнялись частями, мобилизованными вблизи районов сосредоточения. С военной точки зрения, железная дорога является отличным перевозочным средством: один поезд вмещает батальон пехоты или одну батарею; средняя скорость такого поезда составляет на хорошо подготовленных к интенсивному движению линиях 25 км/час; число поездов на каждой линии может быть 70—90, а на хорошо

устроенных перегонах — до 120 в сутки, в зависимости от состояния железных дорог. Неудивительно, что железные дороги стали с 1870 г. главным средством стратегических перевозок. В течение мировой войны они были основой французских оперативных перевозок, давая несравненные образцы технической четкости. Так, например, во время германского наступления 21 марта 1918 г., когда был поколеблен английский фронт в районе Сен-Кантен, на угрожаемый участок фронта за 10 дней было перебросено 1376 оперативных поездов с французскими резервами, не считая связанного с этой переброской подвоза снабжения. В конечный период мировой войны роль железных дорог как перевозочного средства значительно усилилась, а производимые с помощью железных дорог переброски войск дошли до неизвестных ранее размеров.

Снабжение продовольствием и боеприпасами тоже происходило с помощью железных дорог. Успешно выполняя перевозки снабжения, а также эвакуацию, железные дороги освобождали до некоторой степени армии от лишнего балласта. В отдельные фазы войны они позволяли сосредоточивать и распределять людей и средства боя, являясь в руках командования одним из наиболее мощных орудий. Они также давали возможность предпринимать неожиданные удары или организовать в угрожаемых местах оборону с помощью быстро перевозимых сил. Требования, которые война поставила перед железными дорогами, превзошли все расчеты и приготовления, произведенные в этом отношении в мирное время.

Однако, перевозки с помощью железных дорог имеют также и недостатки, так как не обладают достаточной гибкостью. Из этого в течение мировой войны вытекало значительное расхождение между требованиями стратегических перевозок и их выполнением, а также ограничение маневра и отсутствие гибкости. Каждая находившаяся в поле армия располагала обычно в направлении фронта одной железнодорожной линией. Она была тесно связана с этой линией. Оторваться от этой жизненной артерии она могла лишь под угрозой весьма значительных затруднений в снабжении, что придавало ее оперативным продвижениям слишком односторонний характер.

В связи с громадным ростом боевой авиации и дальнотбойной артиллерии возникли новые затруднения.

Воздушные нападения чрезвычайно опасны для железнодорожных перевозок. Известные и четко вырисовывающиеся на местности железнодорожные пути и крупные вокзалы, виадуки и мосты будут являться в будущем даже ночью уязвимыми целями для воздушной бомбардировки. Железные дороги имеют значительное количество подобного рода узлов. Их разрушение может серьезно приостановить железнодорожное движение, вызывая тем значительные задержки в перевозках, и при современном развитии авиации сделает их частично даже невозможными.

Поэтому в настоящее время наряду с железнодорожным и конным транспортом видное место занимает автомобиль. Последние изобретения в этой области — специальные шины, гусеницы, значительное увеличение тоннажа и скорости, правильное функционирование и т. п. — заставляют предполагать, что в будущем роль автомобиля значительно возрастет.

Применение автомобилей обеспечит перевозкам значительно большую гибкость, чем использование для этой цели железных дорог. Понятно, автомобиль не может дать такую высокую производительность. Нормальный поезд равен, приблизительно, 100 трехтонным грузовикам и проходит за сутки около 600 км, т. е. дает в 3 или 4 раза больше, чем могут дать перевозки по грунтовым дорогам. Таким образом, задача автомобильного транспорта заключается, в первую очередь, в устранении недостатков железных дорог.

С другой стороны, автомобильные колонны даже на достаточно ограниченных расстояниях загромождают дороги, которым придется попрежнему, хотя и в меньшей степени, служить для конных перевозок, а в прифронтовой полосе и для пешего движения.

Транспорт, пользующийся машинами на гусеничном ходу и способный к продвижению как по дорогам, так и вне их, а следовательно, способный преодолевать бездорожную местность, был бы идеальным решением этого вопроса. Применение подобного транспортного средства облегчило

бы сохранение тайны, а также непосредственное обслуживание поля сражения. Гусеничный транспорт особенно популярен в странах со слабо развитой сетью железных и шоссейных дорог, поэтому его можно считать лучшим транспортным средством и надо верить в его будущее. Следует, однако, констатировать, что в настоящее время он еще не может быть использован для перевозки значительных количеств войск и больших масс военного снаряжения. Поэтому гусеничный транспорт придется дополнять конным транспортом, на который можно положиться, хотя он и является очень медленным. Эта медлительность в будущем может его сделать анахронизмом. Однако, в настоящее время, даже в государствах, располагающих мощным автотранспортом, лошадь, которую в момент мобилизации легко реквизируют в сельском хозяйстве десятками и даже сотнями тысяч, попрежнему останется в армии, дополняя два главных и основных в ближайшем будущем средства сухопутного транспорта, т. е. железные дороги и автомобили.

Водный транспорт очень выгоден, особенно при больших расстояниях, для перевозки значительных тяжестей и эвакуации раненых. Он является вспомогательным средством, которым не следует пренебрегать, тем более, что организация подобного транспорта легко осуществима и несложна. Морской транспорт применяется для целей сосредоточения теми государствами, которые могут обеспечить ему безопасность. Транспорт с помощью подводных лодок слишком ничтожен, чтобы его можно было в настоящее время серьезно принимать во внимание.

Некоторые специалисты считают, что вследствие непрерывного прогресса авиации воздушные линии станут в будущем серьезным средством транспорта. Однако, в настоящее время воздухоплавательные (т. е. легче воздуха) средства очень дороги, немногочисленны, мало выносливы, уязвимы и вовсе не подходят для этой цели; грузоподъемность же самолетов очень незначительна. Перевозки на самолетах могут быть приняты во внимание лишь в отдельных исключительных случаях, о которых было уже сказано раньше, и не могут играть значительную роль в европейских войнах. Всюду, где участвуют

большие и многочисленные армии, воздушные перевозки играют лишь незначительную роль.

Каждое из перевозочных средств, находящихся ныне в употреблении, — железные дороги, автомобили, конный транспорт, водные пути и в исключительных случаях авиация, — имеет особые характерные черты, которыми и отличается от других средств перевозки людей или снаряжения, в зависимости от условий времени и расстояния. В будущей войне нельзя игнорировать ни одно из этих средств. Их постепенное использование будет проводиться в размерах, зависящих от географических условий театра военных действий. План перевозок мирного времени должен предусматривать их полное использование и сочетание. Включенные в этот план предположения на военное время должны вызвать методическое применение и пополнение сети путей сообщения страны и покупку самого необходимого количества автомобилей всевозможного типа, а также подготовку их принудительной реквизиции при объявлении мобилизации.

5. План организации тыла

Сеть грунтовых дорог со всеми присущими ей крупными недостатками была во время мировой войны в бедных путях сообщения странах настоящим кошмаром для командования. Она почти никогда не была настолько густой, чтобы удовлетворить потребности фронта. Пути сообщения портились очень легко, быстро доходя до невозможного состояния. Они часто были загромождены войсками или подвозимым для них продовольствием и боеприпасами; все это часто задерживало всякое передвижение по этим дорогам. Это происходило обычно в наиболее трудные и вместе с тем серьезные моменты, требовавшие ускоренных темпов подвозки войск и военного снабжения. Начиная с 1918 г., это положение стало значительно улучшаться. В настоящее время даже в странах со слабо развитой сетью путей сообщения можно частично избавиться от этих неудобств, пользуясь транспортом, свободно продвигающимся по любой местности. Новейшая техника позволяет строить гораздо более прочные шоссейные до-

роги и дает возможность поддерживать их в хорошем состоянии.

Не следует, однако, забывать, что современная война возможна лишь при наличии хорошей организации тыловых служб и хорошо развитой сети шоссежных и железных дорог, а также при наличии обильно снабженных складов и парков, требующих многочисленного персонала. Таким образом, организация тыла будет иметь в будущей войне чрезвычайно большое значение.

Об этом заботился еще Наполеон. Ремонт и постройка этапных дорог; создание специальных магазинов и складов при одновременном возведении укреплений для их защиты и соответствующей группировки войск, имеющих целью оборонять их; организация постоянного подвоза средств снабжения — вот наполеоновская подготовка, предшествовавшая каждой большой кампании. С этой точки зрения, необходимо признать, что кампания 1812 г. была по тем временам мастерски организована. Если же, несмотря на это, организация тыла «великой армии» не была исправной, то это происходило лишь потому, что проблема данной кампании была неразрешима с помощью тех технических средств, которые имелись в то время.

В настоящее время мы обладаем гораздо лучшим устройством в этой области. Однако, потребности армии грандиозно возросли: в тех случаях, когда в наполеоновскую эпоху достаточно было одного зарядного ящика боеприпасов, теперь требуются их сотни тысяч тонн.

Вследствие этого во время мировой войны и польско-советского конфликта материальное снабжение армии обычно хромало там, где не хватало железных и шоссежных дорог и где конные повозки были главным перевозочным средством.

В будущей войне современного характера эти трудности еще более возрастут. Во всяком случае они проявятся уже в начале войны, в период наиболее интенсивных передвижений и маневров. Это вызывается также современным развитием технических средств боя и вооружения. Колоссальное использование боеприпасов, вызванное массовым применением на поле боя автоматического оружия и мощной скорострельной артиллерии, сравнительно быстрая порча

военного снаряжения и усовершенствованных повозок потребуют от службы снабжения весьма большой производительности¹.

Хорошая организация тыла является необходимым условием быстроты и глубины наступления. Если она не вполне отвечает требованиям, то поддержка интенсивного огня окажется невозможной; он станет слабеть и предпринимаемый удар преждевременно остановится на мертвой точке.

Одной из главных причин поражения русских в войне 1904—1905 гг., несмотря на то, что японцы имели значительно меньшую численность, был, безусловно, тот факт, что они воевали в Манчжурии, на расстоянии 7 000 — 8 000 км от Москвы, находясь в зависимости от единственной Сибирской железной дороги, как бы повиснув на нитке, в то время как японская армия действовала вблизи метрополии и пользовалась, кроме того, морскими перевозками.

В прежние времена, когда бои были сравнительно редки, когда военное имущество пополнялось очень просто и легко, а армии были немногочисленны и их можно было снабжать продовольствием за счет завоеванной страны, можно было перебрасывать имевшуюся в распоряжении военную потенциальную энергию на очень большие расстояния. Типичные примеры подобных возможностей создали Александр Великий и Ганнибал и позднее — Чингисхан и Наполеон. Однако, все эти вожди не избежали судьбы, которую им подготовило поглощавшее их силы и постепенно ослаблявшее их энергию пространство, не побежденное окончательно вследствие недостаточной организованности.

¹ Расход артиллерийских боеприпасов в небольшом сражении выражается в настоящее время приблизительно в следующих цифрах:

легкая пушка 200—300 выстрелов = 2—3 т

тяжелое орудие при стрельбе

на небольшие расстояния . 75—100 выстрелов = 3—5 т

тяжелые дальнобойные орудия,

в зависимости от калибра . 75—100 выстрелов = 2—5 т

Таким образом, требуется 100—200 т снарядов только для дивизионной артиллерии. Такое же количество потребуется для корпусной и армейской артиллерии.

Последняя мировая война внесла в эту область, можно сказать, революционизирующие изменения. Однако, она не создала в этом отношении синтеза, ограничив наши опыты в этой области стабильными позициями, организация которых постоянно совершенствовалась в течение ряда лет. Армии, предпринимавшие в этих условиях удар, имели обильное материальное снабжение. Пополнение этого снабжения опиралось на склады, находившиеся вблизи и под прикрытием непрерывных фронтов; впрочем, накопление этих средств боя, из которых большинство было связано с исходными позициями предпринимавшегося удара, обычно требовало длительного времени. Организованная таким образом атака отличалась в своей начальной фазе громадной силой напряжения. Однако, по мере продолжения боя эта сила уменьшалась и даже теряла свое значение в случае продвижения вперед, что было равнозначуще отрыву атакующих частей от баз снабжения. Реорганизация обеспечивающих их служб до начала нового движения вперед являлась в этих условиях необходимостью. Таким образом, наступления, предпринимавшиеся в 1918 г., продвигались вперед лишь скачками протяжением в несколько километров, причем каждый из них требовал одной или двух недель подготовки.

По этим именно причинам Фалькенгайн отказался в 1915 г. от взятия Салоник, так как находил, что сеть путей сообщения в Македонии и Сербии недостаточна для проведения такой большой операции. Русское наступление Юденича в 1916 г. в направлении из Эрзерума на Анатолию приостановилось вследствие значительных затруднений в снабжении, в то время как действовавшая против русских турецкая армия страдала от голода, болезней и истощения. Англичанам в 1917 г. для подготовки марша в Ираке из Басры на Багдад потребовался целый год времени, и они окончательно двинулись с места лишь после проведения в большом масштабе подготовки тыла собственной армии. Именно по этим причинам, т. е. вследствие отсутствия шоссейных и железных дорог, а также прочих технических средств передвижения, победителю Македонии, ген. Франше д'Эсперэй, потребовалось осенью 1918 г. почти 2 месяца

чтобы достигнуть Дуная у Белграда, что, впрочем, в тогдашних условиях было настоящим рекордом¹.

Введенные с этого времени технические усовершенствования, безусловно, облегчат функционирование тылов в будущей войне, благодаря увеличению числа машин, более подвижных и более удобных для пользования на дорогах и на любой местности. В результате этого факта в будущем наступления потребуют гораздо меньших сроков предварительной подготовки и не будут так быстро слабеть, как в 1918 г. Овладение чужой территорией и ведение войны на более значительном пространстве тоже будет значительно легче, чем в прошлом.

Однако, все операции большого масштаба, пользующиеся значительными массами, не смогут обойтись без должной организации тылов. Эту организацию необходимо создать в мирное время путем рациональной постройки дорог и железнодорожных линий, в согласии со стратегическими потребностями страны, путем проведения соответствующих телеграфных линий и специальных линий связи, путем определения регулирующих станций и подготовки всевозможных складов, госпиталей, мастерских, парков и аэродромов. Эти предварительные работы должны привести к постепенному развитию тыловых учреждений в приграничных районах; число этих учреждений будет зависеть, с одной стороны, от численности войск, а с другой — от предполагаемых в случае войны операций.

Такое предварительное «снабжение фронта» может быть произведено лишь по указаниям и по единому разработанному военными органами плану, при тесном взаимодействии всех соответствующих учреждений.

Кредиты, необходимые для осуществления этого плана, должны быть распределены на несколько лет, в зависимо-

¹ Сербская армия в составе 6 пех. дивизий и 1 кав. дивизии в качестве авангарда прошла тогда около 450 км в 45 дней, что в действительности составляло около 20 км в день. Этого результата можно было достигнуть, пользуясь лишь ресурсами страны. Этого не могла сделать Восточная армия союзников, состоявшая из 22 дивизий. Поэтому можно констатировать, что в этих условиях преследование на Дунае развертывалось с максимальной быстротой и силой, осуществимой в условиях того времени.

сти от финансовых возможностей государства и от степени срочности работ, которые должны быть закончены до начала предполагаемой войны. Та часть работ, которую нельзя выполнить в мирное время, будет точно изучена в предвидении ее осуществления в период политического напряжения и первоначальных действий противника. Материалы, необходимые для этой цели, а также и рабочие должны быть подготовлены заранее с сохранением этой подготовки в тайне.

Каждое значительное продвижение армии во время войны, каждое серьезное изменение в «боевом расписании» потребует новых работ, чтобы приспособить этапы и службы к изменившейся обстановке. Эти изменения будут происходить очень часто, особенно в маневренной войне.

Организация подобного рода всегда будет трудной и серьезной задачей. Не подлежит сомнению, что чем богаче и населеннее страна, чем более мощна ее промышленность мирного времени, чем гуще ее сеть путей и средств сообщения, тем легче будет эта задача.

В этом заключается причина той легкости, с какой великие державы могут приспосабливаться к потребностям современной войны.

Страны со слабо развитой промышленностью могут поддерживать боевые действия лишь немногочисленных армий, не имеющих достаточных наступательных качеств. Некоторые из них не смогут даже использовать полностью свои людские ресурсы.

Подобные примеры можно встретить еще в истории XVIII и XIX вв., когда Российская империя, до введения железных дорог, не была в состоянии держать на отдаленном военном театре армию свыше 200 000—300 000 чел. И даже теперь отсутствие достаточно развитой сети железных и шоссейных дорог в восточной части старого материка — а тем более на Дальнем Востоке — может значительно уменьшить в случае войны подвижность войск, парализуя до некоторой степени инициативу командования в области военных операций¹.

¹ Этот вопрос должны разрешить так называемые пятилетние планы. Они заключают в себе значительные кредиты на поддержание шоссейных и железных дорог. Кроме того, стро-

С другой стороны, трудности службы тыла могут несколько уменьшиться в будущем благодаря происшедшему в последнее время прогрессу. Количество необходимых боеприпасов может уменьшиться вследствие применения новых методов стрельбы, а прежде всего — в результате тактики механизированных войск. Число расположенных вблизи фронта санитарных учреждений уменьшится, если прогресс медицины и хирургии позволит применить эвакуацию раненых на более значительные расстояния. Постройка дорог и сети связи будет происходить с помощью усовершенствованных машин, заменяющих столь многочисленных в настоящее время рабочих.

Вообще моторизация обозов, парков и транспортов облегчит непосредственный контакт фронта со складами и с более отдаленными учреждениями, которые вследствие этого могут быть не столь многочисленны, но зато более постоянны. Выравнивание существующей до сих пор значительной разницы между ресурсами страны и теми средствами, которые находятся в непосредственном распоряжении армии, позволит базировать снабжение последней на складах, расположенных внутри государства, так что в будущем отдельные учреждения этого рода в оперативных и этапных районах будут значительно сокращены.

Подобная перестройка тыловых учреждений, проводимая постепенно и вместе с тем решительно, является необходимостью. Только при таком условии службы, опирающиеся на это устройство, сохранят в своей работе тот ускоренный ритм маневренной войны, к которому их в будущем вынудят механизированные роды войск.

6. План операций

Рамки, в которых может развернуться будущая война, известны в общих чертах, так как вытекают из заранее установленного правительством плана. Что же касается способов ведения операций на основе этого плана, то они зависят от условий, в которых будут протекать эти операции.

яты пути сообщения, имеющие целью связать между собой создающиеся в Советской России промышленные центры. Производство автомобилей растет, воздушные линии будут иметь значительно большее протяжение.

Поэтому в мирное время необходимо самым точным образом изучать план операций, чтобы быть готовым в случае войны применить к любым возможностям. Однако, результаты этого изучения не должны вылиться в жесткую схему. Лучшим доказательством правильности этого тезиса является провал плана Шлиффена, явившегося выражением ошибки немцев именно в этом духе.

С другой стороны, не подлежит сомнению, что по окончании сосредоточения войск инициатива и свобода действий главнокомандующего подвергнется значительному ограничению, поэтому его намерения и проекты будущих военных действий, хранимые им в тайне, должны быть основой плана сосредоточения.

Руководство операциями входит в исключительную компетенцию главнокомандующего. Из этого вытекает, что и определение их общих очертаний зависит лично от него. Правительство возлагает на него задачу, содержащуюся в общем плане войны, поэтому он должен действовать самостоятельно, применяя собственные методы, и свободно располагать средствами, которые правительство отдаст в его распоряжение в случае войны.

Его действия, вытекающие из общего плана войны, никоим образом не должны подвергаться ограничению со стороны слишком далеко идущего контроля и формальных рамок. Как уже было ранее отмечено, правительство имеет полное право переменить главнокомандующего, если оно не удовлетворено достигнутыми им результатами, но оно ни в коем случае не должно вмешиваться в его компетенцию, т. е. принимать непосредственное участие в руководстве операциями. Это единственно допустимый логический и здравый метод работы. Примеры подобного рода имеются в истории. Германское правительство сняло по этим причинам Мольтке II в сентябре 1914 г. и Фалькенгайна в августе 1916 г. Этот принцип относится также к выполнению обязанностей главнокомандующего в мирное время.

Итак, лицо, намеченное быть главнокомандующим во время войны, решает самостоятельно в мирное время зависящие от него предварительные вопросы, касающиеся сосредоточения. Главнокомандующий должен ясно и определенно отдавать себе отчет в своих оперативных намерениях, кото-

рые могут заключаться в применении обороны на одной части фронта и в наступлении в избранный им момент на другом участке. Несмотря на это, главнокомандующий ограничится лишь сообщением министру национальной обороны условий, в которых он хочет в будущем провести свои намерения, но самые намерения должен сохранить в тайне. В связи с этим он может потребовать укрепления к определенному времени на некотором пространстве границ и группировки в указанных им районах некоторого количества войск. По его указаниям генеральный штаб должен установить основы главного сосредоточения и разработать одновременно с этим подробный план воинских перевозок; для этого нет необходимости в точном знании оперативных намерений главнокомандующего.

Предварительное стратегическое развертывание собственной армии, проводимое, по возможности, вблизи границ, всегда оказывает очень большое влияние на первые операции, заранее подготавливая их в некотором, определенном направлении и в более или менее определенном духе.

По этой именно причине сосредоточение большинства французских сил, проведенное в августе 1914 г. в соответствии с планом XVII к востоку от Мааса, продолжало оказывать влияние на действия Жоффра в октябре 1914 г., т. е. через 3 месяца после начала военных действий.

Это понятно, так как иначе и быть не могло, несмотря на чрезвычайную мощь современной военной техники и новейшие, столь усовершенствованные в настоящее время перевозочные средства, поскольку в войне участвуют миллионные армии. Сосредоточение в назначенном месте колоссальных масс, которыми пользуется современная война, требует продолжительных и точных работ генерального штаба. Изменение же установленного таким образом плана перед лицом противника может быть произведено с помощью постепенных и требующих времени перегруппировок и передвижений.

Таким образом, предварительное сосредоточение войск должно быть сообразовано с дальнейшими оперативными намерениями главнокомандующего, от которых зависит пер-

воначальное общее распределение сил, а также их дальнейшее расчленение по мере хода войны.

Времена, когда Кунктатор мог медлить со своими решениями, ожидать с целью приспособления их ко всевозможной обстановке, ушли в прошлое. Однако, при этом оперативные намерения не должны быть преждевременно материализованы в точно определенном плане, так как это неизбежно приведет к поражению, подобному тому, которое постигло Германию в 1914 г., когда она начала войну на основе слишком схематично установленного плана, отличавшегося отсутствием гибкости. Таким образом, избегая при изучении будущих операций всякого схематизма, мы будем руководствоваться здравым смыслом, отнюдь не исключая никакой гипотезы. В этом случае интуиция действительно великого вождя, безусловно, имеет очень большое значение, позволяя ему принять заранее достаточно четкое и точное решение. Несмотря на это, легенда о том, будто бы Наполеон так далеко ушел в своем предвидении, что в 1805 г. мог на целый месяц вперед сказать: «я нанесу им поражение в этом месте», не отвечает действительности; он тщательно изучал различные варианты. Основой его действия во время войны были всегда распоряжения, настолько эластичные вначале, чтобы не предрешать арбитральным образом позднейших решений, зависящих от условий момента.

В 1914 г. ген. Жоффри задержал окончательное решение до 20 августа, хотя подчиненные ему войска были готовы к действию уже 18 августа. В ответ же на запрос относительно обороны угольного бассейна Бриэ, он сообщил соответствующей комиссии: «Оперативный план нельзя изложить письменно, главнокомандующий держит его в своей голове». Этот ответ хорошо определяет метод работы главнокомандующего, когда речь идет об его окончательном «ходе».

1914 г. стоит изучить более серьезно, так как бои этого времени заключают в себе чрезвычайно характерные и поучительные примеры. Именно с момента взрыва мировой войны оказалось, что ее действительность, всегда столь отличная от рассматриваемых в мирное время гипотез, перетасовывает все ранее принятые решения. Это имело ме-

сто по обеим сторонам Западного фронта, где были противопоставлены друг другу два слишком мало гибких плана сосредоточения и заранее принятые идеи маневра.

Так называемый «план Шлиффена» был в своей основной концепции простым и привлекательным, но одновременно с этим он был развернут до последних пределов логики. Решение, заключающееся в нем, было исчерпывающим и точным. Однако, Шлиффен таким образом спроектировал свои Канны, что его план был схемой, выполнение которой не терпело никаких задержек и тем более непредвиденных потрясений. Однако, кроме этого, он обеспечил себе максимум шансов на успех, сосредоточив громадные силы в намеченном месте, а именно — на западе, на правом фланге германского фронта, за счет сил, предназначенных для боя на остальных оперативных театрах.

Его преемник, Мольтке II, не обладая его темпераментом и не будучи приверженцем крайнего догматизма, частично исправил его план и уменьшил массу германских дивизий, сгруппированных на северо-западном фланге, чтобы укрепить общую безопасность государства. Однако, немцы сочли эту предусмотрительность Мольтке II ошибкой, вследствие которой план Шлиффена потерпел поражение, а между тем до сих пор он считается гениальным.

Следует отметить, что все же план Шлиффена был слишком бумажным и вовсе не считался с условиями, которые через 10 лет оказали столь решающее влияние на его выполнение. Таким образом, Мольтке был, по существу, ближе к нормальному методу установления оперативного плана в мирное время.

Главной ошибкой Мольтке — как, впрочем, и всех немцев — было неправильное выполнение этого плана, который осуществлялся в августе 1914 г. чисто автоматически, без необходимого также и в это время контроля. Точно так же разворачивалась германская кампания 1914 г., во время которой каждая армия стремилась к своей цели почти отдельно и надеясь на себя, в то время как действия этих армий не были согласованы с главнокомандующим в той степени, которая, безусловно, необходима для достижения успеха в современной войне.

Понятно, что этот недочет германской главной квартиры являлся в значительной степени последствием состояния средств связи и сообщений того времени. Тем не менее можно установить, что наличие этих средств не могло бы в значительной степени изменить обстановку, так как германский главнокомандующий не располагал в то время никакими резервами и, следовательно, был обречен пассивно относиться к развертывавшимся событиям и терпеть слишком самостоятельные действия подчиненных ему командиров.

Такое положение вещей не позволило Германии использовать результаты победы в пограничном бою и привело к ее первому поражению на Марне.

Не подлежит сомнению, что недостаток энергии у Мольтке вычеркнул несколько козырей из критикуемого нами плана Шлиффена. Известно, что произведенное Мольтке ослабление удельного веса массы, сосредоточенной первоначально на правом фланге германского фронта, и значительное уменьшение, вследствие этого, размаха и силы направленного оттуда удара, имело серьезное влияние на окончательный результат первого решающего столкновения германских и французских войск. Действительно, эти ошибки были полностью использованы противником и перевесили на его сторону чашу успеха в начальный период войны. Ведь, даже наиболее гениально задуманный план кампании не годится никуда, если в момент развертывания сосредоточенных на этой основе сил, в тот момент, когда главнокомандующий должен сосредоточить и выявить всю свою энергию, этой последней нехватит. Известно также, что если бы даже Шлиффен был жив и сам руководил действиями в соответствии со своим планом, составленным за 10 лет до этого, то, натолкнувшись на непреодолимые и неожиданные для него затруднения, он, по всей вероятности, не достиг бы намеченного успеха, приспособивая собственные оперативные намерения к событиям, происходившим в 1914 г. во Франции.

Французская сторона противопоставила Германии тоже неудачный план войны, хотя ген. Жоффр, став начальником генерального штаба, решительно порвал с пассивностью, тяготевшей над французской армией в результате про-

игранной в 1870 г. войны, и решительно повернул к наполеоновским традициям. Таким образом, он подготовил, а в 1914 г. пытался осуществить план, главной целью которого являлось стремление опередить противника, поведя наступление большого масштаба и парализуя, таким образом, его инициативу.

Он, однако, забыл при этом про осторожность и правильное предвидение, которые являются одними из главных условий всяких действий. Он стремился завязать во что бы то ни стало генеральное сражение с участием почти всей армии, действующие части которой, безусловно, отличались первоклассными моральными качествами, но боевая подготовка которых не была на высоте своих задач, а резервные части не были достаточно сплочены. Такое стремление было неразумно в условиях того времени. Некоторое благоразумие в этом отношении напрашивалось само собой, особенно в начале войны, т. е. в период, наиболее изобилующий неожиданностями и непредвиденными событиями.

Однако, Жоффр был преисполнен модной в то время теорией о несравненных преимуществах наступления и громадном перевесе моральных сил над материальными. Он принял с большой смелостью и хладнокровием чрезвычайно серьезные решения о наступлении на всем фронте всеми подчиненными ему войсками, сосредоточивая свой главный удар в центре фронта, на границе между Бельгией и Люксембургом.

Жоффру была известна возможность нарушения Германией бельгийского нейтралитета. С 1911 г. он был в этом почти уверен. Он не знал лишь, ограничит ли противник свой обход на Маасе районом Льеж—Намюр или развернет свой правый фланг к северу от Мааса.

Однако, он не придавал большого значения этой неуверенности, так как в согласии с доктриной эпохи, провозглашавшей «безопасность в наступлении», энергичный удар в центр неприятельского фронта должен был парализовать обход правого фланга германской армии.

Кроме того, Жоффр предпринял некоторые меры против этого обхода, который был возможен с бельгийской территории. Он рассчитывал, что сможет противопоставить

противнику бельгийскую армию, а также английский экспедиционный корпус и свои дивизии, сосредоточенные на левом фланге.

Быть может, он даже сомневался в действительности этих мер. Так, по всей вероятности, было около 18 августа 1914 г., когда Жоффр убедился, что бельгийская армия не в состоянии выполнить выпавшую на ее долю задачу, что англичане и армия ген. Ланрезака опоздали и что между ними нет достаточной связи. Полученные Жоффром приблизительно в это время сведения указывали, что главные силы германских дивизий пересекают бельгийский Люксембург с юго-востока на северо-запад в одном или в двух переходах, в то время как его армия была готова к наступлению, которое должно было быть направлено во фланг колонн, находившихся на марше. Поэтому он 20 августа издал приказ о наступлении в центре с тем, чтобы захватить противника в момент развертывания его маневра, еще до того, как правый германский фланг станет для французской армии опасностью в полном значении этого слова. Теоретически в его расчеты входила бельгийская армия, спровоцированная к участию в войне нападением Германии. Но она была слишком слабой (6 пехотных дивизий и 1 кавалерийская дивизия), а кроме того, находилась в стадии полной реорганизации, вследствие чего не могла выполнить задачи, навязанной ей ходом событий.

Таким образом, в начальный период войны бельгийская армия не могла сыграть более серьезную роль, кроме прикрытия с севера сосредоточения французской армии. В особенности она не была в состоянии удержать набежавшую волну германской армии, которая очень быстро затопила почти всю Бельгию и заставила бойцов этой страны искать убежища в стенах Антверпена.

Немногим большее значение имел в то время английский экспедиционный корпус (4 пехотных дивизии и 1 кавалерийская дивизия). Наспех сосредоточенный на бельгийско-французской границе, ввиду нарушения бельгийского нейтралитета, он мог быть готовым к действиям лишь 24 августа, т. е. слишком поздно, чтобы оказать влияние на развертывавшееся с большой быстротой германское наступление.

Сам Жоффра был сильно стеснен собственным оперативным планом XVII, основная идея которого слишком долго затемняла картину реальной действительности, поэтому он слишком поздно заметил главную опасность, угрожавшую французам с севера.

Тогда оказалось, что так как французская армия на основе произведенного сосредоточения втянута в пограничные бои, то ее рассредоточение в размерах, вытекавших из обстановки, являлось нелегкой задачей. Поэтому предпринятая Жоффром перегруппировка 5-й армии не дала положительных результатов ввиду опаздывания сосредоточения английского экспедиционного корпуса и ухода в Антверпен бельгийской армии. Предполагавшееся контрнаступление этих двух групп погибло в зародыше. Точно так же приказы Жоффра от 21 августа оказались невыполнимыми, несмотря на упорный героизм французских полков. После чрезвычайно кровавых столкновений, продолжавшихся несколько дней, французская армия проиграла пограничное сражение и, находясь под угрозой с тыла, была вынуждена к отступлению почти на всем протяжении фронта.

План XVII провалился. Относящиеся к этому времени директивы и приказы Жоффра иллюстрируют, как трудно было собрать разбросанные на основе этого плана дивизии, необходимые для того, чтобы ликвидировать германский обход с севера.

Война не допускает бесплановых действий. Однако, события 1914 г. ярко подчеркнули, что плановость и методичность не должны заходить слишком далеко. Таким образом, оперативный план не должен стеснять свободу действий главнокомандующего и превращать его в раба теоретических выводов. Тем хуже для дела, если план опирается на мертвую рутину, столь обманчивую при столкновении с серьезным противником.

Всякий оперативный план должен в возможно большей степени учесть будущее значение современного вооружения; действующего на большие расстояния и особенно действительного в случае применения на флангах противника. Столь же серьезную роль играет в настоящее время быстрота средств сообщения, дающих возможность организовать сильные и вместе с тем весьма подвижные резервы.

Принцип экономии сил будет играть в будущей войне особенно важную роль при наличии длинных и трудных для обороны границ. Распыление имеющихся в нашем распоряжении частей под предлогом достижения максимальной безопасности было бы принципиальной ошибкой. В действительности решающей победы можно достигнуть, лишь сосредоточив в намеченном месте большие, чем у противника, силы и напав на него внезапно. Для этой цели требуются значительные силы. Их можно найти путем экономной организации обороны на других участках фронта. Именно этим путем Германия в 1914—1918 гг. добилась известных успехов в Сербии, Румынии, Польше и России (они совпали с переходом к оборонительному способу действий на западе в 1915 г., а также с концом 1916 и с 1917 гг.). Соединение энергичных наступательных действий с действиями, имеющими характер оперативной обороны, может дать самые лучшие результаты. В случае же, если совокупности сил нехватает для сохранения непрерывного фронта и для атаки на решающем участке, рекомендуется организовать действия с целью выиграть время. Полученные таким образом резервы должны находиться исключительно в распоряжении главнокомандующего и быть так расположены, чтобы их можно было быстро использовать в любом решающем направлении. Необходимо во что бы то ни стало избегать истощения этих резервов в течение прикрывающих боев, несмотря на то, что к главнокомандующему, безусловно, будут поступать требования о присылке этих резервов. Созданная таким образом маневренная масса не должна быть растрочена во время участия в действиях местного значения. Кроме того, следует констатировать, что наличие долговременных укреплений, а также содействие со стороны бдительной авиации и конницы позволят в наше время усилить резервы главного командования без уменьшения прочности обороны границ государства; идеалом является возможность сохранения в резерве трети всех сил.

В момент начала наступления эти резервы должны быть сосредоточены на столь узком участке фронта, чтобы обеспечить безусловное превосходство над противником. Сосредоточение этих сил должно происходить тайно, а на-

чало их действий должно быть неожиданным; самые действия должны происходить весьма энергично и быстро.

Применяя подобные методы действия, мы можем надеяться достигнуть решения даже в том случае, если противник будет иметь над нами общий численный перевес. Сербы достигли этим путем значительного успеха в войне с австрийцами в 1914 г. (освобождение Белграда). Таким образом, действия подобного рода отнюдь не являются химерой.

Этот метод необходим и весьма полезен, но лишь в пределах, облегчающих маневр войск, сосредоточенных на важнейших оперативных направлениях. Распыление сил, вызванное желанием равномерного прикрытия всего театра военных действий, было бы ошибкой, грозящей самыми плохими последствиями. Оно является особенно опасным для стран с длинными границами и лишенных, подобно Франции, постоянной опоры.

Распределение войск в той части фронта, которая имеет исключительно оборонительное значение, будет целесообразным тогда, когда оно будет гарантировать свободу действий и позволит организовать маневр, который отличался бы всей полнотой гибкости и подвижности, свойственной современным армиям, способным в гораздо большей степени, чем в прошлом, к массовому сосредоточению.

Предусмотренная в оперативном плане маневренная резервная масса должна располагать большим количеством боевых средств. В состав резервов главнокомандующего должны входить лучшие части, хорошо обученные и подобранные и вместе с тем располагающие наиболее мощными средствами. Это должны быть подвижные части: кавалерия, самокатные части и полностью или частично моторизованные пехотные и артиллерийские части. Туда должны войти: главная масса боевой авиации, тяжелая и сверхтяжелая артиллерия, танки и бронесилы. При проектировании и использовании этих сил нужно проявить решительность и вместе с тем быть очень осторожным. Использование их в неверном направлении повлечет за собой поражения, чреватые тяжелыми последствиями. Это мощное, но единственное и ломкое орудие войны должно стать в руках главнокомандующего тараном, посредством которого он должен,

обороня границы государства возможно меньшим количеством подчиненных ему войск, разбить и уничтожить главные силы противника.

Создание маневренной массы подобного рода избавит нас от односторонне истолкованной систематической и пассивной обороны, которая на обширных фронтах всегда и неизбежно ведет к поражению. Отсутствие такой массы объясняет частичные неудачи Польши в 1920 г., тем более, что рассредоточение польских дивизий, с целью создания необходимых резервов, было в течение продолжительного времени невозможно; именно поэтому решавшее исход войны сражение было перенесено с Двины и Днепра на Вислу, Вепж и Буг.

Предусмотренная оперативным планом исходная группировка и расчленение резервов главнокомандующего должны быть настолько гибки, чтобы дать возможность вести с одинаковым успехом и наступление и оборону. При этом необходимо избегать в начале войны слишком стремительных действий, так как их неуспех очень плохо отразился бы на настроении армии и населения. При обширных и занимающих большое протяжение театрах необходимо остерегаться естественного в таких случаях стремления к применению маневра в очень большом масштабе, что может привести к слабо согласованным действиям и вредному распылению сил. Следует также помнить, что применение больших масс авиации или конницы для глубоких рейдов может преждевременно раскрыть намерения главнокомандующего и ослабить силы, столь необходимые в период сближения и в бою, а позднее — для использования достигнутых успехов.

* * *

Мы уже доказали, что окончательное и подробное фиксирование оперативных планов в мирное время невозможно.

Нас можно было бы упрекнуть в том, что в истории имеются примеры, подтверждающие прямо противоположный тезис. Действительно, можно указать на случаи, когда заранее составленные планы давали положительные результаты.

Образцы действий подобного рода были даны Наполеоном, который в 1805 г. перешел границу Баварии с целью обхода справа и охвата австрийской армии; или когда в 1806 г., переходя Франкенвальд, он осуществил свое заранее обдуманное намерение отрезать прусскую армию от ее путей сообщения. Точно так же Мольтке в 1866 г. предусмотрел генеральное сражение в Богемии.

Тем не менее история дает нам гораздо большее число несравненно более значительных примеров планов, при проведении которых опровергались первоначальные стратегические предположения и полководец вынужден был импровизировать непредусмотренный ранее маневр.

В 1809 г. Наполеон хотел захватить главные силы эрцгерцога Карла на р. Изаре, но смог добиться этого лишь под Эсслингом и Ваграмом. В 1870 г. Мольтке стремился дать сражение на р. Саар, а пришел к нему западнее р. Мозель у Сэн-Приво. В 1914 г. другой Мольтке, казалось, шел по правильному пути, добиваясь охвата левого фланга французской армии, однако, был вынужден констатировать, что его собственный правый фланг охвачен волной неприятельских войск.

Между тем, в прошлом, когда переброски войск совершались, как правило, со скоростью, не превышавшей 20 км в день и когда сеть путей сообщения была повсюду весьма незначительна, своевременное предвидение вероятного продвижения противника было сравнительно легкой задачей. В наши дни гибкость и разнообразие движения армии столь велики, что предвидение событий в решающие моменты можно считать химерой. Поэтому теперь отнюдь нельзя строить подобные гипотезы задолго до начала действий противника. В настоящее время надо довольствоваться изучением местности и вытекающими из этого выводами. Это изучение является необходимостью, так как оно создает основы плана сосредоточения, который должен быть подробно установлен заранее. Можно даже считать, что план Шлиффена был, собственно говоря, лишь планом сосредоточения и что Мольтке II совершил основную ошибку, рассматривая его во всех деталях как план операций, — тем более, что он действовал так, как будто в действительности случайность, отсутствие чувства меры, ошибки подчинен-

ных, политика и другие обстоятельства не могли создать условия, противоположные тем, которые были предусмотрены теоретически. Мольтке II даже не думал об этом, хотя роль главнокомандующего в руководстве операциями заключается именно в умении противодействовать влияниям подобного рода и вызванным ими изменениям обстановки.

Допуская возможность дискуссии на эту тему, когда речь идет о прошлом, необходимо с полной уверенностью установить, что в будущей войне при современном состоянии моторизации и той легкости, с которой в настоящее время происходит дифференциация оперативных перевозок, слишком подробное оперативное предвидение чрезвычайно опасно.

Ввиду этого лицо, намеченное в мирное время быть во время войны главнокомандующим, должно иметь лишь общую концепцию (а не план) операций, функцией которой должен быть максимально гибкий план сосредоточения. Это лицо должно разработать основные гипотезы на тему о будущей войне, а также возможности маневра, укладываемого в рамки каждой из них, но ни в коем случае не должно заранее формулировать свои намерения.

Разработку подобного рода можно вести на карте или на местности. Можно ее углублять с помощью военных игр и настоящих маневров, но этот метод может привести к весьма нежелательным разоблачениям. Не следует забывать, что бельгийцы уже в 1906 г. знали об изменениях, внесенных в план Шлиффена (обходное движение через Льеж и Брюссель), хотя этот план был принят в Германии лишь в 1905 г. Во Франции по наблюдениям за учениями германского Большого генерального штаба, происходившими до 1914 г., было установлено, что они основаны на нарушении бельгийской территории. Таким образом, учения подобного рода чрезвычайно рискованны как с политической, так и с военной точек зрения. Сохранение тайны в этом вопросе напрашивается само собой.

Наоборот, очень важно, чтобы действительные условия, дающие возможность приспособить план сосредоточения к различным оперативным предположениям, подверглись самой тщательной и непрерывной подготовке. Укрепления,

шоссейные и железные дороги, подробно разработанные варианты перевозок, склады военного снабжения, соответствующие документы генерального штаба — все это должно быть заранее подготовлено, чтобы главнокомандующий смог принять и затем осуществить решения, навязанные ему действительными условиями.

В этих условиях вопрос взаимодействия союзных армий в случае войны является весьма важным. С военной точки зрения, весьма желательно, чтобы это взаимодействие было установлено заранее и с возможно большей точностью. В прежних договорах всегда предусматривался этот факт. Так, например, тройственное согласие обязывало Австро-Венгрию начать действия в Галиции в точно определенный день и определенными силами. Но, увы, военная история даст весьма много примеров невыполнения подобных обязательств¹. В будущем это будет иметь место еще чаще, вследствие усложнения международных отношений. Таким образом, внешние союзы не могут стать в такой степени, как прежде, основой безопасности государства. Последнее может полностью рассчитывать лишь на собственные силы. В результате этого главнокомандующий не будет основывать свои оперативные намерения на помощи союзных войск, так как эта помощь может запаздать или даже вовсе не осуществиться.

¹ Можно указать на конвенцию, заключенную балканскими государствами в 1912 г. Как известно, это соглашение не сыграло предусмотренной в нем полезной для Сербии роли, когда на нее напала Австрия в 1914 г.

Глава VII

ОПЕРАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВОЙНЫ, ИХ ХАРАКТЕР И РУКОВОДСТВО

1. Характер операций начального периода войны и действительность современной обороны страны.—
2. Значение полевых и долговременных укреплений в будущей войне.—
3. Наступление как лучшее средство обороны в современной войне.—
4. Руководство операциями в период прикрытия и сосредоточения и по окончании стратегического развертывания.

1. От действительности и максимальной мощи оборонительной системы будет также зависеть выбор того метода действий, который будет применяться в случае войны. Современные демократии, в общем, преклоняются перед обороной и хотят в случае вооруженного конфликта избежать во что бы то ни стало наступления. Это — необоснованный и ложный взгляд, так как в любом столкновении превентивное наступление является лучшим средством обороны. Поэтому, независимо от политики государства, которая должна иметь оборонительный характер, стратегическое наступление будет самым верным средством достижения цели, при условии готовности к нему в момент взрыва войны. Поэтому государство, последовательно готовящее наступательную войну, может иметь моральный и материальный перевес над противником, мыслящим и действующим в оборонительном духе.

Впрочем, следует задуматься над вопросом, возможна ли с чисто деловой точки зрения классическая оборона в будущей войне.

В открытом поле она, безусловно, будет кровавой эфемеридой, которая лишь в исключительных условиях сможет привести к успеху, да и то лишь к частичному.

Местность по своим природным свойствам и организации всегда оказывала и оказывает значительное влияние на род и характер военных действий. Она может давать выгодное для действующих войск прикрытие, задерживая одновременно с этим или облегчая их движение, придавая им некоторое естественное направление и содействуя возможности переброски расположения и группировки войск перед боем. Поэтому, независимо от наступательного или оборонительного характера войны, местность всегда может быть использована соответствующим образом.

Однако, нужно иметь в виду, что современные мощные технические средства могут преодолеть почти каждое естественное препятствие. Ни леса, ни горы, ни даже болота, степи или пустыни не могут воспрепятствовать проведению решающих боев большого масштаба. Довоенные теории, отличавшиеся преклонением перед военным значением естественных препятствий, уже во время мировой войны оказались ошибочными. Человек, захваченный размахом гигантских боев, пробирался всюду вместе со своим оружием. Но наряду с этим открытая, ровная, лишенная всяких препятствий местность, к которой стремились когда-то, как к идеальной для сражения, стала недоступной для решающих пехотных атак.

Это изменение или, вернее, уточнение понятий является результатом введения автоматического оружия, обладающего мощным огнем, который является убийственным для частей, продвигающихся по ровной открытой местности. Уже первые недели мировой войны наглядно выявили необходимость дальнейшего пересмотра взглядов на роль местности в операциях и решительно подчеркнули огромное значение современной фортификации. Таким образом, уже в 1914 г. организация местности стала проводиться в жизнь по принципам, применявшимся ранее лишь в крепостной войне. В будущем подобные способы сохранятся и даже усилятся. Увеличение огневой мощи автоматического оружия, дальнейшее усовершенствование пулеметов, дальнобойных орудий и танков, увеличение разрушительной силы

современных взрывчатых и отравляющих веществ — все это в известных условиях усиливает значение современных долговременных укреплений и соответственно укрепленных естественных препятствий. Кроме того, в будущей войне явится, безусловно, необходимым избегать людских потерь в размерах, известных нам по войне 1914—1918 гг. Этого потребуют не только гуманитарные принципы и опасность истощения людских ресурсов — в особенности в странах с немногочисленным населением, — но и необходимость беречь возможно лучше отборные части, которым, вероятно, придется уже в первую фазу войны начать решительные действия.

* * *

2. В будущем полевые укрепления старого типа не будут обладать той сопротивляемостью, которой они отличались в первые 3 года мировой войны и которую они утратили в 1918 г. Окопы и проволочные заграждения не будут в состоянии долго выдерживать напор противника, располагающего механизированными частями, ОВ и сильной боевой авиацией.

Таким образом, укрепления должны быть модернизированы. Для этого им потребуются: бетон и стальная броня, как на дредноутах; убежища, способные выдержать атаку современных технических средств; ходы сообщения, скорострельное оружие, машины, дополняющие человека, а также стена из камней и железа, заменяющая живую стену из людей.

К сожалению, укрепления этого типа чрезвычайно дороги. Их постройка в большом масштабе для обеспечения границ государства на всем их протяжении столь же разорительна, как и война. Удержание таких укреплений на уровне стоящих перед ними задач, их сохранение и модернизация будут вызывать новые крупные расходы. А так как эти расходы поневоле придется сократить до незначительных сумм, то укрепленные районы со временем будут постепенно терять свою ценность.

Современные укрепления с их сложным механизмом обороны требуют постоянных довольно многочисленных и хорошо обученных гарнизонов. Таким образом, они дают

лишь частичную экономию живой силы. Части, обученные действиям по обороне укреплений, мало пригодны для действий вне укреплений. Поэтому при их формировании нужно соблюдать экономию, чтобы не причинить этим ущерба формированию полевых войск.

Кроме того, постройка укреплений подобного рода требует много времени (постройка оборонительных позиций во время мировой войны всегда требовала нескольких месяцев, несмотря на многочисленные отряды рабочих и обилие строительных материалов), поэтому в действительности придется ограничиться укреплением лишь наиболее угрожаемых участков фронта.

Для этой цели можно использовать какое-либо крупное естественное препятствие — большую реку или горную цепь, — а в случае отсутствия такой идеальной позиции — точки опоры, связанные в одно целое (соответственно застроенные местности, большие леса и водные преграды). С их помощью можно организовать непрерывный фронт наблюдения, а также огневую завесу и, прежде всего, расположенные в шахматном порядке центры сопротивления, снабженные современным вооружением (противотанковыми орудиями) и способные вести бой даже в случае обхода.

Укрепления значительно уменьшают недостатки обороны, но полностью их не компенсируют. Будучи применены слишком схематически, они могут затруднить сосредоточение мобилизованных войск, связав слишком большое количество их с мертвыми участками фронта, и, таким образом, ослабить резервы главнокомандующего.

Следовательно, и в этом случае классическая оборона не будет удачной системой ведения войны до тех пор, пока не найдутся средства, необходимые для создания таких укрепленных границ, которые стали бы почти недоступными даже для войск с современным вооружением и которые позволили бы организовать резервы, отличающиеся молниеносной быстротой передвижения.

Но поскольку такой прогресс пока является, быть может, химерой, надо воздерживаться от легкомысленных жертв со стороны полевой армии в пользу долговременных укреплений и от заблаговременного отказа от наступления.

Принимая во внимание все вышесказанное, следует поставить вопрос, имеют ли долговременные укрепления наступательные свойства, заслуживающие внимания? Ведь, в Женеве часто можно слышать обвинения, направленные по адресу укрепляющих свои границы государств, в том, что они питают агрессивные намерения. По этим обвинениям укрепленные районы сосредоточения (плацдармы), расположенные вблизи границ соседнего государства, являются для него постоянной угрозой.

Наступательное значение укреплений, понятно, не равняется нулю. Действительно, правильно использованные укрепления позволяют сделать некоторую экономию сил. Пассивный фронт, укрепленный современным образом, можно удержать с помощью более слабых частей. Сэкономленные таким образом войска смогут принять участие в наступательных операциях. Но в действительности эта экономия, как мы видели, не так уж велика.

В укреплениях может быть дальнобойная артиллерия, способная к бомбардировке территории противника. Однако, это будет редким и исключительным случаем, так как оборона требует, прежде всего, короткого перекрестного огня и орудий с навесной траекторией, способных к действительному обстрелу местности, расположенной непосредственно впереди укрепленных позиций.

Укрепления могут скрыть и прикрыть подготовку к наступлению путем создания в них материальных складов, облегчая одновременно с этим сосредоточение необходимых для наступления войск. Кроме того, они облегчат начало наступления войск тогда, когда понадобится сломить сопротивление укреплений противника, расположенных напротив. Помимо этого, в качестве исходных позиций для наступления большого масштаба, способствующих увеличению числа возможных вариантов наступления, укрепления могут содействовать улучшению шансов обороняющегося и быстрому восстановлению равновесия сил, без которого наступление было бы слишком рискованным. Таким образом, правильно использованные укрепления в состоянии облегчить маневренную войну.

В очерченных выше пределах укрепления действительно могут иметь наступательное значение. Но современное на-

ступление уже не подготавливается теми способами, какие мы наблюдали в 1917 г., когда их организация требовала предварительных работ большого масштаба, сосредоточения больших людских масс и материалов, а также довольно значительного срока для выполнения. В наше время самые прозные удары будут предприниматься моторизованными и механизированными тактическими соединениями, сосредоточивающимися и наступающими с молниеносной быстротой, при одновременном сохранении полной тайны. Естественным результатом этого будет полная неожиданность их появления для противника. Подобная система войны довольно ясно вырисовалась уже в 1918 г. Ее типичным примером является контрнаступление Манжена, во время которого быстро сосредоточенная 10-я французская армия неожиданно и с полным успехом атаковала фланг противника. Этот способ ведения операций может еще более уменьшить наступательное значение долговременных укреплений. Взгляд, противоположный высказанным здесь принципам и относящийся к укреплениям с настоящим фетишизмом, является пережитком XIX в. Это — устарелая теория, которую невозможно применить в современной войне.

* * *

3. Из предыдущего вытекает, что переоценка роли и значения укреплений, равно как и недооценка их, могут привести в будущем к крупным ошибкам.

Даже самые прочные укрепления никогда не были силой сами по себе и не гарантировали защищающим их солдатам и охраняемому ими государству полной безопасности. Они лишь усиливали оборонительные возможности страны, увеличивая иногда очень значительно сопротивляемость ее армии. При полном использовании точности современного оружия и постоянной, целесообразной оперативной работе главнокомандующего они и в будущем принесут большую пользу. Впрочем, они имеют не только материальное значение. Они возбуждают и укрепляют чувство уверенности в собственных войсках, действуя вместе с тем сдерживающим, а иногда и удручающим образом на войска противника.

Самые значительные в настоящее время и наиболее современные французские укрепления, построенные вдоль франко-германской границы, — от места соприкосновения французской границы с Люксембургом до Рейна и вдоль него, — заключаются в непрерывной организации полей сражений на всем пространстве, охваченном этими укреплениями. Копирование этих образцов другими государствами по целому ряду причин затруднительно, а часто даже невозможно.

Более доступным образцом — в особенности для государств с широкими и открытыми границами — является система укрепленных районов.

Укрепления подобного рода применены во Франции на второстепенном фронте, т. е. в Альпах и при обороне Ниццы. Ограничивая применение подобных укреплений важнейшими стратегическими узлами, можно прикрыть с их помощью наиболее жизненные районы государства. Усиление прикрытия мобилизации и сосредоточения армии, а также создание исходных позиций для собственных войск — вот их главные задачи. Это значительно более дешевая система, не требующая для обороны таких значительных сил, как система непрерывных укреплений. Кроме того, она более гибка и дает возможность собственной армии вести действия, зависящие от меняющейся во время войны обстановки.

Необходимо всегда помнить, что главной и решающей задачей армии попрежнему остается уничтожение армии противника, а не пассивная оборона страны. Впрочем, этой последней в настоящее время невозможно достигнуть при равномерном, непрерывном и вследствие этого слишком растянутом прикрытии границ государства. Для их прикрытия необходимо предусмотреть небольшие силы, почти не втягивая в это полевые войска, сосредоточивающиеся внутри страны, для организации и проведения решающего удара в соответствующий момент и в подходящем месте.

Облегчить это должны укрепления, пересекающие пути наступающих войск противника и дающие возможность разведать его действительные намерения и подготовку, а также проведение наступления против его главных сил.

Роль и влияние долговременных укреплений стали бы губительны, если бы они служили основой совершенно пассивной обороны, которая никогда не вела к победе, а в настоящее время привела бы страну к неминуемой катастрофе. Между тем, подобные тенденции существуют. Их источником являются ложно понятые пацифистские взгляды. Стремясь во что бы то ни стало к обороне всей территории страны в целом,—что является утопией, хотя бы вследствие существования авиации,—некоторые хотят использовать для этой цели укрепления, построенные вдоль границ государства, как прочную базу войны подобного рода. Первоначальные равномерные гарнизоны этой современной китайской стены, а также их постепенное усиление по мере роста мобилизации государственных сил, должны, якобы, обеспечить успех боев, происходящих вдоль границы государства. Таким образом, основные принципы Лиги наций были бы сохранены. Кроме того, постройка укреплений подобного рода, якобы, должна привести к значительному сокращению вооружений и расходов на оборону страны.

Подобные ложные теории, продиктованные не деловыми, а политическими соображениями, провозглашают лозунги, убийственные с военной точки зрения. Как уже было выше указано, для современных технических боевых средств нет таких прочных укреплений, которые нельзя было бы прорвать, сосредоточив современные столь мощные разрушительные средства. Равномерное же распределение гарнизонов по всем границам государства, а также отсутствие достаточно сильных и подвижных резервов, открыло бы наступающему противнику путь к полной победе. Он достиг бы этой цели легко, потому что система подобного рода обеспечила бы ему полную свободу и инициативу действий.

* * *

4. Классические труды, посвященные стратегии и оперативному искусству (Клаузевиц, Жомини и др.), во многих основных вопросах сохранили свою актуальность. В общем, однако, заключающиеся в них взгляды должны быть подвергнуты коренному пересмотру, хотя бы вслед-

ствие наличия современных методов мобилизации и сосредоточения. Маневр, которым будет пользоваться будущая война, будет иметь в период прикрытия юдни свойства, а в период концентрации и после него — другие. Моторизация же, как совершенно новый фактор, усложняет дело в каждом из указанных периодов.

Независимо от системы, примененной для прикрытия, — о чем уже было более подробно сказано в другом месте, —крытие, во всяком случае, будет заключаться в организации сопротивления на растянутом, идущем вдоль границы фронте и в применении подвижных, более или менее многочисленных резервов, способных к немедленным действиям. Выбранные для этой цели еще в мирное время позиции и их гарнизоны не могут в этот период меняться, так как это угрожает их качеству. Таким образом, роль главнокомандующего будет заключаться, главным образом, в правильном использовании резервов, находящихся в его распоряжении.

Эти последние, по сравнению с протяженностью фронта, всегда будут незначительны. Тем более их необходимо беречь, чтобы в случае надобности поддержать ослабевший фронт или организовать с их помощью новые участки прикрытия на тех оперативных театрах, которые создаются по мере накопления сил. Использование их для операций местного значения недопустимо. Во избежание рассеивания имеющихся к этому времени в нашем распоряжении немногочисленных дивизий лучше решиться на временную потерю небольших приграничных участков, чем допустить излишнее ослабление, вследствие слишком упорной обороны.

Резервы прикрытия должны быть, как правило, использованы в массе и только в действительно серьезные моменты. После проведения быстрой и решительной контратаки их следует вывести из боя, чтобы сохранить для дальнейшего использования. Поэтому они должны отличаться большой подвижностью и иметь много танков или механизированную конницу. Их участие требует хорошо организованной разведки, чтобы не действовать вслепую, а также охранения на большом расстоянии и отличных средств связи. Чем реже эти действия и чем более времен-

ный характер они имеют, тем более мощной массой они должны располагать — особенно в моменты, имеющие переломное значение в полном смысле этого слова.

Однако, политические условия — прийти в случае необходимости на помощь союзнику или для обеспечения основных национальных интересов — могут привести к более быстрому использованию резервов прикрытия. В таком случае главное командование должно стремиться к замене их частями, мобилизованными ускоренным порядком, в соответствии с планом, выработанным в мирное время и осуществленным во время войны.

Это положение подвергнется изменению с того момента, когда части, мобилизованные внутри страны, станут прибывать в районы армий. Тогда фронт может быть усилен, а прибывающие части будут постепенно увеличивать силы, находящиеся исключительно в распоряжении главнокомандующего.

В этот момент обычно является искушение добиться хотя бы частичного осуществления государственных целей войны или использовать какую-либо возможность военного успеха. Перед главнокомандующим встанет тогда вопрос, действовать ли ему немедленно или же выждать того момента, когда он будет располагать основным комплексом мобилизованных сил?

Очень многие факторы оказывают влияние на выбор и применение одного из этих двух методов. Следует, между прочим, констатировать, что даже при благоприятном соотношении сил, располагающем к немедленным действиям, этому воспрепятствует характер современных войск. В отличие от наполеоновской армии 1805 и 1806 гг. они не будут способны к серьезным действиям тотчас после мобилизации.

Так как мобилизованные части будут иметь отборные, но не привыкшие к войне кадры, а преобладающее количество запасных не будет иметь достаточной подготовки, то в результате этого части, сформированные из них, не будут иметь необходимой сплоченности, кроме того, их новое боевое вооружение должно быть еще опробовано и дополнено, реквизируемые же в последний момент животные должны быть приучены к своей новой службе. Орга-

низованные таким образом тактические соединения нельзя сразу бросать в бой, следует выждать, пока они хоть немного сплотятся.

Поэтому даже при наличии хорошей армии рекомендуется проявить благоразумие и сдержанность. Впрочем, тактические принципы, установленные в мирное время, тоже потребуют некоторого опытного периода, пока не выявится их действительная практическая пригодность. Обычно, в начале каждой войны приходится действовать наощупь по многим основным вопросам. Не подлежит сомнению, что воспоминания о столь печальных событиях, как бои, происходившие в августе 1914 г., вызванные уже тогда огневой мощью автоматического и скорострельного оружия, уберегут нас в будущей войне от поисков подобной авантюры, весьма возможной при современном высоком уровне военных изобретений. В этой области нас ожидает не один печальный сюрприз.

В результате сказанного следует считать, что осторожность, проявленная в этот период войны, является добродетелью, украшающей вождя.

Впрочем, период сосредоточения не будет подходящим для начала операций в большом масштабе даже тогда, когда общая подготовка к войне будет на требуемом уровне и войска будут готовы к бою без промедления. Действительно, в этот период войны интенсивно развертывающиеся перевозки войск из внутренних областей страны к фронту чрезмерно затрудняют перегруппировку войск, уже прибывших на фронт, делая невозможными всякие параллельные фронту передвижения; важнейшие службы еще не организованы надлежащим образом, а резервы имеют много недостатков, в то время как общая организация поля сражения еще не закончена.

Проявление стратегической инициативы в этих условиях было бы решением, чреватым серьезными последствиями. Таким образом, до окончания сосредоточения главнокомандующий пойдет на это лишь в случае крайней необходимости. В нормальных условиях он скорее решится занять оборонительные позиции, частичная стабилизация которых будет до некоторой степени напоминать методы, применявшиеся в 1914—1918 гг.

* * *

Такое стратегическое выжидание не может продолжаться после того, как все силы будут мобилизованы и их сосредоточение будет закончено.

В противном случае государственные деятели станут опасаться, что руководимые ими страны могут быть втянуты в войну, которая, как 20 лет тому назад, продлится бесконечно долго, что вызовет революции во многих странах. Над стратегами снова повиснет непрерывная угроза прорыва временно стабилизовавшихся фронтов мото-мехвойсками. Гражданское же население, подвергающееся воздушно-химической опасности, тоже будет желать скорейшего окончания войны. Не следует подвергать его моральную устойчивость слишком длительным испытаниям.

Таким образом, в будущей войне будут, по всей вероятности, стремиться сократить ее начальный, исключительно оборонительный период, чтобы как можно быстрее перейти к решительному наступлению и ускорить действия решающего значения. Оборона, даже опирающаяся на современные долговременные укрепления, не может продолжаться слишком долго. Вместо пассивного ожидания событий надо будет действовать, и притом действовать весьма энергично, пользуясь методом наступления, как имеющим больше шансов на успех и победу.

В будущем наступление будет, повидимому, становиться все более и более грозным, в особенности наступление армий, обильно оснащенных современным техническим вооружением. Они будут продвигаться вперед мощными перекатами гораздо быстрее и глубже, чем во время мировой войны. Моторизованные и механизированные войска будут способствовать возрождению маневра в большом масштабе на любой доступной им местности. Таким образом, наступательный марш в будущем может напоминать поход великой армии в 1806 г., размах которого определяется теми результатами, которых достиг Наполеон, и его могучими скачками, последний из которых заключался в одном броске от Эльбы до Шпрее.

Чтобы сделать возможными подобные действия в будущей войне, необходимо рационально применять принцип расчленения сил, решительно влияющий на ход войны. Эту

возможность даст нам как пропагандируемая нами организация, так и техническое оснащение современных войск; как принятая нами мобилизационная система, так и проектируемые укрепления прифронтной полосы. Это тем важнее, что, по современным указаниям, будущая война будет, по всей вероятности, маневренной, ее фронты часто будут прорываться, а фланги воюющих будут открыты.

Военное искусство Наполеона, который был мастером применения стратегического маневра, полностью вернет свое прежнее значение. Притом авиация и модернизированная конница позволят в будущем гораздо лучше организовать разведку; моторизация современных войск и постройка соответствующей сети путей сообщения вернут этим армиям утраченную в свое время подвижность; новейшие средства связи создадут условия для более четкого, чем в 1812 г., командования.

Однако, с другой стороны, оперативное руководство современными массовыми армиями наталкивается на неизвестные в наполеоновские времена затруднения. Возможности молниеносных перемен на фронте и опасность внезапных сокрушительных ударов в будущем будут гораздо значительнее. Чтобы оказать им сопротивление, в настоящее время совершенно необходима вполне современная организация обороны страны, а также руководство операциями, вполне стоящее на высоте своих задач.

Но не следует забывать, что упомянутая нами кампания 1806 г. закончилась не только величайшей в истории победой, но и безусловной эксплуатацией разбитой в то время Пруссии. Можно провести целый ряд аналогий между этим походом и современностью. Не подлежит сомнению, что будущая война, если она произойдет, будет развертываться в условиях такой неизвестной до сих пор ненависти, что может привести к полному истреблению одной из воюющих сторон. Ведь уже теперь руководители некоторых стран открыто провозглашают, что конечной целью войны является полное истребление некоторых рас.

В этих условиях государства, которым угрожают подобные тенденции, должны во-время понять, что в случае навязанного им конфликта они будут бороться за свое существование в полном смысле этого слова. Ввиду обилия и

мощности современных средств боя, разрушительная сила которых проявится в будущей войне чрезвычайно интенсивно как на поле боя, так и во всей стране, ближайшая война станет для них вопросом жизни и смерти.

Подводя итоги всему ранее изложенному, могу с уверенностью сказать, что малейшее упущение со стороны мирно настроенных государств в области организации и приспособления обороны к характеру будущей войны было бы безумием.

Будучи вызвано стремлением к миру во что бы то ни стало или преждевременной верой в действительность международной системы безопасности, оно привело бы нас при настоящем положении вещей к неминуемой гибели.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аахен — 37
Австрия — 52, 53, 79, 230
Австралия — 62
Адриатическое море — 52
Азия — 15, 21, 56, 60
Александр Великий — 89, 212
Альпы — 237
Америка — 46, 107
Анатолия — 213
Англия — 20, 21, 46, 50, 51,
107, 109, 140, 152, 153
Антанта — 195
Антверпен — 223, 224
Араки, японский генерал — 56
Арадо — 45
Аугсбург — 42
Афганистан — 51

Б

- Бавария — 228
Баварский генеральный штаб —
32
Багдад — 213
Балила — 101
Балканы — 21, 52
Банзе, проф. — 29, 45
Басра — 213

- Бауэр — 17
Белград — 214, 226
Бельгия — 21, 51, 54, 62, 113,
194, 201, 222, 223
Бёльке — 128
Беллона — 50
Бельфор — 95
Бем Готфрид — 29
Берлин — 21, 40, 160
«Берлинер Бёрзенцейтунг» — 29
Бергенсдорф, проф. — 140
Бисмарк — 28, 31
Богемия — 228
Большой генеральный штаб —
32, 229
Бонкур Поль — 24
Борде — 190
Браунинг — 109
Брест — 21
Бриан — 14
Бриэ — 203, 219
Брухмюллер — 182
Брюнинг — 17
Брюссель — 229
Бут — 227
Бухарест — 21
Буксинек, генерал — 189
Бюндерфер — 54
Бюлов — 120

В

- Ваграм — 228
 Варшава — 141
 Вашингтонская конференция — 58
 Великобритания — 13, 54, 60, 139, 148, 153
 Венгрия — 52
 Венский конгресс — 31
 Верден — 182, 200
 Версальский договор — 17, 19, 20, 21, 23, 24, 28, 31, 33, 36, 37, 39, 45, 49, 89, 105
 Верхняя Силезия — 20, 52, 53
 Виккерс — 109
 Вильгельм I — 38
 Вильгельм II — 18
 Вилле, генерал — 95
 Виллер-Коттере — 108, 183
 Веймарская конституция — 31, 32
 Вепрж — 227
 Висла — 227
 Вильсон Вудро — 12, 139, 179
 Вотье — 160
 Вэст, майор — 140

Г

- Габер, проф. — 188
 Галиция — 202, 230
 Гаммерштейн — 19
 Ганнибал — 212
 Ганслиан, проф. — 140, 188
 Гарибальди, генерал — 21
 Гаспари, доктор — 174
 Генуя — 21
 Германия — 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 66, 67, 71, 72, 73, 79,

- 84, 88, 95, 105, 107, 117, 139, 140, 174, 182, 186, 187, 188, 195, 196, 206, 219, 221, 225, 229
 Геринг — 47
 Геслер — 43
 Гиз — 182
 Гинденбург — 19, 195
 Гитлер — 17, 19, 20, 29, 30, 37, 39, 50, 52, 61
 Голландия — 21, 46, 62, 140
 Гочкис — 109
 Грациоли, генерал — 142
 Гренер — 19
 Греция — 196
 Густав Адольф — 89
 Гюинемер — 128

Д

- Дайрен — 58
 Дания — 46
 Данцигский коридор — 20
 Дармштадт — 19
 Двина — 227
 Дебеней, генерал — 92
 Днепр — 227
 Дорнье — 45
 Донбасс — 175
 Дрезден — 40
 Дюссельдорф — 37
 Дунай — 214
 Дуэ, генерал — 89, 141—147, 148

Е

- Европа — 20, 21, 25, 54, 55, 88, 202

Ж

- Женева — 16, 20, 35, 50, 51, 140
 Женевский протокол — 13

Жехе — 57
 Жомини — 238
 Жоффр — 120, 182, 218, 219,
 221, 222, 223, 224
 Жорес — 95

З

Западная Германия — 37
 Зольдан, майор — 105, 189

И

Изар — 228
 Индия — 56, 62
 Ирак — 213
 Иран — 51
 Италия — 21, 23, 46, 50, 54,
 87, 89, 101, 109, 140, 148, 153,
 161

К

Казатин — 118
 Камбрэ — 108, 185
 Канны — 220
 Кант Иммануил — 50
 «Капиталь» — 18
 Карл XII — 89
 Карл, эрцгерцог — 228
 Каролинские острова — 60
 Келлог — 14, 15
 Кенигсберг — 40
 Китай — 56, 57, 59
 Клаузевиц — 28, 71, 89, 103,
 238
 Клемансо — 179
 Клук — 120
 Кобленц — 19, 37
 Комитет (центральный) национальных патриотических организаций — 179

Конрад фон-Генцендорф — 201,
 202
 Корея — 57, 59
 Корфу — 196
 Кэннон — 190

Л

Лангль де Керри, генерал — 200
 Ланрезак, генерал — 200, 223
 Латвия — 51
 Лейпциг — 88
 Ленин — 93
 Лига наций — 11, 12, 13, 14,
 15, 16, 18, 24, 60, 62, 186, 188,
 190, 194, 202, 238
 Литтон — 15
 Лодзинское сражение — 121
 Локарно — 20, 24, 37, 49, 62
 Лондон — 51, 141, 160
 Льеж — 222, 229
 Людендорф — 18, 28, 186, 195
 Людовик XIV — 111
 Люксембург — 222, 223, 237
 Ляодунский полуостров — 57

М

Маас — 200, 218, 222
 Мадсен — 190
 Майнц — 19, 37, 201
 Македония — 213
 Макдональд — 20
 Малая Антанта — 20
 Манжен — 108, 113, 183, 236
 Манчжурия — 15, 56, 57, 202
 Марбург — 45
 Марна — 67, 118, 120, 182, 198,
 221
 Марокко — 110
 Мартель, полковник — 116
 Маршальские остр. — 60

Мец — 52, 131
 Мозель — 228
 Молодечно — 118
 Мольтке I — 66, 71, 228
 Мольтке II — 217, 220, 229
 Монголия — 56
 Монроэ (доктрина) — 59
 Москва — 212
 Муссолини — 20, 24, 87, 141

И

Надольный — 50
 Намюр — 222
 Наполеон — 66, 71, 82, 88, 89,
 97, 103, 111, 212, 219, 228,
 242, 243
 Нанкин — 60
 «Нейер Форвертс», газета — 20
 Нивель, генерал — 182
 Ницца — 237
 Ненжессер, летчик — 128
 Нортклиф, лорд — 179
 Носке — 19
 Нюренберг — 194

П

Париж — 14, 72, 141, 160
 Полесские болота — 110
 Политис (формула) — 51
 Польша — 15, 20, 21, 26, 51, 52,
 53, 54, 85, 94, 195, 196, 197,
 225, 227
 Поморье — 53
 Порт-Артур — 58
 Потсдам — 19
 Приволжские районы — 175
 Пруссия — 66, 97, 197, 243
 Пфейфер — 190

Р

Раппало — 51
 Рейн — 237
 Рейнский пакт — 37
 Рейнская область — 52
 Резонвиль — 118
 Рейхсгофен — 118
 Рем, капитан — 38, 39
 Рихтгофен, летчик — 128
 Роланд — 46
 Ромюр — 46
 Рорбах — 45
 Россия — 19, 51, 52, 57, 60,
 84, 85, 101, 139, 202, 225
 Рузвельт — 12
 Румыния — 51, 195, 225
 Рурский бассейн — 19, 52, 195

С

Саарский бассейн — 52, 201
 Саара — 201, 228
 Саблон — 131
 Садовая — 71
 Саксония — 45, 52
 Салоники — 213
 Сато — 56
 Северное море — 21, 52
 Седан — 71, 72, 118
 Сект, генерал — 19, 37, 43, 89, 93
 Сен-Кантен — 207
 Сен-Менегу — 200
 Сен-Приво — 228
 Сербия — 202, 205, 213, 225, 230
 Сиам — 15
 Сибирь — 56
 Сибирская жел. дорога — 212
 Сикорский — 36, 175
 Сирия — 110
 Скандинавские государства — 21

Советский союз — 92
 Сомма — 182, 185
 Сорде, генерал — 120
 Спад — 185
 Средиземное море — 62
 Страсбург — 52
 Суинтон — 111
 Суперваль — 46
 США — 14, 60, 61, 109, 117,
 140, 148

Т

Тайзен, генерал — 105
 Тардые — 12
 Тирпиц (программы) — 49
 Тихий океан — 60
 Трир — 37
 Трир-Витлих — 201
 Турция — 21, 46, 51
 Тюрени — 71
 Тэн — 81

У

Урал — 175

Ф

Фалькенгайн — 98, 213, 217
 Фиат — 109
 Филиппины — 61
 Финляндия — 51
 Фландрия — 98
 «Фёлькишер Беобахтер», газе-
 та — 20
 Фокк — 128
 Фош — 78, 184
 Фрайс, генерал — 140
 Франкфурт-на-Майне — 19, 37
 Франция — 13, 19, 20, 21, 23,
 24, 25, 51, 52, 54, 55, 57, 61,
 71, 82, 96, 101, 109, 117, 139,

148, 163, 194, 203, 206, 221,
 229, 237
 Франше д'Эсперей, генерал —
 120, 213
 Франкенвальд — 228
 Френч — 120
 Фридрих I — 19
 Фридрих II — 19, 28, 89
 Фрич — 28
 Фрунзе — 93
 Фуллер — 111

Х

Хата, японский генерал — 57
 Хейнкель — 45

Ч

Чехо-Словакия — 51
 Чили — 44
 Чингиз-Хан — 212

Ш

Шарнгорст — 97
 Швейцария — 13, 21, 46, 94,
 95, 101
 Швеция — 140
 Шедевиль — 111
 Шейдеман — 18
 Шлейхер — 19
 Шлиффен — 51, 200, 201, 217,
 220, 221, 228
 Шпрее — 242
 Штреземан — 17, 20, 50
 Штутгарт — 40
 Шупо — 37
 Шуцполицей — 37, 82

Э

Эберт — 19
 Эйзенах — 42
 Эльба — 242

Энгельс — 93
 Эрзерум — 213
 Эррио — 24
 Эссен — 42
 Эслинг — 228
 Эстония — 51
 Эстьен — 111

Ю

Юденич — 213
 Юнкерс — 45, 144

Я

Япония — 14, 15, 46, 56, 57,
 59, 60, 101, 148

Alliance française—178
 Chef der Heeresleitung—32
 Chef der Marineleitung—32
 „Deutsche Wehrwissenschaft“ —
 45
 Flugwache—47
 Führerhilfe—35
 Gewaltstoss—105
 Gruppe—39
 Heeresabteilung—34

Heeresleitung—35
 Heeresvermessungstelle—34
 Highlanders—86
 Interessen-Gesellschaft der De-
 utschen Farben industrie—44
 Kraft-Delegation an Stelle des
 Reichspräsidenten—32
 Landespolizei—37
 „Mein Kampf“—20, 22
 B. Mussolini—22
 Obergruppen—39, 40
 Oberster-Befehlshaber—33
 „Revue d'alliance Nationale“—54
 Schutzstaffel—38
 Stäbler—35
 Standarte—39
 Standarten S. A.—39
 Sturm—39
 Sturmabteilungen—38
 Technische Nothilfe—42
 Truppenamt—33
 Untergruppe—39
 Wachwarnzentrale—47
 Waffenamt—43
 Wahrkreis—38
 War aims committee—179

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	5
Предисловие автора	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УГРОЗА НОВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ВОЙНЫ

Глава I. Возможна ли вообще новая война?	11
Глава II. Европа на осадном положении. Конфликт на Дальнем Востоке. Возможности новой всеобщей войны	27
1. Вооружения послевоенной Германии	—
2. Готовит ли Третья империя новую войну?	49
3. Политическая и военная обстановка на Дальнем Востоке	55
4. Всеобщий характер будущей войны	60

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННАЯ ОБОРОНА СТРАНЫ

Глава I. Гражданская и военная организация национальной обороны	63
Глава II. Современная армия	72
Глава III. Авиация и противовоздушная оборона страны	125
1. Авиация	—
2. Территориальная противовоздушная оборона страны	150
Глава IV. Будущая мобилизация	164
Глава V. Значение внезапности в будущей войне	179
Глава VI. Выработка планов в предвидении современной войны	190
1. Общий план будущей войны	—
2. План сосредоточения	198

	Стр.
3. План прикрытия	200
4. План перевозок стратегического сосредоточения	204
5. План организации тыла	208
6. План операций	214
Глава VII. Операции начального периода войны, их характер и руководство	229
Алфавитный указатель	243

УЧЕБНИК ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ

УЧЕБНИК ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ

УЧЕБНИК ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор Ч. Хмелевский
Техреды Д. Моисеенко и В. Коржин
Корректор М. Себрякова
Выпускающий В. Астафьев

Сдано в производство 20.IX.36
Подписано к печати 17.XI.36

Формат бумаги 82×110/23
Объем 15³/₄ печ. л., 12,8 авт. л.
В бумажном листе 96 000 знаков.

Упоин. Главлита № Г — 3536
Издательский № 275. Заказ № 741.

Текст отпечатан на бумаге ф-ки Вишхимз
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКЮ СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3.

2007077853

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЕ
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ